ETO BO3PEBATEJI BSERVER

Источники права вооруженных конфликтов

Ю.УСОВА

Политические процессы в России

ссии вводить или нет?

А.ГУСЕВ

Экологическая ниша России

П.СЕЛЕЗНЕВ

э.поздняков

Смертная казнь:

Политика инноваций в Европе

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории

ISSN 2074-2975 июнь 2012 № 6 (269)

BO3PEBATEJI BSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Политические процессы в России: современные реалии и перспективы

5

Ю.Усова

В статье рассматриваются результаты избирательной кампании 4 марта 2012 г. и ее особенности. Новизна состоявшихся выборов – в появлении новых идей и импульсов, в результате которых сформировались рамки национального консенсуса. Особое внимание автор уделяет анализу ключевых положений выступлений В.В.Путина в печати, в которых изложена концепция долгосрочной программы развития России.

Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика

14

А.Строителев

На основе анализа основополагающих источников права вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера – Гаагских и Женевских конвенций и протоколов к ним – дана современная правовая характеристика выбора средств и методов ведения войны в свете так называемой военной необходимости; правового статуса военнопленных, раненых и больных; защиты гражданского населения и материальных ценностей; разграничения понятий «вероломство» и «военная хитрость»; определения правовых особенностей таких категорий участников вооруженных конфликтов, как «шпион» и «наемник».

Смертная казнь: нужно ли ее вводить?

24

Э.Поздняков

В связи с недавними тяжелыми преступлениями, особенно убийствами детей, в обществе вновь оживилась дискуссия по вопросу о возвращении смертной казни.

Автор считает, что в сложившихся в стране условиях и при существующем уровне правосознания в обществе необходимо возвращение смертной казни для особо тяжких преступлений.

Экологическая ниша России

33

А.Гусев

Понимание современного состояния отношений между социумом и природой в условиях глобализации определяет предметные контуры и эвристический потенциал новой политологической субдисциплины – экологической политики, формирование которой отражает специфику и особенности современного политологического познания, переживающего этап становления и поиска своего гносеологического статуса и теоретических оснований

Российское образование в контексте Болонского процесса

48

Н.Гусева

Внедрение положений Болонской декларации (Россия присоединилась в 2003 г.) является, по сути, механизмом обеспечения сравнимости качества подготовки выпускников разных уровней, разных образовательных учреждений, квалификации, глубины профессиональной подготовки и готовности к мобильности в разных странах, в том числе в России.

Решение данных задач связано с перераспределением социальных ролей, которые университеты, государственные власти и общество должны играть в будущем при определении развития высшего образования.

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве

62

Я.Корэйба

В статье анализируется возможность выработки и осуществления проектов политической и экономической интеграции стран постсоветского пространства, рассматриваются структура и динамика международного сотрудничества стран Восточной Европы, генезис, практика и перспективы политики постсоветских государств в отношении существующих международных организаций и инициатив, а также содержится прогноз развития расстановки сил в Европе и ее влияния на глобальную и европейскую стабильность.

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории

69

А.Фурсов

Автор исследует социальную природу крестьянина, его место в системе разделения труда, специфику положения крестьянства в социальных системах.

Межпарламентские институты: критерии и классификация

А.Виноградова

Данная статья посвящена общей характеристике категории межпарламентского института (МПИ) и его разновидностей. На основе собственной обобщающей системы критериев автор разрабатывает свою классификацию МПИ.

Проведя аналогию с известной концепцией «волн» демократизации, автор представляет хронологическую схему «волн парламентаризации» международных организаций, а также сравнительный эволюционный анализ двух основных генотипов МПИ – международных парламентских организаций и парламентских органов международных организаций.

Европейский путь инновационной политики

107

П.Селезнев

Статья посвящена анализу европейского опыта реализации инновационной политики. Автор подчеркивает, что во многом интерес стран Евросоюза к инновациям обусловлен возрастающими потребностями «общества потребления», которое в начале XXI в. стало еще более «требовательным» и «капризным».

От того, насколько власти удается обеспечить такого рода модернизацию, зависят и прочность ее позиций, и политическая стабильность, и эффективность политического и социально-экономического курса. Автор анализирует инновационную конъюнктуру в Германии – неформальном лидере EC, отмечая ее сильные и слабые стороны.

Рецензии

Россия, Италия и Ватикан в Европе XXI века

122

В.Богомазов

В начале февраля с.г. состоялась презентация книги «На перекрестке Средиземноморья: "итальянский сапог" перед вызовами XXI века». Рецензент отмечает, что в коллективной монографии проанализировано кардинальное изменение в политической системе Италии, произошедшее в начале 90-х годов, дан обстоятельный обзор политической борьбы в стране по важнейшим аспектам внешней и внутренней политики. Автор рецензии останавливает внимание на разделе, в котором дан очерк роли Ватикана в современном мире, взаимоотношений Ватикана и России, Ватикана и Русской Православной Церкви.

Героическая страница истории внутренних войск МВД

125

А.Соловов

В рецензии дается всесторонний анализ книги В.Журавеля и А.Лебедева «Грозный. Особый район», в которой собраны и обобщены обширный документальный материал, публикации СМИ как отечественных, так и зарубежных изданий, взгляды политиков и военных на подготовку и проведение контртеррористической операции в Грозном в 1999—2000 гг. Отмечается, что особенность данного труда состоит в высказанном авторами книги мнении о том, что разрешение внутреннего вооруженного конфликта на Кавказе никогда не удавалось осуществить исключительно военными или мирными средствами. Необходим комплексный подход.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. — исп. директор, к.т.н.; АБАШИДЗЕ А.Х. — д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. — к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. — д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. — д.п.н.; ГУСЕВ А.А. — д.п.н., проф.; ГУСЬ-КОВА Е.Ю. — д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. — д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. — д.п.н.; КОМАРОВ И.К. — д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. — д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. — д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. — к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. — д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. — д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. — д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. — д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. — д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

APICTOR B.B. - член-корреспондент РАН ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ ГАЛОГАНОВ А.П. - президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ ГРИБ В.В. - заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России ДЕЛЯГИН М.Г. - директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН ЗОРИН В.С. - первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор ИВАППОВ Л.Г. - президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор КРЕМЕНЮК В.А. - заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор ЛАДЫГИН Ф.И. - вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник МУРАДОВ Г.Л. - заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудниче-ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН ПРИМАКОВ Е.М. - академик РАН

СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, про-

фессор

ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН

ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычай-

ный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН

ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»

ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-кор-

респондент РАН, профессор

ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических

наук, профессор

© РАУ-Университет

Политические процессы в России: современные реалии и перспективы

Анализ итогов избирательной кампании 4 марта 2012 года

Юлия Усова

На сегодняшний день понимание политических процессов, происходящих в России, приобретает огромное значение. Развитие России это не то, что можно остановить или повернуть вспять, здесь своя движущая сила и своя логика.

В современной отечественной политологии существует несколько точек зрения на содержательную характеристику понятия «политический процесс».

- М. В. Ильин рассматривал политический процесс как «смену состояний политической системы, ее функционирование в режиме времени»¹.
- Б. И. Кретов определил политический процесс как особый вид социально-исторических процессов, специфической чертой которого выступает достижение политическими субъектами общих целей при помощи использования власти².

Политический процесс образуется деятельностью субъектов и их взаимоотношениями. Следовательно, политический процесс – это последовательная смена состояния социально-политической действительности и, в первую очередь, политической системы². Политический процесс показывает, как инди-

УСОВА Юлия Викторовна - кандидат политических наук, доцент (Владикавказский институт управления). *E-mail*: usova_yv@mail.ru

Ключевые слова: политические процессы, демократические ценности, итоги президентских выборов, программа развития России.

виды, группы, институты власти взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя специфические роли и функции.

Электоральный процесс является важнейшим проявлением политического процесса в условиях построения демократического общества. Электоральный процесс – совокупность отношений, фактов, событий и изменений, которые возникают при взаимодействии акторов политики по поводу выборов³. Он охватывает и предвыборный, и избирательный периоды. При этом взаимодействие профессиональных политиков и электората интерактивно, так как политическая культура избирателей способна качественно воздействовать на итоги выборов.

Выборы позволяют осуществлять базовые принципы политического участия, соблюдения прав и свобод граждан, разделения властей, гражданского общества и правового государства. Роль выборов зависит прежде всего от степени гражданственности общества и демократичности политического режима.

в современных условиях рекрутирование политической элиты, непосредственно и систематически участвующей в принятии решений, связанных с использованием государственной власти или воздействием на нее, имеет особую значимость. Выборы в органы государственной власти изначально призваны служить демократии, неразрывно связаны с её общей концепцией и ценностями.

4 марта 2012 г. состоялись выборы Президента Российской Федерации, в которых приняли участие более 71 млн чел.

Окончательное распределение голосов избирателей, согласно данным Центризбиркома РФ, выглядит следующим образом: 6,22% проголосовали за В.В.Жириновского; 17,18% — за Г.А.Зюганова; 3,85% — за С.М.Миронова; 7,98% голосов избирателей отдано за М.Д.Прохорова; 63,6% — за В.В Путина⁴.

Таким образом, президентом России на следующие шесть лет избран В.В.Путин.

Обсуждение итогов президентских выборов будет доминировать в информационном поле еще долго,

ведь результаты голосования способны и в ближайшее время, и в долгосрочной перспективе трансформировать конфигурацию политических сил и состояние общественного мнения. С самого начала была видна разница в уровне подготовки кандидатов, в имеющихся у них интеллектуальных, кадровых, эмоциональных ресурсах. Уровень поддержки победителя оказался гораздо выше предсказываемого оппозицией. Путину удалось за короткий срок эффективно мобилизовать свой электорат. Соответственно полученному результату увеличилась и легитимность действующей власти, и ее возможности по реализации заявленного В. Путиным нового курса.

пецифика голосования на президентских выборах 2012 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа выглядит следующим образом.

По данным Центризбиркома России, явка избирателей по Северо-Кавказскому федеральному округу составила 75,6% от общего числа избирателей, при этом в Чеченской Республике (ЧР) — 98,7%, в Дагестане — 79,6%, в Республи-

ке Ингушетия — 76,3%, в Ставропольском крае — 50,4%, в Кабардино-Балкарии (КБР) — 67,3%, в Карачаево-Черкесии (КЧР) — 83,8%, в Республике Северная Осетия-Алания — 73,2%5.

Итоги голосования за кандидатов в президенты России по субъектам Северо-Кавказского федерального округа представлены в табл.

Таблица

Субъект Федерации	Голоса, поданные за кандидата, %				
	В.В.Путин	Г.А.Зюганов	В.В.Жири- новский	М.Д.Про- хоров	С.М.Миро-
Республика Дагестан	92,84	5,94	0,11	0,45	0,29
Республика Ингуше- тия	91,1	4,45	1,17	1,16	1,06
Кабардино-Балкарс- кая Республика	77,64	13,81	3,08	2,32	3,05
Карачаево-Черкес- ская Республика	91,36	5,81	0,98	0,90	0,74
Республика Север- ная Осетия-Алания	70,06	21,05	3,16	1,66	3,11
Чеченская Респуб- лика	99,7	0,03	0,02	0,02	0,03
Ставропольский край	64,7	18,03	6,99	6,33	3,14

В национальных субъектах России электоральный анализ очень затруднен из-за управляемости голосования.

Ставропольский край и Республика Северная Осетия-Алания выглядят более политически зрелыми и выделяются на фоне других субъектов Северокавказского региона, где более 90% голосов избирателей отдано за В.Путина. Политические и социальные процессы в национальных республиках имеют как бы двойное измерение, двойные исследовательские и мировоззренческие стандарты. Политическая структура этнорегионов России, хотя в определенной мере и стала приобретать партийнополитическую окраску, все же складывается из взаимодействия через административный аппарат управленческой элиты, хорошо организованных через предпринимательство и банковско-финансовую систему групп давления и практически пока неорганизованного политически населения.

В характере этого взаимодействия во многом и заключаются неограниченные возможности административного давления на общественное мнение и политический выбор населения, с одной стороны, а с другой – слабая социальная база социально-экономического и политического реформирования⁶.

В условиях авторитарного режима даже процедурно корректные свободные выборы лишь легитимируют корпоративный пакт элит. В данном

случае речь идет об авторитарных тенденциях политической жизни в этнорегионах России. Эти тенденции, по мнению российских политологов С.И.Барзилова и А.Г.Чернышова, характерны в целом для российской провинции и обнаруживают себя в следующих моментах:

- в способности населения уступить волевому политическому давлению со стороны власти, в отсутствии у него политико-организационных возможностей и социальных резервов:
- в особых формах организации местной власти и самоуправления для осуществления политической экспансии региональной элиты в отношении как Центра, так и местного населения;
- в наличии апробированных социальных и политических технологий административной элиты для манипулирования общественным мнением на местах⁷.

Кроме данных факторов политическая нерациональность избирателей в национальных регионах России обусловлена еще и низкой политической культурой населения в целом.

В настоящее время нельзя говорить о глубоко рациональной и аргументированной политической ориентации значительной части избирателей этнорегионов. Для этого просто нет соответствующего уровня знаний о политике, не тот тип преобладающей политической культуры: он подданнический, со значительными чертами традиционности, в соответствии с которой избиратели выражают свои взгляды.

Региональная политическая культура Юга России имеет черты традиционализма и консерватизма, корпо-

ративной обособленности сегментов общества. Здесь ценится коллективизм, религиозность, крепкая патриархальная семья. На Юге гораздо сильнее, чем в среднем по России, выражены настроения в пользу сильного государства, великой страны – центра постсоветского пространства. Такие ценности, как демократия, права человека, многопартийность, выражены значительно меньше, чем в среднем по стране, и признаются скорее на абстрактном уровне.

Перечисленные факторы воздействуют на политическую ориентацию, проходят через фильтр региональной политической культуры и социально-стратификационных качеств правящей элиты. Политические традиции в регионах придают властным отношениям такую конфигурацию, когда диспозиции политических сил относительно локусов власти, равно как и ориентации на эти средоточия власти избирателей, превращаются в основные критерии электорального поведения. Ориентации избирателей в свою очередь отмечены поисками «настоящей власти», с одной стороны, отвечающей традиции подчинения самодержцу (тоска по «доброму царю»), а с другой – способной продемонстрировать свою властность («грозу», «крутость»)⁸. Наконец, не менее важным является тот факт, что для формирования высокого уровня политической культуры населения требуется не менее высокая электоральная культура государственных органов, осуществляющих выборы.

собенностей избирательной кампании 2012 г. несколько:

- во-первых, это наличие беспрецедентного количества наблюдателей от партий и общественных организаций;
- во-вторых, введение системы web-трансляции с избирательных участков, которая на выборах президента России стала настоящей социальной сетью.

Для реализации этого уникального по масштабам проекта web-камеры были установлены на 91 тыс. избирательных участков. Такую систему, которая одновременно транслирует информацию со 184 тыс. камер для неограниченного количества пользователей, в мире никто еще не использовал, при этом все программное обеспечение системы было полностью создано российскими программистами.

Еще одной характерной чертой стал тот факт, что предвыборная кампания 2012 г. была активизирована акциями протеса оппозиции. Протестные настроения сформировали «невралгию» выборов и были направлены на обновление страны. В условиях активности оппозиции произошла консолидация электората В.В.Путина, что, по сути, явилось контрреакцией его сторонников на действия оппозиционеров. Путин не связан с конкретной партией и политической ориентацией, он дистанцировался от «Единой России», поставив перед собой задачу консолидации различных политических сил и понимая необходимость ослабления централизма и создания новой социальной базы для успешной модернизации страны и политической конкуренции.

овизна состоявшихся выборов – в появлении новых идей и импульсов, в результате которых сформировались рамки национального

консенсуса. В.В.Путин изначально позиционировался как лидер всей страны. Большинство населения России выступило против оранжевого западно-американского вектора. И теперь главная проблема власти – найти оптимальное решение стоящих перед страной задач, реализовать идею социально-экономических и политических реформ с опережением ожиданий общества.

Впервые за долгие годы серьезная разница в результатах кандидатов сказалась и на таком устойчивом российском феномене, как демонстративное непризнание итогов выборов некоторыми проигравшими. То, что Жириновский и Миронов еще до оглашения официальных итогов подсчета всех голосов избирателей поздравили победителя, - позитивный шаг в развитии нашей политической культуры. Радикальная оппозиция не просто отказалась признать очевидное, а не смогла своевременно сменить свою тактику, сохранив и прежнюю логику, и прежние ориентиры. Но ориентиры эти серьезно изменились. До 4 марта они были против Путина как кандидата в президенты и политика. После 4 марта они выступают уже против законно избранного президента, получившего на открытых выборах абсолютное большинство голосов. Теперь Путин должен защищать выбор, сделанный гражданами. И механизмы защиты этого выбора могут быть чрезвычайно разнообразными.

По-мнению политологов, своей кампанией Путин доказал, что сохраняет достаточную силу и популярность. Он удачно разыграл тему стабильности, с которой его имя ассоциируется у избирателей. Кампа-

9

ния, которую проводили оппозиционные кандидаты, в целом не позволяла нанести серьезный агитационный урон фавориту гонки. Сам Путин организовал куда более публичную и политически активную кампанию. Он мобилизовался для того, чтобы обратиться к тем слоям, которые раньше принято было называть «путинским большинством», с предложениями, которые от него долго ждали: необходимость проведения политической реформы, принятия антикоррупционных мер, реализации новых жестких решений по контролю за расходами чиновников, расширение демократической конкуренции.

Таким образом, Путин перехватил у оппозиции их же лозунги, преимущественно левопатриотические. Но самая важная миссия президентского срока Путина заключается в расширении каналов демократического участия. Организация легальной сменяемости власти является главной страховкой от революционных шоков и вмешательства извне. В этой связи Путину важно реализовать реформу по выборам губернаторов, поскольку тогда будут появляться публичные политики с опытом реального управления, которые смогут представлять альтернативу нынешней команде.

колько бы ни рассуждали ведущие аналитики про стабильность, консолидацию элит и неготовность народа к радикальным изменениям, В.В.Путин, как политик весьма проницательный, понимал, что старая повестка дня исчерпана, а новая не предложена; горизонты

страны не очерчены, идеалы размыты, достижения последних лет неочевидны.

Что можно предложить избирателю, которого накануне выборов нужно либо чем-то вдохновить, либо чем-то испугать? Можно пойти по самому очевидному в предвыборный год пути, а именно по пути стандартного популизма. Много обещаний о повышении зарплат, социально ориентированное государство и т. д. Но эта повестка дня все равно не ответит на главный вопрос – что дальше?

Инерционный сценарий, который практикуется российской элитой в последние годы, с одной стороны, всех устраивает, поскольку не несет в себе угроз кардинальных перемен, а следовательно, гарантирует более или менее спокойное существование внутри принятой системы координат, а с другой – нельзя не признать, что состояние российского общества все же отличается от того, каким оно было четыре года назад, на стыке прежних политических циклов. Новые социальные изменения в России требуют совершенно разных инструментов и подходов. Отсюда - острая, буквально жизненная необходимость выработки новой программы действий.

Такой программой стали статьи В.В.Путина, в которых он, говоря о проблемах страны, изложил свою концепцию в качестве долгосрочной стратегии развития. Путин не принял участия в теледебатах с другими кандидатами, но он, пожалуй, впервые опубликовал то, что можно было бы назвать фундаментальными основами его идеологии. Причем в отличие от всех иных программных документов партии власти статьи

Путина отличались более или менее четким обозначением ценностных основ его политического курса.

В принципе основной пафос всех предвыборных выступлений премьера состоял в том, что именно он как кандидат в президенты наилучшим образом отвечает трем фундаментальным для нынешнего исторического момента залачам:

- поддержанию социального равновесия в обществе за счет умеренного экономического курса;
- сохранению территориальной целостности страны;
- защите государственного суверенитета.

Все предвыборные послания Путина своим избирателям, которые сам премьер справедливо назвал «консервативными», укладывались именно в эти три задачи. Путин спорил с левыми и правыми конкурентами, отбиваясь от предложений поднять пенсионный возраст и отменить итоги приватизации, но соглашаясь обложить олигархов компенсационным налогом для вывода из тени их состояний, он полемизировал с русскими националистами, требующими отказа от субсидирования кавказских республик, считая эти предложения опасными для единства страны.

Наконец, Путин и его сторонники неустанно критиковали тех своих противников, кто имеет покровителей за пределами нашей страны и готов в борьбе с режимом принять американскую помощь. Можно сказать, что в ходе именно этой избирательной кампании Путин попытался создать новое политическое течение. Конечно, политика Путина будет еще много раз меняться согласно обстоя-

тельствам, но идеологическая программа победившего кандидата едва ли претерпит какие-то существенные трансформации.

Тезис, с которого начинается одна из программных статей Путина «Демократия и качество государства»⁹, говорит о том, что Российская Федерация – действующее демократическое государство. Этот тезис имеет основополагающее значение для страны и особенно актуален сегодня. Нам пришлось пройти долгий путь, длиной в четверть века, чтобы услышать это от политического лидера, доказавшего свою способность сплотить общество во имя общенациональных целей. Сегодня мы вновь надеемся на наше государство и собираемся совершенствовать и укреплять институты гражданского общества, постоянно расширяя зону активного участия общественных формирований в управлении государством.

Чрезвычайно важным, ключевым пунктом рассуждений о федерализме является прозвучавшее на высшем политическом уровне признание не только социально-экономических, но также и социокультурных различий между территориями, входящими в состав России.

Еще одна статья В.В.Путина, «Россия: национальный вопрос» 10, также носит программный характер. Мысли и идеи, изложенные в ней, не просто касаются одной из самых болезненных проблем современности для всего глобализованного мира, но и содержат четкие положения, которые должны лечь в основу государственной внутренней и внешней политики.

Ключевая установка статьи «Самоопределение русского народа – это

полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» 10 раскрывается через исторический экскурс, анализ современной ситуации и попытке прогнозировать основные тенденции ее развития в обозримом будущем. Тема статьи – межнациональный вопрос – как никакая другая волнует население России. По мнению экспертов, выход статьи на эту тему показывает, что премьер хорошо чувствует и знает, что волнует граждан страны.

Премьер исходит из того, что «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹⁰. Далее автор довольно жестко критикует современный опыт его решения в различных странах мира, указав на явный провал политики «мультикультурализма» в Западной Европе и США. Прогнозируя, что колоссальные миграционные потоки, скорее всего, будут усиливаться (их уже называют новым «великим переселением народов»), он иронично замечает: «"Плавильный котел" ассимиляции барахлит и чадит – и не способен "переварить" все возрастающий масштабный миграционный поток». По мнению В.Путина, за «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства» - государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности¹⁰.

В связи с этим В.Путин снова повторяет и развивает свой ранее уже обосновывавшийся тезис о распаде СССР как масштабной исторической катастрофе и показывает, как в начале 90-х годов прошлого века продол-

жение процессов дезинтеграции могло привести к развалу по аналогичному сценарию и самой Российской Федерации. В статье особое место в предотвращении дезинтеграционных процессов статья отводит культурной политике государства, направленной на сохранение «единого культурного кода». Для проведения эффективной национальной политики премьер предлагает в системе федеральных органов власти создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов.

Таким образом, развитие, реформы, модернизация необходимы России. Также одной из важнейших проблем Путин считает и очень большую социальную стратификацию общества. Действительно, Россия обогнала все развитые страны по дифференциации населения (между самыми богатыми и теми, кто живет за чертой бедности). И это нужно минимизировать за счет уменьшения числа бедных.

Политическая элита может быть тормозом или авангардом общества.

Стабильность, как известно, имеет два измерения: с одной стороны, она противостоит хаосу, непредсказуемости, революционным потрясениям, а с другой - часто трактуется как консерватизм, приверженность существующим порядкам, боязнь нового. Очевидно, что привычные вертикальные схемы, спасшие страну от развала, уже непродуктивны. Новые подходы необходимы в отношениях между Центром и субъектами Федерации. В современных условиях российское руководство должно будет сопоставлять свою деятельность с общественным мнением.

Политическую жизнь в стране изменил такой феномен, как уличные митинги и демонстрации протеста. Однако протест должен осуществляться только в законных конвенциональных рамках. В результате политичес-

кой реформы несистемная оппозиция сможет на разных уровнях принимать участие в выборах, партии будут зарегистрированы. Диалог с обществом может вестись и в формате расширенного правительства.

Победа В.В.Путина очевидна, и перемены в стране уже происходят. Мы можем говорить о формировании новой модели гражданского лидерства, основанной на диалоге и гражданской активности.

Согласно мнению аналитиков, логика происходящего продиктована следующими положениями:

- первый президентский срок Путина (2000–2004 гг.) процесс реанимации страны;
 - переизбрание на второй срок (2004–2008 гг.) процесс реабилитации;
- возрождение страны и формирование национальной идеи ожидаемая суть новых выборов президента России.

Примечания

- ¹ Ильин М.В. Ритмы и масштабы времени (О понятиях «процесс». «изменение» и «развитие» в политологии) // Полис. 1993. № 2. С. 57.
- ² Кретов Б.И. Политический процесс в России. М., 1999. С. 3, 4, 5.
- ³ Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. М., 2007. С. 99.
- ⁴ Выборы Президента Российской Федерации в 2012 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации // URL: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/index.html
- ⁵ Результаты выборов Президента РФ в СКФО // URL: http://www.skfo.ru/news/2012/ 03/05
- 6 Усова Ю.В. Выборы как институт формирования элиты // Обозреватель–Observer. 2008. № 3(218). С. 109.
- ⁷ Койбаев Б.Г. Проблемы взаимоотношений региональной элиты и населения в общественно-политической жизни // Гражданское общество (Владикавказ). 2006. № 1. С. 9.
- ⁸ Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Выборы 1999–2000 гг. в России: трансформация электорального пространства и властных отношений // Політична думка. 2000. № 2. С. 36.
- 9 Путин В.В. Демократия и качество государства // РГ. 2012. 6 февр.
- 10 Путин В.В. Россия: национальный вопрос // НГ. 2012. 23 янв.

Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика

Алексей Строителев

Настоящая статья открывает цикл публикаций по смежным вопросам, весьма актуальным для современной политической и правоохранительной практики и касающимся основ правового оформления деятельности институтов государственной власти, а также порядка реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях совершения насильственных посягательств на национальную безопасность Российской Федерации.

Автор анализирует систему источников права вооруженных конфликтов и дает их современную правовую характеристику, раскрывает основные теоретические и методологические подходы к пониманию сущности, содержания и использованию принципов права вооруженных конфликтов как самостоятельной отрасли международного гуманитарного права, исследует природу, значение и основополагающие виды (формы) государственного принуждения как меры ответного и превентивного воздействия Российской Федерации в лице уполномоченных органов государственной власти на широкий круг субъектов насильственных посягательств на ее национальную безопасность.

Редакция

СТРОИТЕЛЕВ Алексей Николаевич – кандидат юридических наук. E-mail: boretz.alexandrer@yandex.ru

Ключевые слова: право; вооруженные конфликты; правовая характеристика; Гаагские и Женевские Конвенции; комбатанты; военнопленные; средства и методы ведения войны.

сследования норм права вооруженных конфликтов, проведенные российскими и зарубежными учеными-юристами, позволяют сделать важный теоретический вывод о том, что воюющие стороны всегда ограничены в выборе средств и методов ведения войны¹.

Этот принцип впервые был закреплен в ст. 22 Положения о законах и обычаях сухопутной войны, которая является приложением к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (далее – Положение), а также ст. 35 Дополнительного протокола, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. В частности, п. «а», «б», «в» ст. 23 Положения 1907 г. закрепляют абсолютные запреты, которые недопустимо нарушать со ссылкой на военную необходимость, - употреблять яд или отравленное оружие, убивать или ранить гражданских лиц, убивать или ранить неприятеля, который сложил оружие, и т. д.

Вместе с тем право вооруженных конфликтов содержит нормы, регулирующие выход за определенные рамки со ссылкой на военную необходимость. Однако количество таких норм строго ограничено. Среди них п. «ж» ст. 23, ст. 54 Положения 1907 г., ст. 33 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г., ст. 53 Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны 1949 г., ст. 126 Женевской конвенции о режиме военнопленных и некоторые другие.

Убедительными представляются выводы известных правоведов

А.И.Полторака и Л.И.Савинского относительно взаимосвязи перечисленных норм международного права с военной необходимостью. Они отмечают, что ссылка на военную необходимость возможна в тех исключительных случаях, когда это предусмотрено в конкретных нормах². Другими словами, ссылка на соображения военной необходимости должна соответствовать именно тем условиям, которые для каждой ситуации определены конвенциями.

Вполне справедливо отметить, что при этом в ряде случаев на сторону, прибегающую к ссылкам на военную необходимость, возлагаются дополнительные специальные обязательства. Наиболее отчетливо такие обязательства закреплены в ст. 11 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. Указанная статья, в частности, предусматривает, что объект может быть лишен иммунитета в исключительных случаях неизбежной военной необходимости и лишь до тех пор, пока существует эта необходимость. Это должно быть подтверждено «воинскими начальниками, начиная только от командира дивизии или части, соответствующей дивизии и выше». Далее, сторона, которая снимает иммунитет, письменно с указанием причин информирует об этом Генерального комиссара ООН по культурным ценностям.

Представляется важным особо подчеркнуть, что термины «настоятельная необходимость», «крайняя необходимость», «абсолютная необходимость», «в виде исключения и в течение ограниченного времени» в международно-правовых докумен-

тах не определены в нормативном порядке.

Отсюда следует, что государствам-участникам конвенций в национальном законодательстве целесообразно не только закрепить данные категории, но и детализировать их (выработать понятия, оценочные критерии) с целью эффективного использования категорий права вооруженных конфликтов в правоприменительной и правоохранительной деятельности соответствующих государственных органов. Кроме того, государствам - участникам данных конвенций следовало бы разработать единые унифицированные оценочные критерии указанных терминов для определения общей позиции по конкретным вопросам в период вооруженного конфликта и закрепить их в нормах международного права. И, наконец, ссылка на военную необходимость допускается лишь тогда, когда речь идет о чрезвычайной опасности, создаваемой для материальных, культурных и других ценностей, и не может распространяться на ситуации, связанные с созданием дополнительной угрозы для жизни и здоровья людей.

Таким образом, поскольку нормы международного права направлены на всемерное ограничение насилия в сфере вооруженной борьбы, можно считать, что главным моментом, характеризующим природу и содержание норм права вооруженных конфликтов, является его гуманистическая направленность².

ереломным моментом в формировании норм права вооруженных конфликтов стало принятие 1-й Гаагской конференцией мира 1899 г.

(подтвержденной впоследствии 2-й Гаагской конференцией мира 1907 г.) Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны.

Эта Конвенция закрепила положение о том, что армия, ополчения и добровольческие отряды находятся под защитой ее норм, если:

- имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- имеют определенный и явственно видимый отличительный знак;
- открыто носят оружие; соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ее ст. 2 определяет, что сражающимся считается также население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие, открыто будет носить его, соблюдать законы и обычаи войны.

Специальный раздел названной Конвенции посвящен военнопленным. В частности, в нем закрепляется, что комбатант в случае его захвата неприятелем пользуется правами военнопленного. Основной критерий, определяющий правовое положение военнопленного, закреплен в ст. 4: военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

Гаагская конвенция подтвердила Женевскую конвенцию 1864 г. и в ст. 22 закрепила важный для всего мирового сообщества принцип: «Воюющие не пользуются неограниченным правом выбора средств нанесения вреда неприятелю». Более того, конвенция детализирует данный принцип, закрепляя в качестве недопустимых употребление яда, убий-

ство или нанесение увечья населению и военнослужащим, объявление, что никому не будет пощады, и т. д.

Конвенция регулирует вопросы собственности, закрепляя, что оккупирующая держава не является собственником, а обладает лишь правом управления и пользования по отношению к государственному имуществу и обязана его сохранять.

Положения этой Конвенции получили дальнейшее закрепление в многочисленных международно-правовых документах³.

И сключительно важное место среди источников права вооруженных конфликтов занимают международно-правовые акты, принятые на второй Гаагской конференции мира.

Итогом работы этой конференции стало принятие 18 октября 1907 г. таких международно-правовых документов, как:

- Конвенция (I) о мирном решении международных столкновений;
- Конвенция (II) об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам;
- Конвенция (III) об открытии военных действий;
- Конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны с прилагаемым к ней Положением (Гаагское положение) о законах и обычаях сухопутной войны;
- Конвенция (V) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны;
- Конвенция (VI) о статусе судов торгового флота противника в начале военных действий;
- Конвенция (VII) о преобразовании судов торгового флота в военные корабли;
- Конвенция (VIII) о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин;
- Конвенция (IX) о бомбардировании морскими силами во время войны;

- Конвенция (X) о применении начал Женевской конвенции 1864 г. к морской войне;
- Конвенция (XI) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне;
- Конвенция (XIII) о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны.

До принятия в 1899 г. Декларации об обязательстве не употреблять снаряды, распространяющие удушливые и вредоносные газы (в рамках Первой Гаагской конференции мира), предпринимались неоднократные попытки дальнейшего нормативного закрепления недопустимости употребления отравляющих газов в период войны. И только после Первой мировой войны в ст. 171 Версальского мирного договора от 28 июня 1919 г. стороны условились, что употребление на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, жидкостей, веществ и способов запрещено, и постановили, что производство и ввоз их в Германию строго воспрещается. Аналогичные положения были включены в другие мирные договоры 1919 г. и в Берлинский договор между США и Германией от 25 августа 1921 г.³

17 июня 1925 г. был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Государства заявили, что, поскольку они не состоят участниками договора 1921 г., признают это запрещение и соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу.

СССР присоединился к протоколу 2 декабря 1927 г., а 5 апреля 1928 г.

сдал на хранение свою ратификационную грамоту. В специальном протоколе зафиксированы обоснованные и актуальные для безопасности СССР того исторического периода оговорки к Протоколу 1925 г., а именно: он обязывает Правительство СССР только по отношению к государствам, которые его подписали, ратифицировали или окончательно к нему присоединились, Протокол перестает быть обязательным для Правительства СССР в отношении всякого неприятельского государства, вооруженные силы которого, а также формальные или фактические союзники не будут считаться с воспрещением, составляющим предмет Протокола 4 .

ля дальнейшего исследования вопроса о формировании источников рассматриваемой отрасли права целесообразно обратиться к позиции российского ученого В.В.Пустогарова, который справедливо отмечает, что первоначально, в период формирования отрасли права вооруженных конфликтов, развитие и исследование источников пошло по пути выделения в отдельную группу Женевских конвенций, отличных от Гаагских. Длительное время Гаагские конвенции именовались «правом Гааги», а Женевские конвенции «правом Женевы». Но постепенно право вооруженных конфликтов выделялось в самостоятельную отрасль международного права⁵.

Важную роль в этом становлении сыграли две Женевские Конвенции 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и о режиме военнопленных. Конвенции устанавливали, что раненые и

больные противника после выздоровления получали статус военнопленных. Участники конвенции заявили о необходимости принимать различные меры, связанные с ответственностью своих граждан за нарушения норм гуманитарного права. Указанные международно-правовые документы содержали также новые требования, связанные с необходимостью соблюдения норм Конвенции всеми, а не только участниками конфликта, освобождении медицинского персонала противника, в частности, в случае его захвата.

После Второй мировой войны мировое сообщество вновь вернулось к проблемам правового регулирования вооруженных конфликтов. Была необходима новая, отвечающая современным общественным отношениям система правовых норм.

Эту задачу выполнили четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним 1977 г. Все прошедшие с того времени современные международные и внутренние вооруженные конфликты убедительно подтверждают значимость указанных международно-правовых документов.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женевская конвенция I) закрепила и структурировала нормы, регулирующие правовое положение раненых и больных, санитарных формирований и учреждений: санитаров, обеспечивающих розыск и подбирание, транспортировку раненых и больных; санитарного транспорта, а также использование отличительной эмблемы.

Женевская конвенция I подтверждает норму «Гаагского права» о том,

что постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования не могут быть подвергнуты нападению ни при каких условиях. Ст. 22 дополняет это правило и устанавливает, что личный состав санитарного формирования в целях защиты раненых и больных может быть вооружен. Охрана санитарного учреждения может осуществляться пикетом, часовыми или конвоем. Главным представляется требование о недопустимости нападения на санитарное подразделение.

Документ устанавливает, что воюющие стороны примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать мертвых и установить их личность, стороны проследят, чтобы умершие были погребены с честью, с соблюдением обрядов религии, а могилы отмечены таким образом, чтобы их всегда можно было разыскать. Однако эта правовая норма не может быть прямо соотнесена с действующими нормами национального законодательства. Так, например, российское законодательство предполагает анонимные захоронения лиц, причастных к террористической деятельности, погибших при оказании вооруженного сопротивления федеральным силам.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женевская конвенция III) подробно регламентирует правила обращения с военнопленными с момента попадания в плен до репатриации из плена. В ней закреплены правила в отношении личных вещей военнопленного, создания лагерей для военнопленных, их интернирования, питания, одежды, гигиены и медицинской помощи, медицинского и духовного персона-

ла для военнопленных, правила об отправлении религиозных обрядов.

Специальные статьи посвящены дисциплине в лагерях, сохранению воинских званий, привлечению военнопленных к работам и оплате этого труда, сношения военнопленных с внешним миром.

Особая часть Конвенции рассматривает взаимоотношения военнопленных с оккупационными властями. Она содержит правила подачи жалоб по поводу режима плена, причем военнопленные (кроме лагерей для офицеров) каждые шесть месяцев избирают доверенных лиц, которые представляют их интересы. В офицерских лагерях таковым является старший по званию⁵.

Рассматриваемая Конвенция подробно регламентирует наложение уголовных и дисциплинарных взысканий.

В ст. 82 говорится: «Военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащей в плену Державы». Другие нормы устанавливают недопустимость коллективных наказаний за индивидуальные проступки, телесных наказаний, лишения дневного света. Более того, нормы Женевской конвенции III ориентируют воюющих в каждом конкретном случае рассматривать возможность замены судебного преследования и наложения уголовного наказания мерами дисциплинарного взыскания.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женевская конвенция IV) подтверждает необходимость защиты медицинского и духовного персонала, раненых, больных, женщин и

детей, а также любых гражданских лиц.

Женевская конвенция IV устанавливает, что гражданскими лицами являются все лица, которые не входят в состав вооруженных сил. Нормы конвенции закрепляют строжайшие запреты на использование гражданского населения в качестве прикрытия от нападения неприятеля. Запрещены также коллективные наказания гражданских лиц, меры запугивания и террора населения, ограбление, взятие заложников и репрессалии в отношении гражданского населения.

Специально подчеркивается недопустимость оказания физического и морального воздействия на гражданских лиц с целью получения от них или от третьих лиц различных сведений.

Значительное место Конвенция отводит вопросам интернирования.

Подробно рассматриваются урегулированные нормы, связанные с местами интернирования, питанием, одеждой, гигиеной, отправлением религиозных обрядов, интеллектуальной и физической деятельностью, перемещением интернированных, их наказанием и т. д. В частности, закрепляется, что интернированные, пойманные после побега или при попытке к побегу, подлежат за этот проступок только дисциплинарному взысканию, даже в случае рецидива. Кроме того, побег или попытка побега не рассматривается как отягчающее вину обстоятельство.

Конвенция ориентирует государства на создание Справочных Бюро с целью сбора сведений о лицах, находящихся в заключении более двух

недель, принудительно поселенных в определенном месте или интернированных, а также сведений о перемещении, освобождении, репатриации, побеге, госпитализации, рождении и смерти.

Представляется, что важное значение имеет то обстоятельство, что при подписании четырех Женевских конвенций 1949 г. Правительство СССР сделало определенные оговорки. Смысл этих оговорок заключается в том, что СССР (а с 1991 г. Российская Федерация) не будет признавать законным обращение Державы, во власти которой находятся лица, пользующиеся защитой, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции Державы-Покровительницы, если на это не имеется согласия государства, гражданами которого являются эти лица⁶.

ак известно, в 1977 г. в результате большой нормотворческой работы были приняты два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г.

Форма дополнительного протокола для этих документов была избрана неслучайно. Они имеют силу только для тех государств, которые их подписали и ратифицировали. Дополнительные протоколы не обязательны для стран, их не подписавших. Последние остаются связанными только положениями Женевских конвенций. Эти протоколы следует рассматривать как уточнение и дополнение Женевских конвенций, в них решаются новые вопросы, а также те вопросы, которые были недостаточно урегулированы в Женевских конвенциях. С помощью протоколов устранен искусственный, не соответствующий современным условиям разрыв между нормами, гарантирующими защиту жертв войны, и нормами, которые касаются средств ведения войны⁷.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

Подобно Женевским конвенциям Протокол I обязывает воюющих соблюдать его и обеспечивать его соблюдение. Протокол применяется к ситуациям вооруженного конфликта международного характера. Эти ситуации включают также национально-освободительные войны.

Рассматриваемым документом нормативно закреплены определения, имеющие важное значение для права вооруженных конфликтов, среди которых: «раненые» и «больные», «лица, потерпевшие кораблекрушение», «медицинский персонал», «медицинские формирования», «санитарная перевозка», «санитарнотранспортные средства», «санитарные суда», а также определены функции Державы-Покровительницы.

Протокол I, подтверждая принципы ранее принятых документов, устанавливает, что право сторон выбирать методы или средства войны не является неограниченным. Исходя из этого, воюющим запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания, а также обширный долговременный и серьезный ущерб природной среде. Значительная по объему статья закрепляет недопустимость вероломства.

Под вероломством в протоколе понимаются действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника, заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия.

Примерами вероломства могут являться обманные действия, направленные на ведение переговоров под видом перемирия или капитуляции с целью подготовки и проведения широкомасштабной войсковой операции, нанесение противнику существенного урона в живой силе и материальных средствах, а также использования знаков, эмблем, форменной одежды ООН, нейтральных или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте, с целью нанесения внезапного поражения противнику, который не готов к боевым действиям.

По смыслу ст. 37 Протокола I приведенный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен при дальнейшей разработке и детализации норм права вооруженных конфликтов на межгосударственном и национальном уровнях.

Так, например, в качестве квалифицирующего признака вероломства целесообразно закрепить также противоправность использования в массовом порядке или отдельными войсковыми подразделениями военной формы противника при непосредственном ведении военных действий, а также в тылу.

От вероломства следует отличать военные хитрости, которые применяются с целью введения противника в заблуждение и не нарушают норм международного права, поскольку не обманывают доверие другой воюющей стороны в отношении предоставляемой защиты. К таким

военным хитростям могут быть отнесены использование маскировки, дезинформация, проведение военнооперативных игр, тактических маневров и т. д.

Впервые в международно-правовых документах в указанном Протоколе приводится подробная разработка положений о гражданской обороне и выделяется ее 15 задач: оповещение, эвакуация, спасательные работы, борьба с пожарами, восстановление и поддержание порядка в районах бедствия, а также проведение других организационных мероприятий. Подчеркивается, что организации гражданской обороны и их персонал пользуются уважением и защитой.

Данный раздел представляется достаточно актуальным, так как от четкости и слаженности действий служб гражданской обороны зависит своевременное оповещение и эвакуация в бомбоубежище, обеспечение продовольствием, недопущение распространения пожаров, инфекций и т. п.

Особо важное значение имеет также приведенное в Протоколе четкое определение характеризующих особенностей шпиона и наемника. При этом однозначно устанавливается, что они не имеют права на статус комбатанта или военнопленного.

Значительное место в прогрессивном развитии права вооруженных конфликтов занимают нормы, устанавливающие меры по защите женщин и детей, а также требующие от разработчиков новых видов оружия и способов военных действий определить, не подпадает ли их применение под запрещения, содержащиеся в Протоколе I и других нормах международного права.

месте с тем сфера действия Протокола I не распространялась на ситуации, связанные с внутренними вооруженными конфликтами.

Поэтому в 1977 г. был принят Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Он состоит из 28 статей и применяется в вооруженном конфликте, происходящем на территории какоголибо государства между вооруженными силами и антиправительственными вооруженными подразделениями. В нем, в частности, закреплены основные гуманитарные гарантии для всех лиц, которые принимают или прекратили принимать участие в военных действиях.

Протокол II по сфере действия, разработанности и объему значительно отличается от Протокола I. Вместе с тем он устранил существовавший пробел в регулировании общественных отношений, связанных с военными действиями на территории какого-либо суверенного государства. Это напрямую относится и к крупномасштабным контртеррористическим операциям по пресечению противоправной деятельности незаконных вооруженных и бандитских формирований, что весьма актуально для Российской Федерации.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день все виды вооруженных конфликтов охвачены правовым полем, т.е. правом вооруженных конфликтов.

Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные Протоколы к ним 1977 г. составляют основу современного права вооруженных конфликтов. Принципиальное значение имеет тот факт, что участниками Женевских конвенций 1949 г. стали практически все члены мирового сообщества.

В настоящее время их ратифицировали свыше 190 государств.

Протокол I ратифицирован около 150, а Протокол II – 140 государствами.

Нормы, регулирующие денонсирование указанных международноправовых актов, закреплены в ст. 63 Женевской конвенции I, ст. 62 Же-

невской конвенции II, ст. 142 Женевской конвенции III, ст. 158 Женевской конвенции IV и ст. 99 Протокола I. В указанных статьях, в частности, отмечается, что заявление о денонсации для воюющей державы не будет иметь силы до заключения мира, освобождения, репатриации и возвращения к месту жительства лиц, пользующихся покровительством этих международно-правовых документов.

Примечания

- ¹ Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Сэмс К.И. Террористические акты, «терроризм» и соблюдение международного гуманитарного права. Перспективы деятельности МККК. Спец. вып. СПб.: Россия-Нева, 2003. С. 31–35.
- ² Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М.: Международные отношения, 1976. С. 98, 98–99.
- ³ Оппенгейм Л. Международное право. В 2-х томах. М.: ИЛ, 1949. Т. 1. С. 348, 349.
- ⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: НКИД СССР, 1930. Вып. 5. С. 5.
- ⁵ Пустогаров В.В. Международное гуманитарное право. М., 1997. С. 10, 20.
- ⁶ Международное право в документах / сост. Л.А.Моджорян, В.К.Собакин. М.: ИМО. 1957. Т. 3. С. 111, 112, 185, 205, 206, 261.
- ⁷ *Арцибасов И.Н., Егоров С.А.* Вооруженные конфликты: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989. С. 67.

Смертная казнь: нужно ли ее вводить?

Эльгиз Поздняков

Взяться за эту непростую тему побудило меня выступление известного адвоката Генриха Резника, опубликованное на сайте радиостанции «Эхо Москвы» 4 апреля 2012 г. Оно было спровоцировано (по словам самого г-на Резника) приведением в исполнение смертного приговора в Белоруссии и убийством в Брянске девятимесячной Ани Шкапцовой ее родителями. В этой связи как сторонники, так и противники смертной казни в очередной раз выдвинули свои аргументы. Свои аргументы выдвинул и г-н Резник.

Адвокат начал с неоспоримого, на его взгляд, довода, что «большинство стран мира признали смертную казнь бесчеловечным и унижающим досто-инство личности наказанием и прекратили ее применять» (курс. – Авт.).

Однако опросы общественного мнения рисуют иную картину: большинство граждан обычно выступает за сохранение или возврат смертной казни.

Г-н Резник возмущен тем, что «смертную казнь стала разыгрывать как политическую карту наша "вождистская" партия, не упускающая возможности поиграть на предрассудках и страхах не самой просветленной части населения; случай детоубийства «переполнил чашу терпения» и «государству нужно немедленно приступить к лечению больного общества» возвратом к применению смертной казни».

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER

ПОЗДНЯКОВ Эльгиз Абдулович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. *E-mail:* elpozdnyakov@yandex.ru

Ключевые слова: право, закон, социальная функция наказания, смертная казнь, правосознание, оружие.

Г-на адвоката, относящего себя, надо полагать, к просветленной части общества, взяла, по его признанию, оторопь, когда в пользу смертной казни выступили Уполномоченный при Президенте России по правам ребенка Павел Астахов и глава комитета Госдумы по безопасности Ирина Яровая.

«Просьба к коллегам, – взмолился Г. Резник, – вооружите меня каким-нибудь историческим фактом, подтверждающим ваше суждение. Мне они неизвестны – напротив, я располагаю фактами противоположными».

Я хотя и не принадлежу к высокопоставленным оппонентам г-на Резника, все же попытаюсь удовлетворить его просьбу и вооружить кое-какими историческими и теоретическими фактами на заданную тему.

ачну с простого вопроса: в чем, собственно, состоит социальная суть уголовного наказания и в чем его функция?

Вопрос этот не так прост: над ним ломали голову многие философы, социологи и правоведы, так и не выработав единого мнения в оценке данного явления. В прежние времена социальная значимость наказания и его польза для общества не вызывали сомнения, и его мера определялась принципами, близкими к так называемым законам талиона – око за око, зуб за зуб.

Наиболее популярные современные теории исходят из того, что истинная цель наказания состоит в перевоспитании преступника, с тем чтобы он мог нормально жить в обществе. Смесь сентиментальных и утилитарных мотивов придали этому взгляду большую популярность (похоже, ее придерживается и г-н Резник).

Многие прекраснодушные социальные реформаторы, делая упор на воспитательном аспекте наказания, склонны игнорировать растущее число преступников, занимающихся своим делом с холодным расчетом и превративших правонарушение в профессию.

Сама же идея перевоспитания весьма сомнительна, если не сказать

больше: человек отнюдь не глина, из которой можно лепить все, что душе угодно, по воле чиновников благотворительных организаций или тюремной администрации. Это тем более справедливо, так как преступники, как правило, уже сформировавшиеся люди. Подавляющее их большинство образованы, многие из них религиозны, знают основы права, а некоторые из них большие в нем доки. Тем не менее при всех усилиях ни школьное, ни семейное воспитание, ни религия, ни влияние социального окружения, которое в целом осуждает правонарушения, не только не устраняют преступности, но делают ее все масштабнее и все более жестокой.

Никто в принципе не возражает против права общества защищать себя и принимать должные меры для предотвращения преступлений. Ставится под сомнение лишь эффективность наказания на основании бытующего убеждения, что оно не оказывает сдерживающего влияния ни на самого преступника, ни на окружающих.

Говоря словами известного итальянского философа права XVIII в. Чезаре Беккариа, задача правоохранительных органов – «помешать преступнику в нанесении дальнейшего

ущерба обществу и предотвратить совершение подобного же преступления другими лицами».

Неплохо сказано, вопрос только в том, как это сделать?

Кстати, Беккариа был одним из принципиальных противников смертной казни на том основании, что та, по его мнению, оказывает меньшее воспитательное воздействие на людей, нежели длительное тюремное заключение. Довод Беккариа, однако, сомнителен прежде всего потому, что исходит из ошибочной посылки, что цель всякого наказания состоит в воспитании (или устрашении) либо самого виновного, либо других. Но это совсем не так.

Гуманисты и правозащитники всех мастей и оттенков считают, что смертная казнь - это варварство. Но то, что пожизненное заключение есть не только варварство, но плюс и мучительнейшая физическая и душевная пытка для человека до конца дней его, об этом скромно умалчивается. При этом ссылаются все на того же Беккариа как на высший авторитет, хотя в этом вопросе тот был настоящим изувером, считающим, что пожизненное заключение имеет большую воспитательную роль. Спросим: для кого? Не для тех же, в самом деле, кто до конца дней своих обречен жить в тюремной камере? Тем более не для тех, кто на свободе, поскольку каждый уверен, что с нимто не случится такого никогда.

Положения Беккариа долгое время оставались (и продолжают оставаться) руководящими для многих юристов, поскольку как бы отвечают здравому смыслу и нынешнему либеральному поветрию. Но беда в том, что, как показал опыт всех народов,

никакие наказания не мешают преступнику наносить дальнейший вред обществу и не предотвращают подобные же преступления со стороны других. Наоборот, преступления множатся, делаются более изощренными и жестокими по мере развития средств борьбы с ними, тюрьмы растут и полнятся, и, естественно, вновь и вновь встает вопрос о цели, назначении и эффективности уголовных наказаний.

Попытки решить проблему преступления и наказания без обращения к самому обществу, его культуре, уровню его развития и нравственному состоянию в каждый отдельно взятый период времени бесполезны, если не сказать, бессмысленны. Они идут от болезни, получившей название «юридизм», т.е. стремления рассматривать самые сложные социальные явления с сугубо формальной, юридической точки зрения. Здесь могут быть только тупики или ошибочные решения, ценой которых, как обычно, является человеческая жизнь.

Начну с утверждения, что гарантий против правонарушений (в том числе самых жестоких) не предоставляет ни конституция, ни уголовные кодексы, ни страх перед наказанием. Единственная реальная сила, стоящая на страже закона, – это сам народ, но лишь в том случае, если он смотрит на право как на условие своего существования, а на оскорбление этого права как на смертельную обиду, наносимую ему самому.

Прочность и обеспеченность права зависят, таким образом, исключительно от силы и энергии народного правосознания. Вялое правосознание обусловливает собой непроч-

ность права, а здоровое, сильное правосознание служит основой его прочности. Имеются все основания для утверждения, что прочность, авторитет права есть дело самого народа; они не даются даром, а приобретаются путем трудной, подчас жертвенной борьбы.

Гегель писал: «...если общество недостаточно устойчиво, то наказание должно служить устрашающим примером, так как наказание само есть пример, направленный против преступления. ...Следовательно, самые суровые наказания отнюдь не являются несправедливостью, а находятся в соотношении с состоянием общества — один и тот же уголовный кодекс не может быть пригодным для всех времен».

сли применить гегелевские положения к состоянию нашего общества в данный момент, то можно сказать, что оно не только непрочно и нестабильно, но и внутренне дезинтегрировано, чему соответствует низкая степень коллективной солидарности и вялое правосознание. Это, в свою очередь, способствует, с одной стороны, количественному и качественному росту преступности, а с другой – безучастности к этому явлению со стороны общества.

В этих условиях применение смертной казни не только уместно, но и оправданно.

Вчерашняя общественная нетерпимость к антиобщественным явлениям сменилась почти полной апатией, и в такой атмосфере вялого и упадочного правосознания пышным цветом расцвели все виды преступности. Многие из них были прежде неведомы нам, и о них мы знали только понаслышке: рэкет, сращивание мафиозных и государственных

структур, жестокие убийства, включая детоубийства, и пр.

В такой обстановке борьба с преступностью со стороны призванных для этого органов обычными методами в принципе обречена на провал – в лучшем случае она будет вести к заполнению и без того переполненных тюрем без снижения уровня самой преступности.

Не следует забывать, что в мире преступности существует своя конкуренция и здесь, как нигде в другом месте, верен принцип свято место писто не бывает. Это тем более так, если власть в государстве ослаблена, как сейчас, если общество лишилось нравственных ориентиров, если в нем потеряли общественную значимость, ценность и престижность профессии, связанные с производительным трудом. В этом случае сами обстоятельства как бы выдавливают значительную часть творческих, энергичных и работоспособных людей в сферу преступной деятельности.

Надо заметить, что рост общего благосостояния людей и распространение гуманных идей породили среди части общества негативное отношение к жестокостям карательной теории и практики. Возникла вера в эффективность методов воспитания и образования, которая давала многим надежду, что правонарушители могут быть перевоспитаны и станут полезными членами общества. Однако, как неумолимо свидетельствует практика, в большинстве случаев тюрьма не только не исправляет людей, но делает их хуже, чем они были до заключения.

Убежденность преступников в своей невиновности общеизвестна.

Подтверждает этот факт и Ф.М.Достоевский.

Из своего четырехлетнего общения с каторжниками он делает такой вывод: «В продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении и что большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Это факт... Но ведь можно же было, во столько лет, хоть что-нибудь заметить, поймать, уловить в этих сердцах хоть какую-нибудь черту, которая бы свидетельствовала о внутренней тоске, о страдании. Но этого не было, положительно не было, 1.

Идея перевоспитания привлекательна лишь внешне, главным образом для всяких суетных дам из благотворительных обществ. Но за прекраснодушными порывами, желаниями и планами всегда скрывается безобразная действительность. Преступность продолжает расти и количественно, и качественно.

Сегодня это видно особенно наглядно. Несмотря, а вернее, благодаря прогрессу науки и техники, Интернету и прочим достижениям человеческого разума, расширению кругозора масс и роста их культуры, осужденные и отбывающие свой срок преступники считают себя, как правило, невинно пострадавшими, ничуть не раскаиваются в содеянном и продолжают обвинять во всем общество, власть, обстоятельства и т.д., но только не самих себя. Если же мы и видим порой раскаяние, то оно чаще всего показное. Такое раскаяние обычно наступает в первые минуты после того, как человек пойман с поличным и ему некуда деться, когда он охвачен страхом перед неминуемым наказанием. Тут он и слезу пустит, и в ноги бухнется, и прощения

у всех начнет просить... Однако по прошествии некоторого времени, независимо от того, будет ли человек оправдан или осужден, он меняется: не остается никаких следов раскаяния – он во всем прав, виноваты, как всегда, все остальные...

Большой почитатель Достоевского Ф. Ницше дал свое пояснение тому факту, который тот лишь описал: «Наказанию вменяют в заслугу то, что оно пробуждает в виновном чувство вины, в нем ищут доподлинный instrumentum той душевной реакции, которая именуется "нечистой совестью", "угрызениями совести". Но тем самым грешат против действительности и психологии даже по меркам сегодняшнего дня; молчу уж обо всем историческом и доисторическом прошлом человека!

Настоящие угрызения совести - нечто в высшей степени редкое как раз среди преступников и каторжников; тюрьмы, исправительные дома не инкубаторы для благоприятного разведения этого вида гложущего червя - в этом сходятся все добросовестные наблюдатели, которые во многих случаях крайне неохотно и вопреки собственным желаниям решаются на подобное суждение. По большому счету наказание закаляет и охлаждает; оно концентрирует; оно обостряет чувство отчуждения; оно усиливает сопротивляемость. Если случается, что оно надламывает энергию и приводит к жалкой прострации и самоуничижению, то наверняка такой результат менее отраден, нежели средний эффект наказания с характерной для него сухой и мрачной серьезностью. Подумав же о предшествовавших человеческой истории тысячелетиях, можно сказать без колебаний, что развитие чувства вины сильнее всего было заторможено именно наказанием...»².

ицше, без сомнения, прав, называя угрызения совести редким экзотическим цветком на Земле. Но, ставя вопрос, он не дает на него ответа.

Ответ и в самом деле не прост. В нем, собственно содержится чуть ли не вся психология и философия человека.

Достоевский справедливо отмечал, что в каждом человеке сидит убийца или палач. Иной никого не убивал, отмечал он, а страшнее любого убийцы. Этот самый «палач» скрытно сидит и в судье, и в прокуроре, и в адвокате, и в надзирателе, и в полицейском, даже в тех, кто выполняет самую что ни есть гуманную миссию, вроде адвоката, врача, учителя... Дайте сегодня послабление, и завтра же появится целая каста убийц, самостийных судей и палачей, расправляющихся с неугодными им людьми.

Случай с Аней Шкапцовой – это капля в море подобных преступлений.

А станица Кущевская? Или уже забыли? Может быть, нам всем нужно уже сейчас, заранее, выступить против применения к ее «героям» высшей меры как антигуманной и несоответствующей европейским стандартам?

А помните известного Чикатило, зверски убившего в 80-е годы прошлого столетия 53 чел., включая детей? А ведь он имел высшее образование, семью, хорошую работу...

Может быть, и к нему тоже не стоило применять высшую меру?..

Ведь все это уже было и есть. И все это спокойно существует по сию пору там, куда закону недосуг заглянуть. Разрешите людям носить оружие, и они тут же начнут применять его по любому удобному поводу.

Кто-нибудь, кстати, подсчитал, сколько в России с того времени, как гражданам разрешили иметь травматическое оружие, выбито глаз и покалечено людей? А сколько уже убито?

У нас же некоторые господа адвокаты продолжают публично настаивать на разрешении иметь гражданам огнестрельное оружие – для самозащиты. А ведь им и психологам должна быть известна азбучная истина: само оружие провоцирует его применение, особенно у людей психически неуравновешенных или находящихся в состоянии алкогольного опьянения (майор Евсюков).

режде чем сказать о подлинной сути уголовного наказания (любого!), хотелось бы обратить внимание на широко распространенное ложное убеждение (особенно среди все тех же гуманистов и демократов), что общество – это одно, а вот государство – это уже нечто совсем другое и даже противоположное ему. Это убеждение мало того что ложно – оно опасно, ибо создает надуманное противоречие там, где его нет. И это имеет прямое отношение к данной теме.

Как-то телевидение устроило шоу из дискуссии на тему смертной казни и отношения к ней общественности.

Общественность реагировала на проблему вполне адекватно, т.е. в большинстве своем стояла за смертную казнь.

Поражала лишь точка зрения некоторых специалистов – профессоров и докторов права. Вирус демократии произвел в их сознании такую путаницу, что они не могли связать концы с концами в простых, казалось бы, вещах, позорно путаясь в них.

Запомнился один либерально настроенный генерал от юстиции. В ответ на прямой вопрос, как поступать с теми, кто совершает теракты, совершает насилия, он уклончиво промямлил,

что государство, мол, в любом случае не может уподобляться преступникам и умерщвлять своих подданных.

Должен заметить, что эта точка зрения весьма распространена. Ее главный порок в том, что государство рассматривается не как форма политической организации того самого общества, к которому апеллируют эти теоретики, а как нечто вроде Крона или Сатурна, пожирающего своих детей, невесть откуда свалившегося на голову общества и действующего исключительно во вред ему.

Специально для них небольшой ликбез: государство есть политическая организация общества и как таковое осуществляет волю этого общества через посредство представительных органов власти (парламентов), а также законов и специальных органов, следящих за их исполнением и гарантирующих их. Оно может исполнять свою функцию лучше или хуже – это уже другой вопрос, но в любом случае государство так или иначе выражает волю общества и служит ему.

Та же смертная казнь, как и любое другое наказание, осуществляется отнюдь не произвольно, не по чьейто личной прихоти, а только по решению суда, являющегося (по крайней мере, в теории) самостоятельным и независимым от государственных структур органом. Суд же всегда в своих решениях отталкивается от существующих законов. Все это – азбука той самой демократии, от лица которой берутся выступать некоторые окончательно потерявшие ориентиры юристы и политики.

Что касается подлинного смысла наказания (включая смертную

казнь), то он вовсе не в том, чтобы просто наказать данного конкретного преступника, и не в том, чтобы отвратить его от дальнейших проступков, тем более послужить уроком для остальных. Все это практически имеет нулевой эффект.

Истинная функция уголовного наказания – удовлетворение оскорбленного нравственного чувства общества и тем самым сохранение и поддержание в нем общественной связи и самого общества как культурно-нравственной ценности.

В этом смысле важно даже не само наказание, тем более что его реализация скрыта от глаз людей, а важен открытый судебный процесс и – главное – публичный приговор.

И тот и другой непосредственно связаны с общественными чувствами, именно они вызывают положительную или отрицательную реакцию общественности. Для общества в целом личность преступника – это лишь некая абстракция. Общество волнует главным образом судебный приговор и его соответствие силе оскорбления, нанесенного общественной нравственности. Что дальше – это уже, как правило, за пределами его живого интереса.

то касается самой преступности, особенно преступности в жестоких ее формах, то как же ей не быть, когда общество на глазах деградирует, притом не только в нравственном, но и в биологическом аспекте.

Все стало дозволено, все детабуировано, исчезли всякие запреты, вследствие чего в народе стали все чаще пробуждаться звериные инстинкты. Это явилось прямым результатом той чудовищной пропаганды, той «культуры», которая утвердилась у нас в стране с 90-х годов прошлого столетия и продолжает набирать силу.

На этом фоне легко вспыхивают как единичные случаи агрессии, так и агрессия массовая. Такая ситуации невольно порождает озлобление, жестокость, толкает многих людей на преступный путь. Здесь нужны не пустые ламентации, а внятная экономическая, трудовая и миграционная политика, придание деревням и малым городам статуса экономических категорий. Они буквально вымирают, живущие там люди никому не нужны, отношение к детям определяется в значительной степени их бесперспективностью: подростки вступают в беспорядочные сексуальные отношения, спиваются и к 15-16 годам превращаются в преступников или проституток. Кто может, бежит в большие города, где тоже практически нельзя устроиться на приличную работу...

А мы все бубним: «преступность растет», «растет число жестоких преступлений» – да как же им не расти в таких условиях?!

Вместо того чтобы принять срочные меры к выправлению положения в российской глубинке, наша Дума с подачи президента, второпях принимает новый закон о партиях. Как очевидно для всякого непредвзятого человека, закон этот прямо направлен на дестабилизацию и без того крайне неустойчивой политической обстановки в стране. Его реализация даст полный простор общероссийской войне всех против всех.

Нам мало того хаоса, который царит повсюду, нам нужно довести его

до абсурда, до той грани, после которой начнется форменный развал общества, развал страны.

Наше общество на глазах деградирует – деградирует от той самой свободы, что лучше несвободы.

Свобода же на деле отнюдь не в торжестве личного произвола.

Свобода – это не просто всякий выбор, а выбор всегда драматический, порой даже трагический; выбор между одной системой обязательств и другой, между одним нравственным долгом и другим, а вовсе не между долгом и отсутствием такового.

И глубоко прав был Ницше, утверждавший, что высший тип свободных людей надо искать там, где постоянно преодолевается наибольшее сопротивление: в пяти шагах от тирании, у самого порога опасности рабства.

По аналогии добавлю: низший тип свободных людей процветает именно при демократии. Когда свобода делается повседневной, обыденной вещью, она теряет свою подлинную ценность и превращается в свободу пасущейся в стаде овцы или подстерегающего ее волка.

Свобода – отнюдь не право на безответственность это тяжелый моральный груз. Свободный человек отвечает не только за себя, но и за свой коллектив, соплеменников, наследие предков, благополучие потомков, за формирующие его культуру идеи.

Вот когда в обществе будет понимание этих вещей, исчезнет необходимость и в смертной казни, сами собой отпадут вещи, ставшие предметом обсуждения в данной статье, и не придется наставлять некоторых вконец растерявшихся адвокатов.

Что касается вопроса, поставленного в заголовке, то лично я исхожу не из мнений потерявших ориентиры людей, а из гласа народа. vox populi – vox dei («Глас народа – глас Божий»).

В России, к примеру, в пользу смертной казни высказываются стабильно 70–80% граждан («не самой просветленной части населения», по словам г-на Резника).

Ответственным политикам не мешало бы почаще прислушиваться к этому гласу: народ правду чует.

Примечание

- ¹ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Л.: изд. «Наука», 1972. Т. 4. С. 15.
- 2 Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. М.: АСТ. 2004. С. 218–220.

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель-Observer» (1992-2012 гг.);
- «Современная политическая история России» «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD:
- **книжное** издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Экологическая ниша России

Александр Гусев

Исходные положения

ачало XXI в. характеризуется в основном двумя наиболее важными деструктивными тенденциями в развитии цивилизации: угрозой международной безопасности и деградацией окружающей природной среды. Темпы и масштабы этих процессов определяются, главным образом, системой политических подходов на государственном и наднациональном уровнях.

Безусловно, каждому государству присущ свой индивидуальный комплекс экологических характеристик, а каждому региону – специфический набор индивидуальных экологических проблем. Экологические проблемы Российской Федерации в настоящее время достигли такой критической отметки, когда оценку

состояния окружающей природной среды необходимо трактовать уже как угрозу национальной безопасности.

Сегодня в стране в экологически неудовлетворительном состоянии находится до 35% территории, где проживает более 65% населения страны.

В концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию и проекте государственной стратегии устойчивого развития заложен ноосферный подход к формированию четырех основных функций государства – политической, экономической, экологической и социальной.

Академик В.И.Вернадский первым применил ноосферный принцип оценки экологичес-

ГУСЕВ Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: alexandergusev@yandex.ru

Ключевые слова: Российская Федерация, экология, экологическая политика, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, концепция устойчивого развития.

кой функции государства по обеспечению сохранения и развития окружающей природной среды¹.

Последователи В.И.Вернадского на основе теории биосферы сформулировали основные принципы эволюции биосферы в ноосферу и разработали новую ноосферную парадигму устойчивого развития цивилизации².

Научный прорыв ученых признали и политики. Президент Российской Федерации своим Указом (1 апреля 1996 г. № 440) утвердил Концепцию перехода к устойчивому развитию³. В ней отражен биосферный принцип взаимоотношения общества и окружающей природной среды. Это означает, что политика, экономика и технология должны учитывать экологическое состояние всех регионов страны.

Необходимо признать, что интересы политической и экономической конъюнктуры поставлены в настоящее время выше стратегических целей устойчивого развития страны. До сих пор в государственной стратегии и политике преобладает упрощенная антропогенная концепция отношения к окружающей природной среде и ее ресурсам. Потребительское отношение к природным ресурсам, к деятельности и управлению регионами по иерархии приоритетов превратили страну в зону экологической опасности, под которой следует понимать вероятность разрушения окружающей природной среды в результате неконтролируемого воздействия со стороны человека.

Обезличенный подход к региональному обустройству страны преобладает сегодня и в политике. Следует признать, что подобный подход сохраняется и в официально приня-

тых мировым сообществом принципах:

- Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.);
- Повестке дня ООН на XXI век и других программах.

Этот подход господствует на глобальном рынке природных ресурсов, превратив до трети территории планеты в регионы экологического бедствия.

Показательно, что за XX в. количество потребляемых человеком природных ресурсов биосферы увеличилось до 10% и попутно разрушается примерно 30% первичной продукции.

Следовательно, современная система хозяйствования рассматривает биосферу лишь как природный ресурс, обеспечивающий всевозрастающие потребности человека. Поэтому необходимо менять принципы и стандарты отношения в политике и экономике, а также общественные критерии качества и оценки воздействия человека на окружающую природную среду.

В этой связи безопасность как функцию ноосферного развития Российской Федерации следует рассматривать с точки зрения сохранения биологического разнообразия и обеспечения функционирования естественных природных экосистем страны.

Безопасность в политике концептуально является наиболее значимой парадигмой, определяющей внутреннюю и внешнюю политику государства, а также ноосферные функции качества окружающей среды. Эти функции становятся приоритетными и для международного сообщества, что, в частности, отмечалось на пленарной сессии Гене-

ральной Ассамблеи ООН, посвященной проблемам сохранения окружающей среды и климата («Рио+20», декабрь 2009 г.)⁴.

С данной точки зрения переход регионов на безопасное развитие состоит в сочетании политических и экологических принципов территориальной, природно-ресурсной, демографической и социальной безопасности.

Следовательно, охрана окружающей природной среды должна яв-

ляться важнейшим приоритетом государственной экологической политики, под которой следует понимать направление деятельности государства, политической элиты, научного сообщества, бизнеса и гражданского общества по обеспечению устойчивого развития страны, а также совокупность способов и методов достижения поставленных Российской Федерацией целей и задач политическими методами на основе экологического анализа.

Основные концептуальные направления сохранения биосферы

онцепция данного научного направления представлена в виде широкой тематической панорамы, которая характеризуется определенной неравномерностью освоения проблемного пространства, концентрации академических усилий и достигнутых результатов. В специальной научной литературе, посвященной взаимодействию общества, природы и окружающей среды, прослеживаются два основных направления:

Первое – натуроцентрическое или экоцентрическое – акцентирует внимание на принципах взаимодействия общества и природы, основано на подходах, которые целесообразно осуществить обществу для гар-

монизации своих отношений в экологической и социальной сфере.

Второе – антропоцентрическое или техноцентрическое – основано на анализе воздействия антропогенной и техногенной деятельности общества на окружающую среду, а также на ее защиту от губительного воздействия со стороны человека.

Усиление исследовательского интереса к политическим аспектам взаимодействия общества, природы и окружающей среды в целом находит отражение в растущем числе фундаментальных научных работ, содержащих исследовательские приемы, методологические принципы, связанные с политическими решениями защиты человечества от новых глобальных угроз, проблемами международной безопасности и в основном в связи с реализацией концепции устойчивого развития.

Национальные приоритеты экологической политики России

3 а 20 лет, прошедших с момента проведения в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, озаглавленной как «Повестка дня на XXI век» до Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию были выработаны практические инициативы и установлены новые партнерские отношения между развитыми странами, которые позволили реаль-

но улучшить экономические, социальные и экологические условия развития. Решение экологических проблем позволило фактически научиться управлять экосистемами и биологическим разнообразием на рациональной основе, а также обеспечить экологическую безопасность населения.

Поэтому глобальные кризисы современности следует рассматривать в контексте отражения основных свойств системы «общество – окружающая среда». В связи с этим можно выделить два основных аспекта современных глобальных кризисов: политический и экологический. В силу этого среди множества глобальных проблем, которые приходится решать человечеству в XXI в., на первый план выходят проблемы безопасности в политической и экологической сферах.

Вместе с тем, несмотря на отдельные улучшения состояния окружающей среды в ряде развитых стран, состояние окружающей среды на планете в целом продолжает ухудшаться. Экологические проблемы во многих странах возникли под влиянием целого ряда разрушительных политических факторов. Поэтому в политическом плане необходимо достижение некоторого уровня «национальной достаточности» и «международного паритета» качества состояния окружающей среды и определение национальных приоритетов в экологической политике.

«Концепция национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента России 10 января 2000 г. № 24, является основным законодательным актом, отражающим совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в политической, экономической и экологической сферах.

Реализация концепции должна позволить значительно ускорить темпы общественного развития и решение экологических проблем страны политическими методами. В связи с этим понятие безопасности в политической сфере следует рассматривать несоизмеримо шире, чем прежде, и в основном в двух формах:

- первая новые требования безопасности, инициированные возрастающей ролью России в мире;
- вторая формирование новых нетрадиционных систем безопасности в политической сфере.

Под политической сферой следует понимать сферу взаимоотношений человека и общества, систему регулируемых общественных отношений в интересах личности, общества и государства, функционирования и развития социально-экономических и общественно-политических структур, государственного устройства, институтов власти и управления, а также достижения мира.

Под экологической сферой следует понимать часть биосферы, включающей почву, растительный и животный мир, воды, недра и другие природные ресурсы в их взаимосвязи, которая рассматривается в двух аспектах: первый – устойчивость и структурно-функциональная организация природных экосистем, второй – сохранность биологического разнообразия экосистем.

В соответствии со стратегией перехода страны к устойчивому развитию в систему стратегического планирования и государственного управления

должен войти политический анализ и оценка политики регионов, институтов государственной власти, органов регионального управления, а также экологический анализ и, прежде всего, оценка угроз и рисков безопасности страны и ее регионов.

При переходе страны к устойчивому развитию также необходимо четко разграничить права и полномочия между Федеральным центром, субъектами страны и местным самоуправлением, особенно при возникновении конфликтных ситуаций в обеспечении безопасности, и значительно повысить роль и ответственность государственных органов в решении региональных проблем.

В настоящее время в условиях экологического кризиса, наблюдающегося во многих странах, экологическая безопасность переходит в разряд стратегических, которые необходимо учитывать среди показателей условий развития и роста политических и экологических структур общества. В этом сущность социально-экологической и политической самоидентификации государств. В государственной стратегии управления системой безопасности при переходе к устойчивому развитию следует использовать принцип выделения индикаторов безопасности.

В качестве таких индикаторов могут быть предложены:

нормы предельно допустимых концентраций;

- индекс биологического разнообразия и доступность экологической информации;
- объемы расходов на охрану окружающей среды;
- проценты в расходной части бюджета региона.

Основные принципы государственной политики и международного сотрудничества в области обеспечения устойчивого развития страны в условиях становления рыночных отношений и совершенствования постсоветской государственности определяются следующими условиями:

- продолжением структурных экономических и социальных реформ по модернизации страны;
- укреплением государства при условии обязательного реформирования государственного аппарата;
- использованием интересов крупных корпораций и взаимодействием их с региональными органами власти;
- соблюдением интересов гражданского общества.

Непременным условием реализации политики безопасности в России следует признать расширение спектра и роли экологически ориентированного государственного управления, а среди вероятных направлений ее развития – использование интересов бизнеса с учетом происходящих перемен в социальной и экологической политике.

Природные экосистемы как объект экологической политики

олитические методы по решению проблем сохранения окружающей среды должны быть направлены на переориентацию моделей потребления и увеличения эффективно-

сти рационального использования природных ресурсов, а именно:

 экологические проблемы должны стать частью генеральной линии безопасности страны;

- исчерпали себя попытки придать формированию экологической политики некий «дополняющий» характер;
- значительное воздействие оказывают те экологические стратегии, которые уходят от чисто отраслевых проблем и охватывают широкий ряд социальных и экономических аспектов. Это справедливо по отношению ко многим экологическим проблемам, связанным с управлением природными ресурсами, сохранением биологического разнообразия и контролем качества природной среды.

Достижение поставленных целей возможно лишь при наличии информации о структурно-территориальной организации, позволяющей установить направление, интенсивность антропогенной деятельности, биологическое разнообразие природных экосистем, а также место и роль организмов в поддержании устойчивости экологических систем. Представляется важным подробно и точно дифференцировать регион по уровню загрязнения, выявить наиболее опасные и относительно безопасные территории, создать условия для интерпретации полученных данных и выявить происходящие в природной среде изменения. Поэтому традиционные подходы к их разрешению оказываются недостаточно эффективными. Необходима разработка научных основ системы комплексного экологического анализа. который обеспечивал бы наблюдение, оценку, прогноз и управление экологической ситуацией в условиях интенсивного антропогенного воздействия в конкретном регионе.

Исследования показали, что несмотря на интенсивное изучение данной проблемы, ее развитие и накопление знаний шло достаточно медленно, практически до середины 70-х годов XX в. В это время интерес к проблеме сохранения окружающей среды значительно возрос. Объясняется это тем, что экосистемы к этому времени уже настолько были изменены деятельностью человека, что возникла реальная опасность утраты последних из них⁵.

С другой стороны, в распоряжении исследователей появились современные методы экологической оценки антропогенной деятельности, которые позволяют говорить уже о возможности создания системы экологического мониторинга. К этому времени был накоплен достаточно большой фактический материал о составе, динамике, структуре биологических компонентов экосистем страны. Появились работы о механизмах сохранения биологического разнообразия на особо охраняемых природных территориях⁶.

Природные экосистемы страны в настоящее время почти полностью преобразованы антропогенной деятельностью и сохранились на очень ограниченной территории, основную часть которой в настоящее время составляют особо охраняемые природные территории. Современные региональные экосистемы следует разделить на две основные категории - природные и антропогенные. Строение и состояние современных экосистем определяется наличием и взаимодействием двух составляющих – природной среды и деятельности человека в ней.

Природные и антропогенные экосистемы являются сложными системами, характеризуются множественностью функциональных элементов, большим разнообразием и многокомпонентной иерархической структурой. Сложность оценки и управления такими системами состоит в том, что они должны сочетать свойственную природной среде самоорганизацию и необходимость управления со стороны человека.

Для анализа и классификации антропогенных воздействий на природные экосистемы необходимо принимать во внимание масштаб и специфику воздействия разных видов техногенной деятельности, территориальную дифференциацию природной среды и ее устойчивость к различным антропогенным влияниям.

Антропогенные экосистемы в настоящее время представляют собой полностью преобразованные промышленно-селитебные комплексы: крупные промышленные территории, а также городскую и сельскую застройку. Особое место среди антропогенных систем занимают городские территории, насыщенные про-

мышленными предприятиями. Поэтому степень воздействия промышленных объектов на природные экосистемы является важным политическим и экологическим показателем.

Исследования показали, что для анализа техногенного воздействия существенное значение имеет степень и интенсивность развития прежде всего городских систем.

В основе формирования городских систем лежит процесс территориальной дифференциации промышленно-индустриальных территорий городов, использование территорий в системе функционирования производственного комплекса и городского коммунального хозяйства. Специфика функциональной структуры городов России представляет существенный фактор при оценке техногенного воздействия на природную среду. Это обусловливает целесообразность зонирования территории городов при оценке степени техногенного загрязнения.

Структурно-функциональная организация природных экосистем

роблема сохранения и поддержания биологического разнообразия – одна из основных проблем экологической политики страны с выделением двух биологических аспектов:

- развитие системы охраняемых природных территорий, основу которых составляют государственные заповедники;
- разработка комплекса специальных мероприятий по сохранению биологического разнообразия природных экосистем и популяций.

Структурная и функциональная организация природных экосистем

особо охраняемых природных территорий в стране сложилась стихийно, без учета экологических особенностей и преимущественно на основе ландшафтно-географических позиций.

В ее основу был положен принцип ландшафтных разностей в пределах географических районов, предложенный П.П.Семеновым-Тян-Шанским (1921 г.) и развитый далее Г.Ф.Морозовым (1928 г.), в котором заповедные территории рассматривались как эталоны основных природных выделов в пределах рассматриваемого региона страны⁷.

До настоящего времени не создана единая классификация таких территорий, хотя попытки предпринимались неоднократно. Биосферный уровень оценки состояния заповедных территорий, основанный на представлениях В.И.Вернадского о биосфере, рассматривается при формировании отдельных заповедников как высшей формы биосферных резерватов лишь концептуально⁸.

Важным является то обстоятельство, что современное территориальное планирование особо охраняемых природных территорий в стране, в том числе и заповедников, основано, главным образом, на интегрально-комплексном подходе, т.е. на научно обоснованном согласовании принципов сохранения окружающей природной среды с требованиями экономического развития российских регионов. В силу этого структурно-функциональная организация особо охраняемых природных территорий требует детального рассмотрения их важнейших параметров, обеспечивающих оценку состояния и возможности сохранения, территориальной структуры биосферных заповедников. Такими параметрами являются территориальная концентрация, территориальная интеграция и территориальная дифференциация.

Территориальная концентрацияэто сосредоточение тех или иных элементов экосистем, в данном случае биосферных заповедников, как территориально-функциональных структур. Территориальная концентрация может проявляться в нескольких формах, таких как:

 точечная (заповедание эндемичных видов);

- ареальная (заповедание ареалов видов живых организмов);
- линейная (заповедание вдоль речных систем).

Территориальная интеграция представляет собой форму и уровень связанности пространственно разобщенных территориальных элементов экосистем. Применительно к биосферным заповедникам она проявляется в объединении двух и более территориально разобщенных участков, получивших название кластерных биосферных заповедников. Опыт региональной организации и функционирования биосферных заповедников страны показал преимущества кластерного подхода к их формированию. Такой подход обусловлен теоретическими предпосылками и практическими возможностями, а также реальностью сохранеединично сохранившихся природных экосистем.

Под территориальной дифференциацией следует понимать форму и степень смежности между пространственными элементами определенной охраняемой природной территории, основанной на гетерогенности функциональных зон: ядра, экспериментальной и буферной зоны.

Заповедный режим оказал существенное влияние на особенности динамики биологического разнообразия, численность редких видов и обеспечил сохранение среды их обитания.

Если рассматривать биологическое разнообразие как сумму видов, имеющих различные диапазоны толерантности, то становится очевидным, что чем меньше площадь заповедника, тем однороднее его экологические условия, следовательно, эффективность сохранения флористических и фаунистических комплексов снижается.

Организация заповедников и объединение их в рамках международной системы предполагает сохранение и комплексное изучение репрезентативных экосистем, природных и антропогенных, а также потенциально пригодных к восстановлению. Использование и развитие этой концепции является в настоящее время основным в обосновании целесообразности поддержания заповедного режима в биосферных заповедниках и управления процессами восстановления экосистем.

Важной функцией современной системы экологического мониторинга страны является получение информации как о характере и интенсивности воздействующих на

природную среду антропогенных фак-торов, так и ответной реакции биологических систем на эти воздействия. Исследования природных экосистем позволили выявить интенсивность воздействия не только на организменном уровне, но и по реакции многовидовых сообществ. Биологические и экологические индикаторы имеют значительные преимущества для оценки и контроля ант- ропогенных нагрузок. В то же время биологические индикаторы отражают и физико-химические особенности, характеризующие основные параметры антропогенных нагрузок на природную среду. Кроме того, биологические индикаторы позволяют контролировать степень вредности загрязняющих веществ и отражают интенсивность их воздействия.

Экологически ориентированное государственное управление в экологической сфере

оний выжнейших направлений внутренней политики государства является совершенствование структуры государственного управления, существенную часть которой составляет разработка и реализация государственных региональных программ и планов действий по охране окружающей среды.

В настоящее время эффективная охрана окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности невозможны без системного подхода. Современная система охраны окружающей среды и экологической безопасности включает ряд специфических инструментов, основывающихся на методах государственного регулирования и эколо-

гического менеджмента. К их числу относятся: законодательные, информационные, административные, экономические и собственно экологические методы. Все перечисленные выше и совершенствуемые управленческие методы взаимно дополняют друг друга, а комплексное применение их на практике составляет основу социально-экономической политики государства при переходе страны к устойчивому развитию.

Любая система предполагает наличие множественности элементов, т.е. структурности системы и наличия интегрированных, т.е. объединяющих связей между составляющими элементами системы. Такими объединяющими связями являются формы, функции и методы государственного управления.

Применительно к экологически ориентированному управлению выделяются две основные формы государственного управления:

- оперативно-административное распорядительство, осуществляемое через установление законов, стандартов, норм;
- оперативно-хозяйственное регулирование, осуществляемое посредством обеспечения исполнителей необходимыми средствами для выполнения ими своих производственных функций.

К методам государственного управления в области экологической политики относятся:

- метод стратегического приоритета;
 - метод оперативного управления;
- метод чрезвычайного реагирования и информативный метод.

Формы государственного экологически ориентированного управления реализуются, главным образом, через основные функции: учет природных ресурсов и планирование. Данные функции для обеспечения региональной экологической политики в России являются базовыми.

Целевое программирование является важным инструментом прямого государственного воздействия на тот или иной регион и страны в целом. Целевые региональные экологические программы призваны выполнять новую роль активного метода государственного управления, интеграции государственных, коллективных, индивидуальных интересов и отношений, мобилизации усилий для осуществления крупных производственных проектов, а также проведения региональной политики государства.

Новая сущность целевых программ состоит в том, что они совмещают в себе синтез жесткого плана и свободного рынка, когда строго целенаправленная хозяйственная деятельность осуществляется и стимулируется на коммерческой основе. Обязательность выполнения всеми участниками программы запланированных мероприятий обеспечивается в настоящее время не директивностью заданий, а хозяйственными договорами или контрактами в сочетании с системой экономических стимулов.

Комплексное формирование и планирование регионального развития в настоящее время проводится в двух направлениях:

- общетерриториальном;
- программно-территориальном.

Такие черты программирования, как приоритет национальных интересов и политика, целенаправленность и комплексность, присущи как целевым федеральным, так и целевым региональным программам, поэтому формирование, планирование и прогнозирование федеральных и региональных программ базируется на одних и тех же предплановых разработках.

Вместе с тем региональная программа должна быть органически связана с территориальными и отраслевыми прогнозами, фокусироваться на решении основных задач экономического, социального и экологического развития региона.

Практика формирования региональных экологических программ свидетельствует о необходимости значительного совершенствования действующего порядка их разработки. При этом ряд важных вопросов

методологии и организации их подготовки требует серьезного обсуждения и оценки. Прежде всего это относится к методике определения проблемы и целей региональной программы. Задачи территориального развития постоянно изменяются, финансовые, природные и другие ресурсы ограничены, поэтому целесообразно одновременно разрабатывать небольшое количество программ. Необходим их тщательный отбор, изучение и научное обоснование. Выбору наиболее важных региональных программ способствует подготовленная федеральная программа социально-экономического развития страны до 2015 г.9

Основной вопрос выбора региональной программы объективно заключается в том, какой методический инструмент при этом будет использоваться. Такими инструментами при формировании, планировании и финансировании региональных программ следует считать:

- значимость или приоритетность для региона;
- обеспечение экологической безопасности населения;
- рациональность использования природных ресурсов.

В настоящее время недостаточно разработан и такой важный вопрос регионального программирования, как оценка эффективности программ.

Общая результативность региональной программы, ее экономическая, социальная и экологическая эффективность выражаются конкретными показателями. Это могут быть абсолютные, относительные, стоимостные и натуральные достижения программной цели.

Анализ соотношения результатов и затрат отражается в общих и частных показателях

экономической эффективности, показателях абсолютной и сравнительной эффективности.

Под эффективностью реализации программы следует понимать меру соответствия ожидаемых результатов поставленной цели.

В социально-экономических и экологических программах применяются характеристики качественных изменений (загрязнение окружающей природной среды и биологическое разнообразие) в результате осуществления программных мероприятий.

В настоящее время на первый план в формировании, планировании, финансировании и реализации региональных целевых экологических программ выходят количественные оценки определения качества природной среды и ресурсов. Среди важнейших результатов программы следует учитывать влияние на соседние и другие регионы, обеспечение экологической безопасности страны, а также социальные, экологические и экономические последствия.

Применение различных методов при реализации целевых федеральных и региональных программ заключается в конечных экологических и социальных результатах, а также в направленности проектов на обеспечение согласованности действий государственных региональных органов власти и свободных рыночных структур.

Подчеркивается необходимость интеграции научного, промышленного и финансового потенциала, активизации инвестиционной деятельности на всех уровнях управления. Мировой опыт свидетельствует, что финансово-промышленная интеграция позволяет концентрировать ре-

сурсы на основных и наиболее важных направлениях.

Таким образом, совершенствование методов формирования и реализации программ развития регионов России в настоящее время состоит в том, чтобы переложить на регионы большую часть расходов, связанных с социальным, экономическим и экологическим развитием, а в регионах центр тяжести финансирования экологических программ перенести с бюджетов всех уровней на негосударственный сектор экономики.

Новая экологическая политика и экологическая ниша России

ледует отметить, что общество несет дополнительные затраты как при эффективной охране окружающей среды, так и при ее деградации. При отсутствии специальных политических мер эти затраты переносятся, как правило, на негосударственный сектор экономики.

Преодоление проблем однородности и инерции при разработке и реализации региональной экологической политики требует коллективных действий государственных органов власти, бизнеса и общественности. Однако политически это весьма сложная задача. Поэтому в условиях России с ее значительной дифференциацией экономических, социальных и экологических условий, высоким биологическим разнообразием экологические отношения также не могут быть однородными. При решении региональных проблем экологической политики должны учитываться региональные и местные особенности. Поэтому важно разработать эффективную научную методологию экологической политики, соответствующую условиям субъектов Федерации.

Одним из наиболее эффективных направлений экологических отношений является эффективность экологической деятельности в контексте развития «модели партнерства» в

экологической сфере. Она предполагает наличие двух ключевых условий:

- во-первых, существования заинтересованных кругов на всех уровнях власти, которые могли бы быть партнерами в решении проблем экологической политики;
- во-вторых, практических мер по широкому включению региональных общественных организаций, бизнеса и гражданского общества в экологически ориентированное государственное управление.

Создаваемые партнерские отношения уже активно используются при решении проблем экологической политики в стране и, главным образом, на основе сочетания интересов частного бизнеса и власти. Включение предпринимателей, представителей негосударственных структур в разработку, реализацию экологической политики дает более эффективные результаты, чем ориентация государственных органов на принудительное регулирование. Основная функция государственных органов в «модели партнерства» – обеспечение информацией, обучение, т.е. обеспечение условий для формирования экологических отношений.

Следовательно, экологическая политика определяет цели и принципы проведения в стране единой государ-

ственной политики в области экологии и охраны окружающей среды на долгосрочный период. Формирование и реализация стратегии социально-экономического развития страны и государственная политика в области экологии и охраны окружающей среды должны быть взаимоувязаны, поскольку здоровье, социальное и экологическое благополучие населения находятся в неразрывном единстве.

Стратегической целью государственной экологической политики является сохранение природных систем, поддержание их целостности и основных функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, а также обеспечения экологической безопасности страны.

Таким образом, во-первых, если Россия действительно заинтересована в том, чтобы стать полноправной участницей европейского и мирового сообщества, максимально и рационально использовать выгоды территориального, ресурсного и геополитического характера, то стране, безусловно, необходима принципиально новая экологическая политика, в полной мере учитывающая такие факторы, как принципиальные сдвиги в мировой политике последних десятилетий и новый формат взаимодействия основных субъектов мировой политики; глубину и характер рыночных преобразований; сокращение сферы влияния государства и возрастание влияния негосударственных политических экономических акторов как на национальном, так и наднациональном уровне.

Исходя из этого, необходимо взять за основу следующие принципиальные положения: признание многофакторного, полисубъектного и полиаспектного характера процессов формирования экологической политики; необходимость использования системного подхода и учета дисперсности природных особенностей страны; императивность примата сохранения качества окружающей природной среды и обеспечения безопасности России над всеми остальными видами деятельности.

Во-вторых, требуется новая оценка ситуации в стране, учитывающая изменение отношений, интересов и природно-ресурсных возможностей государства, регионов, хозяйствующих субъектов и населения, для чего в первую очередь необходимо оптимизировать систему сбора и анализа информации, поступающей из регионов.

В-третых, экологическая политика России должна определять деятельность властных структур по решению наиболее значимых проблем за счет государственных ресурсов и применения инструментов экологически ориентированного управления.

Смысл политологического подхода к экологической деятельности заключается в акцентировании внимания к следующим основным позициям: переход страны на безопасное и устойчивое развитие состоит в стратегическом сочетании политических и экологических подходов к решению стоящих перед Российской Федерацией задач. Он требует всестороннего учета изменений социально-экономических условий регионов страны, связанных с кризисом платежеспособности многих предприятий и загрязнения природной среды.

В условиях экологического кризиса, наблюдающегося во многих странах, экологическая политика переходит в разряд стратегических задач государства и должна учитываться как показатель условий развития и роста политических, экономических и экологических структур общества. В этом сущность политической и социально-экологической самоидентификации стран.

Для анализа безопасного развития российских регионов следует исходить из масштабов и специфики воздействия различных видов антропогенной деятельности, из территориальной дифференциации регионов и степени устойчивости их природной среды. Одним из ключевых факторов деградации природной среды в регионах России является техногенное загрязнение окружающей среды.

Накопленный опыт организации и функционирования охраняемых природных территорий показал возможность и необходимость структурно-функциональной оценки состояния биосферных заповедников, а также преимущества кластерного подхода к их формированию с учетом территориальной интеграции и дифференциации.

Как любая система, экологически ориентированное государственное управление предполагает наличие множественности элементов, т.е. структурности системы и наличия интегрированных связей между составляющими эту систему элемента-

ми. Важнейшими элементами системы управления являются целевые комплексные экологические программы развития. В то же время программное государственное управление и заложенные в него методы в настоящее время являются инструментами прямого государственного воздействия на регионы.

Сегодня целенаправленная экологическая деятельность осуществляется и стимулируется на экономической основе. Основную экономическую нагрузку по реализации региональных экологических программ несут предприятия и организации. Одним из наиболее эффективных направлений решения региональных проблем экологической политики в стране является совершенствование методов и механизмов управления на государственном уровне, а также интенсификация экологических отношений в рамках «модели партнерства» в экологической сфере с участием гражданского общества.

Только совместными усилиями всех структур государственной власти, политической элиты, общественных организаций, научного сообщества, бизнеса и гражданского общества возможно решение важной национальной задачи по формированию экологической политики страны как фактора обеспечения безопасности населения и сохранения окружающей природной среды Российского государства.

Примечания

¹ *Вернадский В.И.* Биосфера. Л., Науч. хим.-техн. изд-во, 1926; Он же. Биосфера. М., Мысль, 1967; Он же. Ноосфера. М., 1968.

- ² Хатчинсон Дж.Е. Биосфера. М.: 1972; Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. М., Прогресс, 1973; Дажо Р. Основы экологии. М.: Прогресс, 1975; Загладин В.В. Глобальные проблемы человечества. М., 1984; Одум Ю. Экология. М.: Мир, 1986; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
- ³ Указ Президента Российской Федерации «Концепция перехода к устойчивому развитию». 1 апреля 1996 г. № 440 // http://www.omczo.org/
- 4 URL: http://www.ekois.net
- 5 Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. М.: Прогресс, Пангея. 1994.
- ⁶ Гусев А.А. Региональная экологическая политика России. М., 2003.
- ⁷ Гусев А.А. Экосистемная структура заповедных территорий европейской лесостепи // Известия АН СССР. Серия географическая. 1991. № 2. С. 77–81.
- 8 Гусев А.А. Заповедные экосистемы: особенности динамики и проблемы сохранения // Центрально-Черноземный биосферный заповедник. Курск, 1988.
- ⁹ Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (на 2002-2010 годы и до 2015 года)» // http://www.fcp,economy.gov.ru/

$\frac{503 PEBATEJIb}{BSERVER} \text{ http://www.rau.su} \\ \text{E-mail: observer@ru.ru}$

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель-Observer» (1992-2012 гг.);
- «Современная политическая история России» «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- **книжное** издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Российское образование в контексте Болонского процесса

Надежда Гусева

Концептуальные основы объединения Европы

р имский договор был подписан 25 марта 1957 г. Он положил начало современной европейской интеграции. Но идея объединения Европы зародилась гораздо раньше.

К великим людям, искавшим пути и средства для объединения Европы и создания в ней единого правопорядка, относятся, в частности, выдающиеся немецкие ученые Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646—1716 гг.) и Иммануил Кант (1724—1804 гг.), а также знаменитый французский философ и писатель Жан-Жак Руссо (1712—1778 гг.).

Идея объединения Европы рассматривалась в работах Ш.-И. де Сен-Пьера. Им был создал проект конфедеративного союза европейских государств.

17 июля 1851 г. Виктор Гюго на заседании французского парламента выдвинул идею об образовании Соединенных Штатов Европы.

Между двумя мировыми войнами, в 1922 г., в Европе возникло паневропейское движение.

Его основатель — граф Рихард фон Куденхове-Калерги (1894-1972 гг.). В 1926 г. в Вене состоялся Первый паневропейский конгресс.

Граф Рихард фон Куденхове-Калерги писал: «Вокруг Европы возникают новые и обновляются старые миры. Они олицетворяют собой XX век, однако сама Европа со своими старыми конфликтами, устаревшими организационными формами, старыми предрассудками остается в XIX веке».

Говоря о будущем, Рихард фон Куденхоув-Калерги предсказывал упадок Европы вследствие войны, нужды и анархии. Единственно возможный выход, по его мнению, создание пан-Европы. Потому что пан-Европа — это категорический императив для Европы XX в.

ГУСЕВА Надежда Алексеевна – кандидат политических наук, декан Красногорского государственного колледжа. E-mail: nguseva2011@yandex.ru

Ключевые слова: Болонский процесс, российское образование, европейское образовательное пространство.

19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете Уинстон Черчилль произнес свою ставшую знаменитой фразу: «Мы должны создать нечто подобное Соединенным Штатам Европы». Соединенные штаты Европы были наиболее популярным направлением возможного объединения Европы в XIX–XX вв.

После Второй мировой войны в обстановке полной разрухи мало кто думал о европейском объединении.

Еще меньше ожидали, что предложение объединиться поступит из Великобритании, страны, которая всегда считала себя островным государством, несколько изолированным от континентальной Европы, и была гораздо теснее связана с Британским содружеством, особенно со своими заокеанскими доминионами.

Из Франции также пришли вдохновляющие слова: «Французы и немцы должны подвести черту под прошлым, сотрудничать друг с другом и помнить о том, что они являются европейцами». Так сказал в августе 1945 г. генерал Шарль де Голль 1.

Кстати, и русские просветители — С.Е.Десницкий, Я.П.Козельский, В.Ф.Малиновский — обращались в своих трудах к идее объединения хозяйственной деятельности разных государств Европы как ключевому фактору общественного прогресса².

Однако концептуальные идеи объединения стран Европы в единое политическое пространство были предложены президентом Франции Шарлем Де Голем, который 23 ноября 1959 г. выступил со знаменитой речью о «Европе от Атлантики до Урала». В грядущем политическом союзе стран Европы президент Франции видел альтернативу «англосаксонскому» НАТО.

Значительный вклад в проект европейской «конфедерации» принадлежит другому французскому президенту Франсуа Миттерану.

Этот проект был основан им на идее «концентрических окружностей» с центром в виде уже сформировавшегося Европейского сообщества, что давало бы ему возможность диктовать свои условия более слабым восточноевропейским партнерам³.

Развитием этой идеи стала концепция Ж.Делора о постепенном формировании европейского экономического пространства, простирающегося от Атлантики до Урала, в виде трех концентрических кругов: в первый круг должны были войти 12 государств-членов ЕС, второй должен был охватывать ЕС, а также Турцию, Мальту и Кипр, в третий должны были входить страны Центральной и Восточной Европы, т.е. государства — бывшие члены СЭВ, а также Югославия и Албания.

Европа объединилась под флагом Европейского союза

ешающим шагом в политическом объединении Европы стало подписание Маастрихтского договора, официально названном Договор о Европейском союзе.

Этот договор был подписан 12 странамичленами Европейского сообщества 7 февраля 1992 г. в г. Маастрихт (Нидерланды).

Официально Договор вступил в силу 1 ноября 1993 г. и фактически завершил дело предыдущих лет по урегулированию денежной и политической систем европейских стран. Таким образом, был создан Европейский союз – европейское интеграционное объединение государств для совместного хозяйственного развития в интересах каждого из них. Развитие ЕС прошло несколько основных этапов.

Первый период развития Евросоюза начался в 60-е годы XX в.

Это был период быстрого и равномерного роста экономики, сопровождавшийся пол-

ной занятостью, а некоторые страны даже испытывали недостаток рабочей силы, наблюдалась значительная иммиграция. Период начался с момента образования Европейского сообщества и завершился в 1972 г. Это было время углубления интеграционных процессов, протекавших в условиях относительно благоприятной хозяйственной конъюнктуры. Главные задачи того времени — создание Таможенного союза, формулирование совместной аграрной политики, формирование институционально-правовых основ интеграции.

Второй период охватывает 70-е – 80-е годы XX в. и характеризуется некоторым замедлением темпов экономического роста, увеличением безработицы и инфляции.

Эти процессы в отдельных странах протекали неравномерно. В целом же данный период отличался торможением в развитии интеграции. На некоторых направлениях политики Европейского сообщества резко обострились противоречия между участниками объединения. Доминирующей тенденцией явилось экстенсивное развитие интеграции, что выражалось и в принятии новых участников, и в выдвижении на первый план проблем, связанных с включением новых стран в объединение.

Третий период охватывает период с середины 80-х годов по начало 90-х годов XX в. и характеризуется значительным экономическим подъемом в объединяющейся Европе.

Признаки вхождения стран Европы в третий этап своего развития начали отчетливо проявляться в 1984 г. В отличие от предыдущего этапа вступление новых членов — Испании и Португалии — не привело к резкому замедлению в развитии интеграционных процессов, как это было после присоединения ранее к Сообществу Великобритании, Ирландии и Дании. Напротив, задачи дальнейшего углубления интеграции даже вышли на первый план в деятельности Европейского сообщества.

Количественное накопление фактических изменений в практике европейского строительства перешло в новое качество. Страны Сообщества предприняли конкретные шаги для того, чтобы закрепиться на этом качественно новом уровне, который был зафиксирован в организационно-правовом порядке принятием Единого европейского акта (EEA).

Опыт развития стран Европейского сообщества в 70-е – 80-е годы XX в. позволил сделать три важных вывода:

- устойчивый экономический рост возможен лишь при условии правильной экономической политики;
- инфляция пагубна как в социальном отношении, ибо приводит к перераспределению дохода в ущерб слабозащищенным слоям населения, так и в экономическом отношении, поскольку подрывает веру в будущее экономики;
- ни одна из стран не в состоянии проводить автономную экономическую политику, а должна согласовывать ее со странами-партнерами.

Из этих положений вытекают главные задачи хозяйственной политики Европейского сообщества.

Четвертый этап в развитии уже не Европейского сообщества, а Европейского союза берет свое начало с подписанием Маастрихтского договора (1992 г.).

Создание внутреннего рынка было подкреплено институциональными изменениями, повышением эффективности процесса принятия решений, усилением межгосударственных и наднациональных компонентов интеграционного процесса. Все это способствовало развитию разветвленной системы регулирования в Евросоюзе и подготавливало почву для изменений системы, закрепленных в Маастрихтском договоре.

С момента подписания договора Европейский союз представляет собой объединение

государств для совместного хозяйственного развития в интересах каждого из них. Фундаментом этого объединения послужил Общий рынок. Данное понятие определило одновременно цели, предмет деятельности и специфику Евросоюза.

Термин «рынок» свидетельствует о приверженности государств-членов принципам свободной конкуренции. Термин «общий» не только говорит о стремлении достичь в конечном счете объединения экономик государствчленов, но и определяет совместный характер их образа действий.

Сегодня, в первое десятилетие XXI в. политика Европейского союза в условиях глобализации направлена на объединение потенциалов европейских стран, на создание конку-

рентоспособной и сильной Европы. Уже сделаны определенные шаги, направленные на интеграцию усилий европейских стран.

Это прежде всего формирование единых органов координации Европейского союза, прозрачность границ, единая валюта. Однако сдерживающими факторами интеграционных процессов являются, с одной стороны, существенные различия в уровне развития и этнокультурные особенности стран, а с другой – языковой барьер, несоответствие трудовых законодательств европейских стран и разнообразие национальных образовательных систем.

Квалификационный уровень населения Европы

о дной из существенных проблем современной Европы является удовлетворение потребностей европейского рынка труда в кадрах различной квалификации. В последние десятилетия европейский рынок труда испытывает большие сложности, обусловленные существующей устойчивой тенденцией снижения численности трудоспособного населения, связанного с демографическими проблемами⁴; отсюда и существенное увеличение лиц пожилого возраста.

По оценкам демографов, через 25 лет недостаток трудоспособного населения в Европе может превысить 160 млн чел. Низкий уровень обеспеченности квалифицированными кадрами обусловливает низкий экономический потенциал европейских стран.

Обеспечение европейского рынка труда кадрами с высшим образованием – одна из задач развития экономического потенциала Европы.

Если в США специалистов с высшим образованием (третичной степенью) составляет 35% от общего количества работников, то в Европе этот показатель почти в 2 раза ниже (20%)6.

Демографические проблемы Европы проявляются и в недостаточном обеспечении воспроизводства коренного населения континента. В настоящее время основной прирост населения в Европе осуществляется за счет его миграции из мусульманских стран.

В. А. Садовничий отмечал, что в Европе с середины XX в. наблюдался поток мигрантов из Африки и Азии, который составил 18–20 млн чел.⁷

Однако у европейского образовательного сообщества пока не складываются достаточно конструктивные отношения с мусульманским миром, что имеет под собой глубокие исторические и религиозные корни. В частности, об этом свидетельствуют, например, серьезные волнения во

Франции в 2011 г. Европейскому союзу предстоит преодолеть существующие религиозные предубеждения и стать основой для кросскультурного

взаимодействия различных народов на благо развития конкурентоспособной и экономически сильной Европы.

Формирование рынка труда в странах ЕС

роцесс глобализации приводит к формированию рынка труда с высокими требованиями к стандартному работнику единого европейского пространства⁸, а также увеличивает мобильность рабочей силы. Современное производство предъявляет повышенные требования к квалификации работников, основанной на высоком образовательном уровне. «Сотрудник «стоит» очень дорого, если его трудно уволить и при этом сложно и дорого найти ему достойную замену, если содержание труда и глобализация конкуренции требуют все большей квалификации, самоотдачи, ответственности и инициативы работника и внешний контроль за ним затруднен»⁹.

В современный период глобализации новые способы общественных коммуникаций ставят вопрос об объединении Европы для формирования глобального рынка мобильных наемных работников различной квалификации.

Сейчас в Европе происходят активные процессы межгосударственного

объединения, формирования наднациональных институтов, поиска универсальных механизмов взаимодействия европейских стран¹⁰.

Одним из основных механизмов формирования европейской социальной общности является институт образования. Поэтому первые шаги европейских стран для создания единого образовательного пространства являются важнейшими направлениями реализации идеи объединения Европы, формирования общих стандартов жизнедеятельности и продолжением взаимного сотрудничества в экономической и политической сферах¹¹.

Становление целей образования в каждом обществе обусловлено историческим и национальным контекстом. В этом и состоит основное противоречие и противоборство образовательных тенденций по сохранению сложившихся столетиями существенных различий в институциональных и культурных практиках различных европейских стран.

Единое европейское образовательное пространство в условиях мирового кризиса

в конце XX в. традиционное закрытое европейское образование перестало удовлетворять возросшие потребности Европейского сообщества в квалифицированных кадрах для формирующегося нового рынка труда, что фактически и обусловило кризис всей системы образования в Европе.

Кстати, впервые вопрос о кризисе образования был поднят американскими социологами Дж.Коулменом и Ф.Кумбсом, которые рассматривали кризис образования как национальную проблему США, затем по мере нарастания проблем в сфере образования они пришли к выводу о его всемирном масштабе¹².

В настоящее время мировой кризис образования включен в пере-

чень глобальных проблем современности.

Решение проблем образования может быть эффективным только тогда, когда оно предпринято совместными усилиями ряда стран. Кроме того, образование как глобальная проблема имеет своей целью создание единого образовательного пространства¹³.

В свою очередь кризис европейского образования уже позволил осознать ведущим странам Европы настоятельную необходимость ее модернизации и прежде всего национальных образовательных систем.

Европейская система образования базируется сегодня на единых требованиях к качеству образования и направлена на формирование нового типа личности, готовой и способной к новому типу жизнедеятельности, т.е. накоплению, преобразованию и производству информации, а также воспитанию человека в духе европеизма.

Поэтому в настоящее время в Европейском союзе происходит кардинальное изменение принципов европейского образования, заключающиеся в переходе от обучения в режиме teaching к режиму learning, т.е. движение от принципа «учить», к принципу «учиться».

Новая парадигма европейского образования – Европейское измерение в образовании

рамках новой образовательной парадигмы человек должен учиться всю жизнь, а система образования должна лишь в этом ему помогать в границах целесообразности и его личной заинтересованности¹⁴.

Новая парадигма европейского образования основана на модернизации образования и состоит в создании общеевропейской интегральной системы образования, которая, опираясь на концепцию формирования Европейского измерения в образовании, создает новые единые общеевропейские стандарты качества образования, расширяет миграционные потоки студентов и молодых специалистов, с одной стороны, и способствует сохранению национальной идентичности европейцев, – с другой.

Следовательно, Европейское измерение в образовании ориентировано прежде всего на воспитание личности с четкой гражданской позицией и профессиональной составляющей, т.е. личности европейского типа, исповедующей толерантность, плюрализм, ценящей культурное наследие сообщества как участника процесса европейской интеграции¹⁵.

Таким образом, Европейское измерение в образовании базируется на следующих постулатах.

Обучающийся – это активно действующий субъект, обладающий индивидуальными чертами, способностями и устремлениями. Это личность, которая открывает и создает культуру европейского общества. В силу этого социализация личности реализуется в поликультурном европейском обществе, основанном на разнообразии и совокупности как социальных условий, так и благодаря совокупности взаимодействующих культур на европейском пространстве. Поэтому обучение следу-

ет рассматривать как процесс творческого взаимодействия преподавателя и обучающегося, где обучающийся играет, наряду с преподавателем, активную роль, а процесс обучения строится на условиях и

проблемах реальной жизни и прямом опыте прошлых поколений.

Эти процессы обучения были заложены в основу Болонского процесса, который, по сути, стал новым месседжем формирования современного европейского образования.

Ключевые позиции Болонской декларации

1988 г. на конференции ректоров европейских вузов в Болонье (Италия) была принята Всеобщая хартия университетов (Мадпа Charta Universitatum), в которой университеты были названы центрами культуры и впервые была обозначена задача создания академического европейского пространства. Основной причиной создания Хартии стала реальная угроза экспансии образовательных услуг США в Европе, т.е. как реакция защиты собственно европейского культурного образовательного пространства.

Уже в 1997 г. в Лиссабоне была подписана конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европе». Этот документ стал основой для взаимодействия между европейскими странами в сфере высшего образования.

В 1998 г. в Париже последовало подписание министрами Великобритании, Германии, Италии и Франции совместной Декларации по гармонизации европейской системы высшего образования, или Сорбоннской декларации, стимулирующей создание общего европейского образовательного пространства на основе положений Лиссабонской конвенции. Министры образования европейских стран, подписав Сорбоннскую декларацию, приняли на себя обязательство способствовать созданию общей

системы критериев в области высшего образования для содействия независимому признанию степеней и развитию студенческой мобильности.

Таким образом, известная **Болонская декларация** стала итогом подготовительного этапа формирования основных принципов организации европейского образовательного пространства.

Далее, в июне 1999 г. в Болонье министрами образования 29 европейских стран была подписана Декларация о Европейском пространстве для высшего образования ¹⁵. Декларация стала ключевым документом нового этапа гармонизации национальных систем при создании общеевропейского пространства высшего образования.

Болонская декларация и решения последующих конференций (2000–2011 гг.) в области образовательной политики в Европе являются, по сути, программными документами, формирующими создание общеевропейской интегральной системы образования.

Долгосрочная цель программы действий, начало которой положила Болонская декларация – «создание общеевропейского пространства высшего образования с целью повышения мобильности граждан на рынке труда и усиления конкурен-

тоспособности европейского высшего образования».

Поэтому согласно программы действий основными задачами Болонского процесса являются:

- введение системы, обеспечивающей сопоставимость дипломов, в том числе и при помощи внедрения вышеописанного инструмента Приложение к диплому;
- введение двухуровневой системы подготовки во всех странах, первая ступень бакалавра не менее трех лет и вторая ступень магистра и(или) докторской степени;
- внедрение единой европейской системы зачетных единиц, аналогичной Европейской системе перезачета кредитов (ECTS), как средство повышения мобильности студентов, преподавателей, исследователей и административного персонала университетов, в том числе и для экспериментального и довузовского обучения;
- принятие общего рамочного подхода к квалификациям уровня бакалавров и магистров, обеспечение сопоставимости дипломов, отдельных курсов и кредитов;
- развитие сотрудничества в сфере обеспечения качества образования с целью создания сопоставимых критериев и методологий;
- создание целостной системы обеспечения качества образования (на базе European Network of Quality Assurance in Higher Education);
- введение новых, преимущественно децентрализованных, механизмов и процедур обеспечения качества образования, в основе которых лежат: самооценка, внешний аудит качества и аккредитация независимыми организациями;
- организация информационного обеспечения и обмена информацией;
- повышение мобильности студентов, преподавателей и исследователей;
- усиление Европейского измерения в высшем образовании.

Основополагающей целью Болонского процесса является создание экономически сильной и конкурентоспособной Европы. Поэтому Болонский процесс призван решить и задачи, непосредственно связанные с образованием, и возможности преодоления целого ряда серьезных социальных, экономических и демографических проблем, характерных для современной Европы. Таким образом, Болонские договоренности можно суммировать следующим образом.

Уровни образования. Введение к 2010 г. в европейское образовательное пространство двухуровневой системы высшего образования.

Первый уровень продолжительностью три года завершается присвоением академической степени «бакалавр», что является первой ступенью полноценного высшего образования. После чего студенты могут сразу или, отработав несколько лет, продолжить обучение по магистерской программе в течение двух лет. Вслед за получением бакалаврской и магистерской степеней можно продолжить образование, занявшись научными исследованиями (аспирантура) и в течение трех лет получить докторскую степень.

При этом речь идет о широко распространенной в англосаксонской образовательной системе единой степени PhD (доктор философии в определенной области знаний). Таким образом, полный образовательный цикл может продолжаться от 3 до 8 лет (3+2+3).

Накопительная система оценки знаний. Постепенный переход во всех национальных образовательных системах на единую систему учета трудоемкости учебной работы и содержательного минимума изучаемых знаний (система ECTS – European Credit Transfer System), где в качестве условной единицы измерения выступают так называемые переводные, или трансфертные, кредиты.

Полученные в результате обучения очки могут накапливаться вне зависимости от того,

в каком учебном заведении и когда они были получены студентом. Накопление достаточного квалификационного минимума очков дает право на получение степени или квалификации. Унификация оценки трудоемкости и содержания полученных знаний будет являться основой образования в течение всей жизни так называемого процесса трех «Л» (Life — Long — Learning process).

Унификация стандартов качества образования. Предполагается постепенный переход к унифицированной и признаваемой всеми участниками Болонского процесса системе стандартов качества образования, которая основывается не на длительности или содержании обучения, а на оценке реально усвоенных знаний, умений и навыков. При этом единая и унифицированная оценка качества знаний должна проводиться независимыми неправительственными международными агентствами.

На основе унификации системы учета изученных дисциплин и разработки единой системы оценки качества знаний предполагается резко повысить мобильность студентов, а также существенно расширить международную мобильность преподавателей и вспомогательного университетского персонала.

Взаимное признание национальных стандартов всеми странами-участницами Болонского процес-

са. Все страны, вошедшие в Болонское образовательное пространство, признают на взаимной основе национальные стандарты и квалификации друг друга. Для этого каждому студенту – выпускнику вуза любой из стран наряду с национальным дипломом выдается рекомендованное ЮНЕСКО Приложение, т.е. официальный международный транскрипт на одном из распространенных европейских языков. Национальным университетам всех стран, подписавших Болонскую декларацию, рекомендуется признавать дипломы всех остальных стран-участниц процесса и не допускать дискриминации при трудоустройстве выпускников на работу.

Решение проблем трудоустройства выпускников. Важной особенностью Болонского процесса является ориентирование университетов на конечный результат, т.е. на знания выпускников, которые должны найти практическое применение. Поэтому интеграционные процессы, осуществляемые в рамках Болонских договоренностей, должны значительно повысить привлекательность европейской образовательной системы, а следовательно, и привлечь в Европу студентов из других регионов мира.

Болонский процесс и национальные интересы России: плюсы и минусы

рамках важнейших решений руководства страны последних лет, направленных на повышение качества российского образования и конкурентоспособности выпускников российских вузов на мировом образовательном рынке, особое место

занимает принятие решения о присоединении России к единому Европейскому образовательному пространству и подписание Болонской декларации.

Россия заявила о присоединении к Болонскому процессу и официаль-

но подписала Болонскую декларацию осенью 2003 г. В то же время необходимо отметить, что участие России в Болонском процессе, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные тенденции.

Плюсы для России. В качестве плюсов можно отметить то, что в рамках Процесса можно одновременно делиться тем весомым позитивным опытом, который был наработан в СССР и в России за прошедшие годы и приобщиться к многомерному образовательному опыту Европы.

С вступлением России в Болонский процесс привычные утверждения о «неоспоримых преимуществах нашей системы образования» и о том, что «наши выпускники востребованы во всем мире», придется вновь и вновь доказывать международным партнерам и конкурентам, и зачастую не без оснований убежденным совершенно в противоположном. Это означает, что необходимо систематически совершенствовать образовательные программы, развивать новые формы и методы обучения, а также осваивать современные технологии передачи знаний и информации.

Минусы для России. Болонские договоренности при всей их внешней простоте должны неминуемо повлечь существенные изменения в системе профессионального образования в России, прежде всего в технологической. Главные трудности возникают по унификации уровней и продолжительности обучения в пределах единого интеграционного пространства.

По нашему глубокому убеждению, трех лет для получения квалификации бакалавра для российских студентов явно недостаточно. При такой

постановке задачи мы будет готовить «полуфабрикаты», неспособ- ные не только получить работу в соответствии с их вузовской подготовкой, а зачастую и просто трудоустроиться. Поэтому вопрос о традиционной пятилетке или о трехлетнем бакалаврском цикле следует рассматривать не как стремление отстоять нашу самобытность, а стремление отстоять здравый смысл.

Необходимость замены вузовской пятилетки на трехлетку бакалавриата плюс одно-двухлетний магистерский цикл – это слепое копирование европейского стандарта, и не более того. Поэтому высказывания о том, что так работает большинство стран Европы и США, Канада, а также университеты ряда стран Юго-Восточной Азии, просто неубедительно.

Россия и дальше должна сохранить привычный пятилетний образовательный цикл даже в условиях встраивания в европейскую образовательную систему, по существу обеспечивая содержательные преимущества российского и советского образования.

Высказывания о том, что четырехлетнее, не говоря уже о трехлетнем по англосаксонской модели, бакалаврское образование сможет сформировать полноценного выпускника вуза, чьи знания и навыки «отвечают требованиям к специалистам XXI века», преувеличены и беспочвенны.

Единственный внятный аргумент борцов за внедрение у нас этой европейской образовательной модели является сокращение количества учебных часов на 20% при переходе на четырехлетний образовательный цикл. Однако из этого сторонниками

подобного перехода делаются далеко идущие выводы о постепенном и необратимом улучшении качества образования в России, а в перспективе – о долгосрочном влиянии на экономическое и интеллектуальное развитие страны¹⁶, т.е. чем меньше учить, тем лучше получаются специалисты или, простите, бакалавры.

Справедливости ради следует отметить, что критические точки зрения в отношении Болонского процесса высказывают не только видные российские педагоги и ученые. В этом направлении много говорят и пишут в самой Европе.

Так, целый ряд докладов о негативном воздействии Болонского процесса, например, на бизнес-образование в Европе, на ежегодной встрече деканов и директоров бизнес-школ, входящих в Европейский фонд развития менеджмента (ЕФМД), был выдержан исключительно в критическом ключе.

Особенно резко в адрес Болонского процесса высказываются представители традиционных и элитных западноевропейских университетов, чьи прежде непоколебимые позиции подверглись известной коррекции в результате конкуренции со стороны менее именитых, но более креативных и динамичных коллег. И всетаки хотелось бы отметить, что критическая позиция в отношении Болонского процесса, которая высказывается представителями европейских университетов и бизнес-школ, и критическая позиция большинства представителей российской высшей школы, имея общий предмет, существенно отличается.

В чем эти отличия?

Во-первых, что бы ни заявляли представители отдельных даже элитных университетов и бизнес-школ

Европы о Болонском процессе и его последствиях, европейская образовательная интеграция для них уже давно де-факто. И они в ней активно участвуют. Неслучайно в аккредитационных требованиях к вузовским программам в ряде европейских стран в качестве важнейшего компонента присутствует оценка интернациональности программы, т.е. численности студентов из других стран, обучающихся по программе, а также количество часов, проведенных приглашенными профессорами из-за рубежа. Однако для российских университетов, академий и институтов интернациональный характер программ просто недостижимо, прежде всего в связи с низкой оплатой профессорско-преподавательского состава вузов.

В европейских вузах обучение иностранных студентов становится уже не только вопросом рейтингового престижа и аккредитации, но и процесса выживания в условиях мирового финансового кризиса. Неслучайно даже наиболее консервативные и приверженные обучению на родном языке страны Европы: Франция, Германия, Греция вводят параллельное преподавание ключевых дисциплин на английском языке.

В нашей стране, за исключением нескольких традиционно ориентированных на обучение иностранцев вузов, например Российского университета дружбы народов (РУДН) в Москве, привлечение студентов из-за рубежа идет очень слабо. Причины этого хорошо известны:

- несовершенство регулирующих эту деятельность нормативных актов:
 - низкий уровень преподавания;

- отсутствие профессорско- преподавательского состава, способного работать на английском языке;
- отсутствие переводных национальных учебников и слабая материальная база.

Сегодня способность преподавать на английском языке и наличие англоязычных публикаций становится важнейшей характеристикой профессиональной компетентности и профессиональной пригодности преподавателей вузов.

Если говорить об интеграции, то России прежде всего необходимо сохранить образовательную интеграцию на постсоветском пространстве, опирающуюся на русский язык и рас-

считанную на объединение в рамках образовательных программ дружественных нам стран. Речь не должна идти о противопоставлении образовательной интеграции, например, Содружества Независимых Государств (СНГ) и европейской интеграции в рамках Болонского процесса. Дело в другом нам необходимо взять все то положительное, что имеется сегодня в образовательной системе Европы, а не слепо копировать то, что и европейцам мешает. Не нужно забывать накопленный в СССР и России опыт. Более того, необходимо отметить, что процесс внутриевропейской миграции интенсивно развивался и до принятия Болонской декларации.

Проектный подход к образовательному процессу

ажность унификации образовательного процесса в России и Европе не по продолжительности обучения, а прежде всего по содержанию и принятие единой Европейской системы трансфертных кредитов (ECTS), очевидны. Они действительно служат своего рода основой для взаимного признания национальных дипломов всеми участниками Болонского процесса.

Если говорить о содержании образовательного процесса и о том, что действительно мы могли бы использовать в нашей педагогической практике, так это то, что называется проектным преподаванием.

Следует подчеркнуть, например, что большинство европейских университетов отказывается от традиционных форм занятий, где профессора читают лекции, а доценты, старшие преподаватели и ассистенты проводят семинарские занятия,

где эти знания проверяются, как это общепринято в России.

В европейских университетах образовательный процесс переводится на проектный метод, где ограниченное число установочных лекций сопровождается растущим количеством самостоятельных или группоисследовательских работ, выполняемых под руководством педагогов. Следовательно, обучение в европейском университете основано не на усвоении материала лекций, а на на том, как надо учиться самому. Студентов обучают тому, где и как найти информацию по интересующему вопросу, как ее систематизировать и обобщить, грамотно изложить результаты исследования в письменной форме, подготовив эссе и сделать внятную презентацию. Поэтому в качестве специального предмета в обязательном порядке преподаются основы поиска информации.

Важным обстоятельством является, например, то, что студенческие проекты в европейских вузах почти всегда конкретно ориентированы на сбор первичной информации, а не на получение информации вообще. Именно первичная, т.е. самостоятельно полученная информация, формирует основу высокой оценки представленного проекта, а материалы лекций приобретают прикладной характер.

Интерес студентов к изучаемому материалу при такой организации

занятий существенно повышается, а эффективность усвоения материала растет.

Одновременно с этим идет развитие креативности студента, его умения работать самостоятельно и в проектных группах, что принципиально важно для будущей успешной карьеры.

Кроме того, такой процесс обучения позволяет глубже оценить уровень и объем достигнутых студентом результатов.

Российские национальные приоритеты в сфере образования

в хождение России в Болонский процесс ставит вопрос о необходимости смены образовательной парадигмы, суть которой должна заключаться не в переходе продолжительности обучения в системе «бакалавр – магистр» (4 + 2), а в содержательности самого процесса преподавания в большинстве вузов страны, переподготовки преподавателей, а также перестройки технологического цикла их работы.

Очевидно, что проектный подход потребует от преподавателя несколько иных компетенций, чем традиционный технологический образовательный цикл: лекция + семинар + реферат + эссе + курсовой проект + зачет или устный экзамен.

При проектном подходе преподаватель должен быть не только преподавателем, но и исследователем реальных процессов, консультантом, экспертом и аналитиком.

Интересным выглядит и переход на модульную систему, которая активно стимулирует студента на получение знаний и не дает рассла-

биться. Он применяется уже в некоторых отечественных вузах, но широкого применения пока не нашел.

Следует отметить, что **традиции** российской образовательной системы основаны прежде всего на фундаментализации высшего профессионального образования и его исследовательском приоритете.

Задачи же Болонской образовательной системы в рамках европейского образования более универсальны и основаны главным образом на получении студентами практических знаний.

Таким образом, современное образование в России и в европейских странах претерпевает одни и те же тенденции по следующим основным направлениям:

- придание свойств открытости образовательному процессу, социальному окружению, контактам и связям;
 - расширение партнерства;
- формирование образовательного сообщества;

– повышение качества образования с учетом международных критериев оценки и стандартов.

Все это приводит к созданию условий развития межкультурного взаимодействия в образовании, форми-

рованию единого европейского образовательного пространства, результативному включению российского образования в европейское измерение, а также повышению конкурентоспособности образования.

Следует также признать, что российским университетам, как наиболее продвинутым социальным институтам в стране, предстоит в ближайшее время обобщить накопленный советский и российский опыт, изучить все то положительное, что имеется в европейском, американском и азиатском образовании, развивать интенсивное международное взаимодействие, а также создать предпосылки для формирования нового российского традиционноноваторского образовательного потенциала.

Примечания

- 1 URL: www.nord-inform.de
- 2 Василенко И.В., Парамонова В.Л. История российской социологии // Волгоград, 2004. С. 8–10.
- 3 Васитинский В.Н. Франсуа Миттеран // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 37–44.
- ⁴ Динамика демографических показателей европейских стран // URL: http://www.demoscope.ru/2009
- ⁵ Berridge D., Brodie I. Children's homes revisited. L.: Jessica Kingsely, 1998. P. 73.
- 6 Смирнов С.Н. Болонский процесс: перспективы развития в России // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 44.
- 7 Садовничий В.А. Традиции и современность. Выступление на VII съезде Российского Союза ректоров // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 17.
- ⁸ Джорж С., Ваймерскирх А. Всеобщее управлением качеством: стратегии и технологии, применяемые сегодня в самых успешных компаниях. СПб.: Виктория плюс, 2002. С. 6.
- ⁹ Пугачев В.П. Планирование персонала: теоретические и методологические основы // Вестник МГУ. Социология и политология. 1999. № 2. С. 34.
- ¹⁰ Kernberg O. A. Psychoanalytic theory of personality disorders // Scottish Children's Reporter Administration, 2002. P. 117.
- ¹¹ Kravdal O. How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: A parity-specific approach. Population Research, 1996. 5(6). P. 122.
- ¹² Coombs Ph. The World Crisis in Education: the view from eighties. N.Y.; Oxf. 1985. P. 167–169
- ¹³ Зборовский Г.Е. Образование от XX к XXI веку // Екатеринбург, 2001. С. 135.
- ¹⁴ Олейникова О.Н., Муравьева А.А., Аксенова Н.М. Обучение в течение всей жизни и профессиональное образование. М.: РИО ТК им. Коняева, 2011.
- ¹⁵ Joint Declaration of the European Ministers of Education Convened in Bologna on the 19th of June 1999. P. 59–63, 87–88.
- ¹⁶ *Артамонова М.В.* Реформа высшей школы и Болонский процесс в России: частный взгляд методиста. М.: Экономика, 2008.

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве

Якуб Корэйба

Основной движущей силой мировой политики в XXI в. является глобализация. Активно идет процесс устранения барьеров, которые традиционно отделяли внутреннюю жизнь стран и народов от событий на международной арене. «Сегодня политика, оборона, экономика, культура, наука, миграция населения, состояние окружающей среды все меньше зависят от чисто национальных решений. Независимо от усилий отдельных стран отгородится от процессов глобализации, сделать это невозможно по объективным причинам» 1. Как пишет О. В. Буторина, «глобализация – это процесс трансформации пространственной организации мира, сопровождающийся возникновением новых структур активности и власти» 2.

С тенденциями глобализации мировой экономики непосредственно связаны интересы России. Однако российские стратеги обращают особое внимание на тот факт, что наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов глобализация порождает и новые опасности, особенно для экономически слабых государств. Натиск глобализации испытывает на себе культурная самобытность подавляющего большинства стран и народов³.

ля эффективного решения проблем современности необходимы новые механизмы и новые структуры, уполномоченные внедрять их в

жизнь и следить за соблюдением установленных всеми участниками правил. На данном этапе развития Европа находится в процессе выра-

КОРЭЙБА Якуб Войчехович – выпускник Института международных отношений Варшавского университета, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* korejba@mgimo.ru

Ключевые слова: постсоветское пространство, Восточная Европа, Европейский союз, НАТО, внешняя политика России, отношения Россия – ЕС, СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, Евразийский союз.

ботки институциональных рамок, наиболее подходящих для решения проблем в условиях резко усиливающегося влияния процессов глобализации.

При этом падение коммунистических режимов на востоке Европы открыло путь к распространению влияния западноевропейских стран и созданных ими организаций на восточноевропейские государства. Освоение «восточноевропейского ресурса» интеграционными структурами Запада должно было укрепить конкурентоспособность Европейского союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО) по отношению к другим центрам силы в современном мире. Успех «политики освоения» зависел и зависит от согласованности усилий европейских стран и позитивной реакции адресатов интеграционных стремлений⁴.

Как подчеркивает А.Д.Богатуров, после падения коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы важно было создать условия, при которых наиболее развитые страны Запада могли получить доступ к интеллектуальным, человеческим, энергосырьевым, пространственным и другим ресурсам бывших «закрытых» стран. Нужно было преодолеть их изолированность посредством включения в мировые хозяйственные и политические процессы⁴.

Для формирующих свою стратегическую идентичность и место в современной Европе постсоветских стран определяющим фактором развития является то обстоятельство, что одним из важнейших инструментов управления глобальными процессами является региональная интеграция. Освоение качественно но-

вых явлений международной жизни за счет участия в международных структурах позволяет максимально использовать преимущества глобализации с сокращением ее отрицательного воздействия.

Интеграционные объединения все более влияют на мировое развитие, в том числе на постсоветском пространстве, они способствуют нахождению нового баланса сил в регионе и мире на основе интересов широкого круга стран и негосударственных субъектов мировой политики. «Современные интеграционные процессы происходят на всех континентах, являясь составной частью всемирной глобализации с ее достижениями и проблемами»¹.

Для постсоветских стран глобализация – явление новое, чего нельзя сказать об интеграции и взаимозависимости, хотя их интеграция была преимущественно политической по происхождению и разрушительной по последствиям, особенно для их отношений со странами более широкого международного экономического спектра⁵.

В контексте европейской интеграции политика России характеризуется стремлением закрепить свое лидерство на постсоветском пространстве, поддерживая традиционные связи, которые сложились на пространстве бывшего СССР, и стимулируя формирование на этой основе новых экономических и политических объединений в составе стран, которые остались вне сферы евроинтеграционных процессов⁶.

Как отмечает Дмитрий Рогозин, «будущее России без Европы незавидно. Будущее Европы без России ужасно». В такой Европе не будет ста-

бильности, надежного достатка и возможности реализовать ценности цивилизации. Следовательно, согласно Рогозину, в образе будущего Запад должен увидеть Россию как неотъемлемую часть Европы, а Россия – признать преимущества союза с европейскими нациями⁷.

Однако, как замечает Дмитрий Тренин, проблема, которая сейчас стоит перед Россией в отношениях с Западом, заключается в том, что недемократический, по западным параметрам, политический строй, существующий в нынешней России, в условиях XXI в. рассматривается ее партнерами как не совсем легитимный. В свою очередь, «международные интересы не полностью легитимного режима также являются не вполне легитимными»⁸, и поэтому интеграционные инициативы России на постсоветском пространстве часто интерпретируются как попытка навязать свое доминирование слабым странам в отличие от «естественного» и легитимного лидирования Запада, продвигаемого с помощью созданных им международных структур.

Стратегия внешней политики России однозначно определила Евросоюз как приоритетного партнера России в Европе с точки зрения не только экономических отношений, но и построения системы безопасности⁹. Развитие политических и военных контактов, а также практического сотрудничества в сфере безопасности считалось возможным противовесом НАТОцентризму в Европе⁹. При этом, как замечает А.В.Мальгин, в Стратегии подчеркивалось, что в обозримом будущем Россия не стремится ни к участию в

ЕС, ни даже к ассоциации с ним. Это объясняется, с одной стороны, объективным потенциалом страны, а с другой – геополитической выгодой внеблокового существования.

Благодаря окончанию холодной войны постсоветские государства вовлечены в процесс интеграции в континентальном масштабе в качестве субъектов. Данный процесс рассматривается Западом в русле продолжения продвижения собственных ценностей и институтов на Восток, и, соответственно, западным организациям следует довести его до логического завершения, подключив к нему остальные государства постсоветского пространства, в том числе и Россию. С точки зрения Запада, логика развития интеграционного процесса в Европе требует, чтобы ЕС и Россия, во-первых, сотрудничали на двусторонней основе, а во-вторых, привлекли к проекту сотрудничества общих соседей, чтобы придать процессу интеграции широкий, а в перспективе и панъевропейский характер. Интеграция будет неполной, пока существует «серая зона» стран, зажатых между Евросоюзом и Россией, не включенных в общий процесс10. Однако пока между партнерами нет согласия на общие правила и единые организационные рамки для общеевропейского интеграционного процесса. Предлагаемые Западом и Россией остающимся в «серой зоне» общего соседства странам проекты носят конкурентный характер и ставят данные государства перед жестокой альтернативой.

а фоне кризиса в ЕС принципиально новым для постсоветских стран представляется проект Евра-

зийского союза, в котором, пока в ограниченной форме Единого экономического пространства и Таможенного союза, участвуют Россия, Белоруссия и Казахстан, но который рассчитан на более широкие географические рамки и другой политический вес.

Не лишенный геополитической основы, этот проект в большей мере опирается на взаимную заинтересованность всех сторон усилить свои экономические позиции в условиях, со одной стороны, кризиса государств Запада и атрофии созданных ими международных организации, а с другой – динамичного развития восточных (в историко-культурном и цивилизационном а не stricte географическом смысле) соседей постсоветских стран - Китая, Индии и Турции. Следует отметить его геополитическое значение для России, которая после 20 лет интеграционных поисков на практике приступила к реализации амбициозного проекта¹¹.

Кризис «Старой Европы» и существенный спад динамики воздействия западных интеграционных институтов на постсоветские государства совпадает по времени с реализацией проектов предлагаемых этим странам Россией.

В октябре 2011 г. главы правительств восьми стран – членов СНГ – России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии, Молдавии и Таджикистана – подписали Договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества. Азербайджан, Узбекистан и Туркмения договор не подписали. По просьбе глав делегаций они будут изучать возможность присоединения к договору. Инициатор углубления сотрудничества премьер-министр России В.В.Путин

отметил, что создание свободной зоны «на пространстве Содружества ни в коем случае не противоречит нормам и правилам ВТО, тем более что подписавшие этот договор Киргизия, Армения и Молдавия уже являются странами, присоединившимися к ВТО»¹².

С 1 января 2012 г. начала действовать новая на постсоветском пространстве интеграционная структура – Таможенный союз, который объединяет Россию, Белоруссию, Казахстан.

Созданная структура ставит задачу осуществления интеграционного выбора на текущую повестку дня европейских стран бывшего СССР. С этого момента странам постсоветского пространства предлагается либо начать новое общее движение, либо, наоборот, дистанцироваться от России с необходимостью нести определенные экономические последствия совершенного выбора в виде повышения цен на энергоресурсы и отмены привилегированных условий ведения торговли.

Нет сомнений, что целью созданных Россией интеграционных организаций является реинтеграция всех государств постсоветского пространства в организационных рамках, опробованных в настоящее время Россией, Белоруссией и Казахстаном. Предполагается, что будущий союз будет заключен участниками ЕврАзЭС на принципах Таможенного союза (свободное перемещение товаров и единые принципы технического регулирования), а также нормах Единого экономического пространства трех государств (свободное перемещение труда и капитала).

«Именно на этой основе в дальнейшем должен быть подготовлен договор о Евразийском экономическом союзе — всеобъемлющий комплексный документ, охватывающий все направления нашего сотрудничества», — пояснил российский премьер, особо выделив те «сферы, где накоплен большой совместный опыт, например, таможенно-тарифное регулирование, и те, где мы только планируем разворачивать совместную работу, например, миграционную и визовую политику».

Таким образом, понятно, что интеграция в рамках предлагаемых Россией структур несет для европейских стран СНГ перспективу интеграции в широких рамках, охватывающих весь бывший СССР, с соответствующей расстановкой сил и разделом ролей в будущем объединении.

Сергей Зацепилов утверждает, что государства, которые В.В.Путин предлагает рассматривать как первых кандидатов на создание Евразийского союза, имеют примерно общее проблемы. Они сводятся к тому, что в этих государствах необходима демократизация и модернизация их экономики, потому что без проведения того и другого трудно представить себе качественный союз, который может стать одним из интеграционных центров (а именно это предлагает Путин) мировой политики и экономики. Для эффективной и выгодной интеграции нужна демократизация и модернизация экономик¹³.

О ценивая возможности практической реализации интеграционных проектов на постсоветском пространстве, Д.Тренин подчеркива-

ет, что отсутствие устоявшихся ценностей и дефицит конструктивной стратегии обрекают Москву на реактивное поведение в отношений главных треков европейской политики. Российское руководство гораздо лучше знает, чего оно не хочет: расширения НАТО, повторения «цветных революций» и пр., чем то, что оно само хотело бы выстроить.

В результате на таком важном направлении, как отношения с бывшими советскими республиками, важнейшей задачей становится противодействие распространению иностранного - еэсовского и американского – влияния. «Большая игра» привлекает и затягивает, а тем временем собственно российские интеграционные проекты - ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС и Евразийский союз - воспринимаются неоднозначно, а экономическая и политическая эффективность их функционирования остается под вопросом. Тренин считает, что за последнее десятилетие Москве, претендующей на статус великой державы и гаранта региональной безопасности, не удалось решить ни одного замороженного конфликта на ближайшей периферии своих границ. Причина очевидна: нерешенность конфликтов долгое время использовалась как инструмент блокирования расширения НАТО. Тренин считает, что критерием самостоятельности России как интеграционного центра является не столько готовность противостоять и противодействовать, сколько способность сформулировать собственную повестку дня и ее инициативно реализовать⁸.

Подводя итоги интеграционных инициатив России в 2011 г., Ф.А.Лу-кьянов обращает внимание на то,

что, несмотря на неопределенность некоторых деталей, создание зоны свободной торговли в рамках СНГ – это первый раз за очень долгое время, когда Организация порождает какую-то содержательную новость. Согласно исследователю, в нынешний момент Россия несколько меняет свое отношение к принципам интеграции на постсоветском пространстве. Россия начала понимать, что, для того чтобы стать реальным интеграционным центром, необходимо идти на уступки в отношении

менее сильных партнеров по примеру лидеров Европейского союза, и особенно Германии. «Если только пытаться интегрировать, основываясь на своих интересах, ничего не получится. А в общем, до сих пор так и было. И зона свободной торговли, которая в идеале открывает российский рынок для конкуренции и той же самой украинской продукции, — это уступка. И уступка с расчетом на дальнейшую выгоду. И политически это, пожалуй, даже важнее, чем экономически» 14.

Очевидно, что попытки осуществить те или иные интеграционные проекты на постсоветском пространстве будут продолжаться. Сегодня многие из существующих интеграционных структур, находящихся в зачаточном состоянии, используются в качестве полезного форума для обсуждения ряда проблем. Но они не смогут претендовать на нечто большее до тех пор, пока государства-члены не доведут до конца внутренние экономические реформы и не откажутся от осуществления этих реформ по схемам, основанным на «национальной специфике» 15.

На всю видимую перспективу в Европе останутся два альтернативных пути интеграционной самоидентичности: Россия и Европейский союз. И наряду с ними будут государства, тяготеющие либо к одному, либо к другому из этих двух основных европейских «центров притяжения»¹. Для сохранения общеевропейской стабильности и обеспечения экономического развития в условиях глобальной взаимозависимости необходимо тесное и прагматичное сотрудничество двух центров силы для гармоничного включения срединных стран в общеевропейские процессы.

Создание интеграционных объединений в современной Европе возможно лишь на фундаменте позитивной программы сотрудничества. Отрицание сложившейся взаимозависимости и попытка создания политических структур вопреки логике развития системы международных отношений и естественным стремлениям людей не могут быть эффективными в экономическом и гуманитарном плане. Попытки идеологически мотивированной смены идентичности вопреки объективным фактам приносят контрпродуктивные результаты и чреваты ростом конфликтности отношений не только на международном уровне, но также внутри данных государств.

Примечания

¹ Шмелев Н.П. Россия в процессах интеграции и глобализации // Европейская интеграция / под ред. О.В.Буториной М.: Деловая литература, 2011. С. 691, 692, 699.

- ² *Буторина О.В.* Региональная интеграция: основные понятия // Европейская интеграция под ред. О.В.Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 13.
- ³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. // URL: http://www.mid.ru
- ⁴ Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений (1945–2008 гг.). М.: МГИМО Университет, 2009. С. 392, 424.
- ⁵ Уолландер С.А., Легволд Р. Экономика и безопасность на постсоветском пространстве // Мечи и орала: Экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда и А.Селесты. Американская академия гуманитарных и точных наук. Интердиалект+ 2004. С. 17–18.
- 6 Копійка В.В. Розширення Європейського Союзу та Україна. Київ: Логос, 2008. С. 300.
- 7 Рогозин Д.О. Ястребы мира: Дневник русского посла. М.: Альпина нон фикшн, 2010. С. 407.
- ⁸ Тренин Д.В. Одиночное плавание. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 11.
- ⁹ *Мальгин А.В.* Политика ЕС в отношении европейских стран СНГ // Европейский союз и европейские страны СНГ. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. С. 53, 54.
- 10 Хауккала X. Завтра уже наступило // Россия в глобальной политике, 2007. 27 октября // URL: http://www.globalaffairs.ru
- ¹¹ Жильцов С.С. Геополитическая изоляция Украины. Киев остался на периферии геополитических проектов // НГ. 2012. 18 янв.
- 12 Цит. по: Парфентьева И. Подписано соглашение о свободной торговле // Коммерсантъ-Online. 2011. 19 окт.
- 13 Идея сама по себе благородная // Коммерсантъ FM. 2011. 4 окт.
- ¹⁴ Зона свободной торговли это уступка с расчетом на дальнейшую выгоду // Коммерсантъ FM. 2011. 19 окт.
- ¹⁵ Egorov G.N. Economic Transformation, Industrial Potential and the Current Status of the CIS Countries: The Role of Science and High-technology. W.: UNIDO, 2000. P. 30.

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории

Крестьянство в социальных системах

Андрей Фурсов

В ноябре 2010 г. журнал «Власть» и Институт социологии РАН провели Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» $^{\rm 1}$.

Как отметили организаторы стола П.П.Марченя и С.Ю.Разин, крестьянский вопрос в России затрагивает не только собственно крестьянскую сферу, но это всегда вопрос о власти, об органическом единстве власти и народа² (или отсутствии такого единства, добавлю я), а следовательно, это вопрос вопросов русской истории³.

Трудно сказать, вопрос ли это вопросов **всей** русской истории, но несомненно, что до конца 20-х годов крестьянский вопрос **вместе с аграрным** был одним из важнейших. Неспособность решить именно этот вопрос привела, помимо прочего, самодержавие к краху. А неадекватные попытки решения (столыпинские реформы) этот крах ускорили.

А вот СССР рухнул (точнее был разрушен/демонтирован блоком внутренних и внешних сил) из-за неспособности советского общества, системного

ФУРСОВ Андрей Ильич – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). E-mail: rusint@bk.ru

Ключевые слова: крестьянство, социальная теория, социальная система, крестьяноведение. *Gemeinwesen*, община.

антикапитализма решить совсем иные, на порядок более сложные вопросы, а потому для русской истории второй половины XX в. аграрно-крестьянский вопрос не есть вопрос вопросов.

В дискуссии был поднят ряд важных вопросов: о крестьяноведении, о том, что такое крестьянин и крестьянство, как оно вписано в социальную систему, о специфике крестьянства в России, о столыпинской реформе и коллективизации. Получившая продолжение⁴ дискуссия представляет интерес и, так сказать, в идеологическом плане: одно из выступлений со всей ясностью продемонстрировало, как идеологическая позиция (только теперь не коммунистическая, а либеральная в ее постсоветской версии) влияет на научный анализ, по сути, разрушая его так же, как это делала критикуемая либеральной публикой коммунистическая идеология. Иными словами, дискуссия подталкивает к размышлению о многих важных проблемах крестьянства и его изучения, прежде всего социально-философских.

Крестьяноведение: функции и истоки

о мнению участника дискуссии Н.В.Асонова, крестьяноведение с самого начала служило конкретным политическим целям Запада, направленным на утверждение либерально-демократических ценностей, на слом глобализмом религиознокультурной жизни деревни⁵.

Этот тезис, верный в самом общем плане, нуждается в уточнении. Действительно, крестьяноведение как исследовательский комплекс возникло в качестве когнитивного средства, по крайней мере, косвенно обеспечивающего решение целого ряда задач в интересах господствующих групп Запада. В этом плане крестьяноведение можно рассматривать как типичный пример «властизнания» (М.Фуко), конструкции, призванной обосновать социальное господство одних групп над другими аналогичным образом, например, ориентализм призван был «ориентализировать» (Э.Саид) Восток, т.е. рационализировать господство над ним Запада.

В то же время крестьяноведение возникло за несколько десятилетий

до глобализации как реакция на совсем иные проблемы. Более того, переживавшие бум в 60-е – 80-е годы. «крестьянские штудии» (peasant studies) именно по мере развертывания глобализации стали оттесняться на второй план социальных исследований. На самом деле взлет крестьяноведения в те годы был обусловлен целым рядом факторов как связанных с крестьянством, так и выходящим далеко за пределы социальной практики этого слоя и теоретической рефлексии по его поводу.

Усилившееся во время Второй мировой войны и особенно после ее окончания национально-освободительное движение привело к смещению интереса исследователей от доклассовых, племенных обществ к более сложным так называемым традиционным, крестьянским:

- *во-первых*, анализ последних в меньшей степени ассоциировался с «прикладным колониализмом»;
- во-вторых, крестьянство все больше выступало в качестве субъекта или как минимум фактора социально-политических процессов в

странах Азии, Африки и Латинской Америки, а этнология и культурная антропология, традиционно ориентированные на изучение охотничьесобирательских, примитивных обществ не смогли не только предсказать подъем национально-освободительной борьбы, но и объяснить его:

- в-третьих, к середине XX в. исчезновение «примитивных обществ», как заметил Б.Бердичевски, заставило антропологов обратиться к более сложным социальным структурам и придумать некое «крестьянское общество», чтобы не остаться без объекта исследования или же обрести новый, не менее экзотический, чем каннибалы, объект изучения вместо утраченного⁶.

Если принять полушутливый тон Бердичевски, то получается, что, после того как «охотников за головами» убедили хотя бы частично отказаться от их занятия, а австралийским аборигенам доказали, что винчестер надежнее бумеранга, их изучение утратило интерес и на смену в качестве объекта изучения выдвинулся крестьянин.

Наконец, последнее по счету, но не по значению. В 50-х – 60-х годах в западной социологии широкое распространение получили теории модернизации. Они предполагали анализ аграрных структур и проблем крестьянства, но в специфической, скорее негативной форме: поскольку в грядущем «модернизированном» мире, согласно основным идеям его «архитекторов», крестьянам не могло быть места, они должны были исчезнуть – либо превратиться в фермеров, либо стать городскими или сельскими пролетариями. При таком

подходе специфически крестьянские ценности, культура, психология интерпретировались как сугубо негативный фактор на пути развития, отождествлявшегося с «модернизацией» - «вестернизацией», как препятствие, которое необходимо преодолеть, уничтожить. Оформился даже целый подход в социальных исследованиях афроазиатской деревни, отталкивающийся от тезиса «крестьянская (традиционная) культура как источник отсталости и препятствие развитию», представители которого писали об иррациональном, мистическом характере поведения крестьянина.

В это же время «крестьянские» неевропейские общества было легче теоретически «привязать» к развитию капитализма, типологически приравняв их к феодализму и трактуя их развитие в эволюционистском духе как стадию, аналогичную феодализму в Западной Европе, логически предшествующую капитализму и автоматически долженствующую прийти к нему в процессе применения западных экономических и политических моделей развития – в процессе «модернизации».

Все это вызвало усиление интереса к крестьянству в «славное тридцатилетие» (Ж.Фурастье) 1945–1975 гг.

С середины 70-х годов «крестьянские штудии» просто переживают бум, который продлился почти полтора десятилетия. В 1975 г. начинается издание cpasy двух крестьяноведческих журналов — Peasant studies (Солт-Лейк-Сити) и Journal of peasant studies (Лондон), в которых, по сравнению с выходящим с 1936 г. журналом Rural sociology (Мэдисон) акцент был смещен с аграрного на крестьянский вопрос.

В 1976 г. выходит веховая работа Дж.Скотта «Моральная экономика крестьянина», вызвавшая бурную дискуссию, которая продолжалась несколько лет, а затем последовал просто шквал работ и дискуссий по крестьянству. Это было обусловлено как аграрно-крестьянской проблематикой, так и проблемами, выходившими за ее рамки.

Во-первых, стало ясно, что вопреки прогнозам крестьянство даже Франции, Италии и Японии, не говоря уже о таковом на периферии капиталистической системы, обладает значительно большим потенциалом выживания и сопротивления фермерскому и крупному капиталистическому хозяйству. Более того, в таких странах, как Япония и Италия, несмотря на уменьшение численности крестьянства, оно продолжало играть заметную политическую роль, став одной из баз правых и правоцентристских партий.

Во-вторых, проблемы экологии, демографии, развития аграрного сектора самого по себе, «зеленая революция» – все это в 70-е годы усилило интерес исследователей к крестьянству.

И, наконец, в-третьих, чисто практическая проблема, вставшая прежде всего перед американскими учеными: после поражения США во Вьетнаме (1975 г.) они должны были ответить на вопрос, почему вьетнамские крестьяне в массе своей поддержали коммунистов⁷.

Наложение всех этих факторов привело к тому, что уже в начале 70-х годов «крестьянские штудии» стали развивающейся «отраслью» науки, а во второй половине, как уже говорилось, произошел скачок.

Т.Шанин писал, что крестьянство было как бы открыто заново после

многих лет «пребывания во мраке», «крестьянская проблема» вернулась с шумом как главный вопрос войны и мира в виде поля боя во Вьетнаме и голода в Индии и нашла отражение в политике «сверхдержав», волнениях в кампусах и гетто «цивилизованного мира»⁸.

К сожалению, в СССР в тот период, за довольно редкими исключениями, собственно крестьянская тематика находилась на втором плане, будучи как бы ответвлением изучения аграрного вопроса. В то же время и на Западе крестьяноведческий бум на рубеже 80-х – 90-х годов начал стихать, в том числе и по следующей причине: крестьяноведение как исследовательский комплекс столкнулось с такими теоретико-методологическими проблемами, которые не могли быть решены внутри изучения самого крестьянства. В частности, это проявилось в спорах об определении «крестьянина».

Этот вопрос, кстати, был затронут в обозреваемой дискуссии хоть косвенно и по касательной, однако и это лучше, чем ничего.

Ю.А.Васильев, отмечая, что крестьянство на политику военного коммунизма ответило войной, пишет: «Сопротивление крестьянства политике власти не позволило уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового»³.

Прежде чем перейти к проблеме определения понятия «крестьянин», приведу мнение В.Л.Телицына о том, что, хотя военный коммунизм вызвал ожесточенное крестьянское сопротивление, он спас режим, худо-бедно обеспечив подконтрольные ему города продовольствием³.

Я добавлю: военный коммунизм во многом спровоцировал Гражданскую войну.

«Наша партия за гражданскую войну, – писал Л.Троцкий в июле 1918 г. – Гражданская война уперлась в хлеб. Да здравствует Гражданская война!»

Гражданская война, как это ни странно, упрочила режим, заставила большевиков сплотиться перед лицом врага, что подчеркивал Троцкий.

Кто такой крестьянин?

а первый взгляд ответ на этот вопрос достаточно прост. На самом деле это не так: крестьянин – весьма сложный, нетождественный самому себе социальный тип, своеобразный пазл.

Ю.А.Васильев верно увязывает крестьянственность с собственностью. В этом же направлении рассуждает и Асонов, различающий крестьянство в широком и узком смысле: в широком – это большая социальная группа сельхозпроизводителей, в узком – только общинники³.

С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Поскольку в число сельхозпроизводителей входят арендаторы и батраки, не имеющие земельной собственности и далеко не всегда включенные в традиционную социальную (общинную) организацию. На самом деле крестьянином является именно тот, кого Асонов определил в качестве крестьянина в узком смысле слова.

Увеличение численности арендаторов и батраков было следствием процессов «модернизации» в России, точнее, ее темных сторон, которых было больше, чем светлых. Спорным, однако, остается вопрос, превратилась ли Россия в начале XX в. в посткрестьянское общество?

В.В.Бабашкин дает утвердительный ответ на этот вопрос. Он говорит

о том, что традиционное (или крестьянское, аграрное) общество втягивалось в процесс модернизации, а потому постепенно переставало быть крестьянским, причем происходило это не так постепенно, как в странах западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать указанный процесс идеология этого общества³.

В этом тезисе есть с чем поспорить: само по себе втягивание в модернизацию не означает превращения крестьянского общества в посткрестьянское. Все зависит от того, ломает ли модернизация общину и общинную собственность или нет.

Так, в Ирландии в XVIII в., а в Италии и Северной Мексике уже к концу XIX в., если не к его середине, действительно возникло посткрестьянское общество, т.е. такое, в котором основная масса аграрного населения – работники, не являющиеся собственниками и не имеющие своей организации, что делает их легкой добычей латифундистов и бандитов*.

И хотя в русской пореформенной деревне имелось немало признаков разложения (достаточно почитать «физиологические очерки» Г.Успенского, статьи народников о «кабацкой цивилизации», «Деревню» Бунина), сельский социум в России был

^{*} Эти явления хорошо описаны в латиноамериканской художественной литературе – в романах Х.Рульфо (особенно «Педро Парамо»), М.Астуриаса и др.

общинным, а следовательно, крестьянским – до конца 20-х годов (да и позднее), сохранял многие крестьянские черты: «антикапиталистическая модернизация» по своей сути была более щадящей по отношению к крестьянственности.

Значительно больше образ посткрестьянского общества подходит не пореформенной, а постсоветской России, где, как пишет А.В.Третьяков, «крестьянство уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику»⁹. При этом в постсоветской России рушатся те институты, которые хоть как-то поддерживали сельское население вообще и то, что осталось от «колхозного крестьянства» в частности. Например, сельскую школу, которую усиленно рушат реформаторы от образования.

«Сельская школа, – подчеркивает М.М.Фрянцев, – тот последний рубеж, сдав который, государство окончательно распишется в том, что обрекло российское крестьянство на гибель»³.

Я добавлю: именно к этому подталкивают власть иные эксперты. Например, И.В.Абанкина (Институт развития образования ГУ-ВШЭ) в работе «Культура безлюдья» утверждает, что необходимо слить «затратные» сельские школы и библиотеки в «интегрированные социальные учреждения» в крупных населенных пунктах. Я называю это ликвидацией образования, а если к школам добавить медицинские учреждения, то и жизни. Название книги Абанкиной будет оправданно – безлюдье.

Иными словами, сегодня доделывается то, что реально начал делать «либерал» Н.С.Хрущев в 1949 – марте 1951 г. (да-да, именно Хрущев, а не

Сталин - достаточно почитать как партийные документы, так и, например, романы Ф.Абрамова), укрупняя колхозы, ликвидируя самостоятельность звеньев (т.е. семейной организации хозяйства) - по сути громя русскую деревню. От «окончательного решения» русскую деревню тогда спас Сталин, отстранив Хрущева от проведения аграрной политики как раз в тот момент, когда тот собирался реализовывать программу агрогородов. Но если в 1951 г. либералотроцкиста Хрущева было кому одернуть, то в 1959 г. он развернулся в полную силу: дальнейшее укрупнение колхозов (45 тыс. в 1960 г. против 83 тыс. в 1955 г.), сокращение площади приусадебных участков до одной сотки и т.п.; результат не заставил себя ждать: темп роста сельского хозяйства в 1959-1964 гг. составил 1.5%: в 1953-1958 гг. он был 7.6%.

Так проходит логическая «либеральная» линия от Хрущева к «либеральным реформаторам» чубайсовско-гайдаровского разлива, лгавшим в конце 1991 г., что страна на грани голода, чтобы иметь предлог для грабительской либерализации цен.

Наперсточники от власти утверждали, что до нового урожая (конец июля) стране не хватает 26 млн т зерна. Эта цифра была получена сложением потребности в хлебе с кормовым зерном, на питание требовалось в два раза меньше.

Кроме того, в декабре 1991 — январе 1992 г. по импорту должно было поступить еще 2—3 млн т и еще 2—3 млн можно было прикупить у колхозов. 26 млн т — это годовая, а не полугодовая норма потребления страны (в 1992 г. статистическое управление подтвердит: за год было потреблено 26 млн т)¹⁰.

Однако Е.Гайдар, не слушал специалистов, ему нужно было опрокинуть цены, чтобы, лишив население денежных средств, заблокировать его возможность участвовать в приватизации. Для этого и понадобилась ложь.

На самом деле в конце 80-х годов СССР добился огромных результатов в развитии сельского хозяйства. В 1991 г. в колхозах и совхозах в хранилища засыпали небывалое количество зерна, однако правительство Ельцина –Гайдара предпочитало не замечать этого, кричало о голоде и закупало зерно втридорога у американских фермеров. А наше зерно гнило под лживые завывания о грядущем голоде; потом будут врать о том, что Гайдар спас страну от голода и гражданской войны.

Эта ложь Гайдара была акцией прикрытия базовой операции – разграбления страны и уничтожения советской деревни.

То, что бывший троцкист-«либерал» Хрущев делал главным образом по недомыслию, неотроцкисты-«либералы» 90-х годов делали совершенно сознательно.

Вернемся, однако, к проблеме определения крестьянина.

Повторю: вопрос этот значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку крестьянство крестьянству рознь. К тому же оно вписано в принципиально разные формы социальной организации.

В дискуссии этот вопрос затронул В.Э.Багдасарян. Он подошел к проблеме под следующим углом: идентичные ли институты скрываются за маркером «крестьянская община»³? Сопоставив русский «мир», западноевропейский *civic* и китайскую «цзя»,

Багдасарян пришел к выводу: ни по одному параметру из используемых им для сравнения (не будем обсуждать критерии сравнения, которые выбрал участник дискуссии, примем их как данность, хотя здесь есть вопросы) совпадений не обнаружилось. Налицо три принципиально различных института, которые мы обозначаем одним термином: «община».

На Западе, пишет Багдасарян, община, основанная на индивидуалистической парадигме, легко распалась, а русская община, базирующаяся на коллективистской традиции, при всех попытках роспуска воспроизводилась в новых формах³. При этом, однако, он делает вывод, что русская община не смогла адаптироваться к «модернизации»³.

Я вижу в этом тезисе глубокое логическое противоречие, поскольку на самом деле не смог адаптироваться западноевропейский civic – он распался. Если распад, т.е. социальная смерть, это адаптация, то тезис Багдасаряна верен. Если адаптация это сохранение в новых условиях в новой форме, то русская община, как китайская цзя, как индийские касты, безусловно, адаптировались к модернизации. Я не говорю уже о том, что педалирование разрыва и дисконтинуитета между традицией и модернизацией ошибочно - эта «мода» в серьезной науке прошла еще в 60-е годы.

В свое время в пионерной работе «Современность традиции» супруги С. и Л.Рудолф показали, как адаптируются к современности традиционные формы, которые, не меняя своей сути, субстанции, начинают выполнять новые функции¹¹.

Различие общинных форм (и, добавлю, типов крестьянства) проявля-

ется и в различных типах крестьянских войн в России и на Западе.

Это в своем выступлении зафиксировал С.В.Алексеев, отметивший, что в Англии было только одно крупное крестьянское восстание; во Франции число крупных внутренних конфликтов совпадает с российским при заметной разнице в динамике – во Франции «значение специфического крестьянского фактора уменьшается в XIX в.», и это противоположно российской тенденции³.

Здесь есть замечания:

- во-первых, восстание под руководством Уота Тайлера (1382 г.) не совсем крестьянское: в нем большую роль играли арендаторы, батраки и горожане;
- во-вторых, в последние три-четыре десятилетия в европейской историографии все чаще английское восстание объединяют с восстаниями «белых колпаков» во Франции и чомпи во Флоренции в европейскую народную антифеодальную революцию, надломившую хребет феодализму¹²;
- в-третьих, отличие русской ситуации XVIII–XIX вв. от французской объясняется, помимо прочего, тем, что в России модернизация началась позже, чем во Франции.

Но самое главное заключается в другом: Алексеев не зафиксировал тот факт, что, во-первых, в России вспыхивали не крестьянские, а казацко-крестьянские войны, в которых именно казачество становилось «спусковым крючком» и было ударной силой; во-вторых, крайне незначительную роль играло городское население.

В Западной Европе горожане практически не принимали участия

только в Жакерии (1356 г.), а в восстании «белых колпаков» (Франция), У.Тайлера (Англия), таборитов и крестьянской войне в Германии городской люд играл значительную роль, причем нарастающую по мере хода истории. В России горожане были активны лишь в болотниковском восстании, но не в разинском, булавинском и пугачевском, причем роль горожан, по контрасту с Европой, снижалась по ходу времени.

В любом случае, однако, различия в крестьянском сопротивлении на Западе и в России – дополнительное свидетельство в пользу принципиального различия общин и «крестьянств».

Багдасарян верно отметил наличие разных типов общин, или, как сказал бы Маркс, Gemeinwesen; единственное, к упомянутым участником круглого стола – азиатскому (китайскому), западному (германскому) и русскому типам общины – следует обязательно добавить еще один тип – античный. В результате мы получаем несколько различных типов общины – и автоматически несколько типов крестьянства.

Причем дело здесь не в цивилизационной обусловленности, как пишет Багдасарян, и не в том, что эта последняя в свою очередь определяется природно-климатическими факторами – природа, включенная в социальный процесс, перестает быть географическим фактором, а превращается в природную производительную силу, в натуральный комплекс производительных сил.

Различные типы общины (Gemeinwesen) характеризуются различными вариантами соотношения коллективного и индивидуального тру-

да, а следовательно, коллектива и индивида. А эти соотношения, в свою очередь, определяются соотношением природных и искусственных про-

изводительных сил (факторов производства), разрывом между ними. И чем больше разрыв, тем больше господство коллектива над индивидом.

Типология *Gemeinwesen* – ключ к изучению социальных основ «крестьянских обществ»

олее чем полтора века назад Маркс в знаменитой работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» без привлечения цивилизационной проблематики, совершенно ненужной для объяснения существования различных типов организации земледельцев/крестьян, т.е. без нарушения правила «бритвы Оккама» (entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem), объяснил существование принципиально различных форм общины (Gemeinwesen), не покидая сферу производства. И действительно, формы Gemeinwesen возникают до появления социальноантагонистических систем, тех же рабовладения и феодализма. А ведь именно на основе этих систем, а не на доклассово-племенной основе и возникает цивилизация, которая в качестве объясняющего фактора в данном случае, как сказал бы Лаплас, лишняя гипотеза.

В азиатских формах Gemeinwesen коллективное начало господствует над индивидуальным. Здесь природно-производственные условия, т.е. условия включения сил природы в социальный процесс и превращение их в натуральные производительные силы, позволяют только коллективное создание экономического продукта (каста, клан и т. п.). Именно поэтому здесь вся социальная иерархия – это иерархия коллективов раз-

личного размера (общины, макрообщины, мегаобщины), по отношению к которым индивиды относятся «как акциденция к субстанции»¹². Отсюда только общинная собственность, никакой не только частной собственности (последняя предполагает наличие частных лиц), но даже индивидуально-обособленной. Таковым здесь может быть только владение.

Античная форма Gemeinwesen отражает такое соотношение между природными и искусственными производительными силами, при котором экономический продукт создается уже индивидуально, т.е. субъект труда как активного отношения человека к природе индивидуален. Однако, хотя индивиды в трудовом плане выделились из Gemeinwesen, они должны сохранять ее перед лицом рабов, перед другими Gemeinwesen (полисами). Полисная революция VII-VI вв. до н. э., завершившаяся реформами Солона и тиранией Писистрата и его сыновей, заблокировала возможность внутриобщинного рабства в Афинах. Таким образом, наличие полиса-коллектива свободных индивидов стало необходимым условием индивидуальной эксплуатации раба каждым членом полиса. Фиксацией этого членства, т.е. участия в гражданской общине, было право на долю в общинной земельной собственности (в Риме - ager publicus).

Маркс зафиксировал это следующим образом: «Член общины (в античной форме Gemeinwesen. — Авт.) воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде..., а кооперацией в труде для общих интересов, <...> обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри» 12.

Наконец, германская форма Gemeinwesen наиболее индивидуализированная и представляющая диаметральную противоположность азиатской: если в последней индивиды суть функции целого, мини-целое, то в первой сама община выступает как объединение индивидов. Общинная собственность есть дополнение к индивидуальной, а коллективная собственность на землю осуществляется здесь как собственность не на средство производства (пашня), а только как на условие производства и вспомогательную территорию (луг, лес – достаточно вспомнить причину конфликта между Робин Гудом и шерифом Ноттингемским).

Из определенных форм Gemeinwesen могут вырасти только определенные социально-антагонистические общественные системы (способы производства):

- из азиатской «азиатские»;
- из античной рабовладельческий;
 - из германской феодальный.

Однако сама по себе ни одна форма *Gemeinwesen* не является социально-антагонистической.

Здесь необходимо сделать пояснение. Применительно к докапиталистическим обществам я предпочитаю термин «социально-антагонистический» термину «классовый». В широком, нестрогом, т.е. почти метафорическом смысле, классом именуется любая большая группа людей с общими признаками; говорят о соци-

альных, политических, возрастных и т.п. классах.

В строгом, системно определенном смысле термина о классах, вопреки тому, что писали вульгарные марксисты, можно говорить только применительно к капиталистическому обществу, базовая единица организации которого - индивид; только в капиталистическом обществе социальный индивид и индивид физический совпадают практически полностью. Класс в строгом смысле не может состоять из коллективностей, из коллективных индивидов (каст, кланов, племен, полисов, общин и т.п. Gemeinwesen) - только из индивидов, выделившихся из общины, отделенных от природных средств производства (земля) и свободно распоряжающихся своей рабочей силой. Эта последняя обменивается на овеществленный труд, который, развертывая себя в качестве самовозрастающей стоимости, и конституирует капитал 13 .

Ясно, что общинно-организованное докапиталистическое крестьянство классом в строгом смысле быть не может, в лучшем случае оно класс в широком смысле (далее - в широком значении термин «класс» будет употребляться в кавычках). В то же время в определенные периоды исторического развития в определенных условиях крестьянство может превращаться в класс безо всяких кавычек. Происходит это тогда, когда крестьянство, перестав быть общинным, становится семейно-парцеллярным, однако при этом капиталистический уклад еще не подчинил себе аграрную сферу полностью, не определил ее развитие, т.е. выступает как ведущий, но не доминирующий уклад, нередко развиваясь не столько в промышленной, сколько в финансовой сфере.

Это ситуации Франции и Италии XIX – первой половины XX в., ряда других стран.

Нередко такое классовое положение искусственно поддерживается правящими слоями: в политических целях они тормозят превращение парцеллярного крестьянства в фермеров. Ясно, однако, что такое крестьянство существенно отличается от того, что организовано в Gemeinwesen, поскольку существует в рамках социальной организации иного стадиального типа, да и исторические сроки его существования невелики.

Gemeinwesen суть организации для такого присвоения природы, в ходе которого труд и собственность выступают в единстве - собственность как присвоение продукта труда посредством собственного труда. Докапиталистические общества эксплуататорского типа, а вместе с ними цивилизация возникают при разрыве труда и собственности и низведении тех или иных коллективов и индивидов до уровеня орудий труда, объектов, т.е. общества этого типа выступают как негативно-диалектические, перевернутые формы своих Gemeinwesen. Поэтому цивилизационные различия, о которых пишет Багдасарян, никак не влияют и не могут влиять на тип общины; напротив, это тип Gemeinwesen влияет на тип цивилизации, причем не прямо, а опосредованно: чем больше разрыв между природными и искусственными производительными силами, тем больше цивилизационных

вариантов у одной и той же системы производства.

Так, «азиатский» способ производства представлен дюжиной цивилизаций, а феодальный, основой которого является германская форма Gemeinwesen, – одной; более того, европейская цивилизация имеет два стадиально-системных (марксист сказал бы «укладно-формационных») варианта – инверсия по отношению к «азиатскому» типу.

Помимо естественно развивавшихся общин были и, если так можно выразиться, исторически модифицированные.

Так, в Византии с VI в. позднеантичное государство в своих фискальных целях в течение двух столетий максимально укрепляло общину. И когда оно стало слабеть, а в византийском обществе появляться группы протофеодального (но еще не феодального) типа, эта модифицированная усиленная община стала барьером на их пути, а преодоление барьера растянулось на несколько столетий. В результате, в случае с Византией, мы имеем очень странный, как отмечают историки, «недоделанный феодализм» (на мой же взгляд, в Византии, как и в России, феодализма вообще не было).

В русской истории община тоже неоднократно «модифицировалась» властью, в том числе в XVIII–XIX вв., причем налицо тенденция к ее укреплению, которому в XIX в. рукоплескали и консерваторы, и революционеры. Поэтому то, что мы имеем в начале XX в. в России, это не просто один из типов Gemeinwesen, а историческая конструкция, над которой, как и над типом крестьянственности, немало поработала власть.

Крестьянин – персонификатор трех форм разделения труда

ядесь перед нами опять возникает вопрос определения понятия «крестьянин», вопрос о различных измерениях крестьянственности, система которых и конституирует эту последнюю.

Социально-исторические типы невозможно анализировать вне процессов общественного разделения труда. Крестьянин как социально-исторический тип есть персонификатор сразу трех форм общественного разделения труда: хозяйственного, социопространственного и социально-антагонистического (классового в широком смысле слова). Каждая из этих форм разделения труда накладывается на другую и переплетается с ней, создавая историческую многослойность.

Именно эта многослойность, многомерность, это взаимопереплетение и взаимоперетекание различных форм разделения труда в одном социальном типе и слое делает крестьянина весьма «трудным», «неудобным» для исследователей, особенно вульгарно-марксистского и либерального «разлива», пытающихся втиснуть крестьянина в прокрустово ложе схем, в основе которых лежат внеположенные крестьянину реальность и опыт.

Самый древний слой крестьянственности – земледельческий. Земледелец – вот кто действительно предшествует горожанину*, ибо персонифицирует наиболее древнюю из трех указанных форм разделения труда – хозяйственную, фиксирующую обособление земледелия от иных видов хозяйства в качестве особого типа деятельности. Однако крестьянин не исчерпывается земледельческой функцией: всякий крестьянин – земледелец, но не всякий земледелец – крестьянин.

Второе измерение крестьянственности – бытие крестьянина как такого земледельца, который противостоит городу и лишь в процессе этого противостояния («антигорожанин») он выступает как крестьянин, а село - как «деревня крестьян». Только с возникновением города, с выделением его из недр доклассово-племенного общества, выступающего как такая сфера общественного производства, в которой социальная и духовная сферы не отделились (институционально) от предметной, создается адекватная основа для выделения из племенного общества крестьянства, а точнее - для превращения свободных земледельцев в крестьян.

Со вторым измерением и слоем крестьянственности тесно связан третий. Город – это отнюдь не абстрактное с точки зрения стадиальносистемной («укладно-формационной», как опять же сказал бы марксист) принадлежности явление. Становление города – это и становление социально-антагонистического общества. Исторически возникновение города знаменует переход от племенного («доклассового») обще-

^{*} О.Шпеглер писал, что крестьянин предшествует горожанину и переживет его.

ства к одной из форм социально-антагонистического типа – «азиатской», антично-рабовладельческой или феодальной. Следовательно, и горожанин, и крестьянин, возникая из недр племенного общества, исторически сразу же получают толчок к движению в определенном стадиально-системном направлении и определенную стадиально-системную если не характеристику, то, по крайней мере, перспективу.

Происходит, во-первых, окончательное разделение сферы общественного производства, совпадающего с племенным обществом в целом как производственной ассоциацией (В.В.Крылов), на основные сферы (предметно-хозяйственную и духовно-теоретическую); во-вторых, единого социально-гомогенного трудособственнического присвоения на труд и собственность с антагонизмом последних. Город становится местом (пространственным фокусом) вынесения коллективного продукта общества (со временем – и монополизации его определенными группами, персонифицирующими сферу целеполагания), а потому у различных форм социального действия возникает социопространственное измерение.

Третий, верхний, исторически наиболее «молодой» социальный слой крестьянина связан со сферой социально-антагонистических отношений. Крестьянин (и его антипод горожанин) воспроизводит себя не просто и не только как крестьянин (горожанин), но и как совершенно определенный в социосистемном (системообразующем) отношении тип. Сюда добавляются и воспроизводство крестьянина или горожанина еще и в

качестве члена определенного коллектива, *Gemeinwesen* – общины, касты, цеха, ранга, религиозной группы и т. д.

Именно определенная форма отчуждения воли (личности) и экономического продукта (эксплуатация) и воспроизводит докапиталистического социального индивида в качестве социального и придает ему эту качественно определенную системную (например, феодальную) характеристику¹⁴.

Ясно, что крестьянства, имеющие в качестве своей социальной основы различные типы *Gemeinwesen* и являющиеся элементом различных социальных систем, будут отличаться друг от друга.

Так, крестьянство «азиатских» обществ условно можно назвать «одномерным». В «азиатских» обществах социально-антагонистические отношения складываются между коллективами различного формата, размера и уровня (общины - макрообщины - мегаобщины), отличающимися друг от друга, как правило, профессиональными занятиями. В наиболее чистом виде это представлено кастовой системой в Индии, хотя вполне очевидно, что и на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Иными словами, здесь общественные различия внешне фиксируются как профессиональные, трудовые – четыре базовые группы почти во всех «азиатских» обществах: жрецы, воины, земледельцы и торговцы (рабы – за пределами официальной «сетки»).

Кроме того, поскольку город в строгом смысле этого слова (т.е. как социальное явление, а не как тип «строительной» организации пространства) в доколониальном афро-

азиатском мире не существовал, не выделился в качестве особого социального целого, а представлял собой административно-торгово-ремесленный сегмент некой целостности, то и дихотомия «город - деревня» была размытой - нерасчлененное единство города и деревни - здесь, в отличие от феодальной Европы эпохи после коммунальной революции, городской воздух не делал человека свободным. В результате крестьянин выступал прежде всего как земледелец; два других измерения крестьянственности носили приглушенный характер.

Крестьянство античности - «двухмерное». Здесь свободные люди, члены полиса, гражданской общины, как те, что живут за городскими стенами, так и те, что живут внутри них, противостоят рабам в качестве коллектива, Gemeinwesen, и поэтому в данном качестве не являются классом. Город (полис) включает в себя сельскую местность, община сосредоточена в городе, т.е. даже «крестьянин» противостоит представителям других полисов как горожанин, а рабам, даже не принадлежащим ему, как представитель коллектива свободных.

Иными словами, здесь присутствует уже не только земледельческое, но и городское/антигородское измерение, тогда «классовое» (даже в кавычках) размыто, несформировано, оно выявляется лишь по мере разложения общины, особенно во время связанных с этим процессом гражданских войн*.

Феодальное крестьянство можно вполне назвать «трехмерным».

Во-первых, здесь четкое обособление города от деревни. Именно с феодализма история начинает развиваться как противоречие города и деревни, отсюда невиданная по сравнению с другими докапиталистическими обществами динамика феодализма. По сути, феодализм создал все условия для возникновения капитализма, общества Модерна, пусть и посредством негативно-диалектического отрицания – так всегда бывает в истории (например, историческое отношение христианской и античной культур).

Как заметил У.Эко, «все проблемы современной Европы сформированы в своем нынешнем виде всем опытом Средневековья: демократическое общество, банковская экономика, национальные монархии, самостоятельные города, технологическое обновление, восстание бедных слоев»¹⁵.

Во-вторых, отчуждение воли (личности) и экономического продукта, основанное на германской форме Gemeinwesen, носит индивидуальный характер; это проявляется как в отношениях сеньора и крестьянина, так и в межфеодальных отношениях – «вассал моего вассала – не мой вассал».

В-третьих, по мере исчезновения уже в XIV в. индивидуальной личной зависимости, внеэкономические производственные отношения начинают складываться главным образом по поводу внешнего по отношению к человеку объекта – земли. Если базо-

^{*} Этот период в Риме можно отсчитывать, начиная с Гракхов, по мере обострения аграрного вопроса; вообще нужно сказать, что чем острее аграрный вопрос, тем отчетливее проявляется крестьянственность как социальный тип.

вый принцип раннего Средневековья (середина IX – середина XI в.) – nulle home sans seigneur («нет человека без сеньора»), то принцип «высокого средневековья» (середина XIII – середина XV в.) – nulle terre sans seigneur («нет земли без сеньора»).

Индивидуально-личностные и индивидуально-поземельные отношения в деревне при наличии помимо аграрного феодализма еще и феодализма городского, урбанистического – это та ситуация, когда все три измерения крестьянственности становятся очевидными и функционируют открыто, здесь остается один шаг для превращения крестьянства из «класса» в класс, что и происходит в Западной Европе в Новое время.

Но, быть может, ввиду тесной связи города и отношений отчуждения и эксплуатации вообще не стоит противопоставлять и выделять антигородское и социально-антагонистическое («классовое») измерения крестьянственности? Не лучше ли объединить их?

Думается, последнее было бы ошибкой. Мало того, что в этом случае оказались бы смешанными два принципиально различных типа разделения труда – социопространственного и классового, но была бы затушевана и самостоятельность антигородского измерения, обусловленная следующим.

В отличие от капиталистического общества, существующего в одном стадиальном варианте, социально-антагонистическое докапиталистическое общество существовало в трех исторических вариантах. Следовательно, крестьянин социопространственно противостоял трем различ-

ным социально-историческим типам города, т.е. при исторически различной в каждом случае социосистемной принадлежности в целом типологически сохранялась одна и та же социопространственная форма. Это и делает необходимым выделение антигородского измерения.

При этом антигородское и «классовое» измерения вступают между собой в сложную диалектическую связь. В антигородском (социопространственном) измерении специфическим образом снимается «классовое» (в гегелевском смысле – Aufhebung). В то же время социальноантагонистическая характеристика привязывает крестьянина к городу (даже самим фактом сопротивления ему) и одновременно диалектически снимает антигородское измерение.

Социально-антагонистическое измерение также специфическим образом снимает предметно-хозяйственное (земледелец с точки зрения труда, формы – один и тот же во всех докапиталистических обществах). Таким образом, социально-антагонистическое измерение крестьянственности выступает главным, системообразующим элементом с общесоциальной (социально-экономической) точки зрения. Однако внешне создается впечатление, что главное определяющее для крестьянина как социального типа - это его предметно-вещественные характеристики, труд, отношение к земле, в процессе которых он и воспроизводится как социальное существо. На самом деле в рамках трудовых процессов воспроизводится земледелец; крестьянин - более сложный и многослойный социальный тип, далеко

не исчерпывающийся предметно-хозяйственными характеристиками и не воспроизводимый в их рамках.

У этой невоспроизводимости несколько аспектов, характеризующих ее как с точки зрения общественной практики, так и с точки зрения требований к теоретической концептуализации.

Начать с того, что человек как целостное социальное существо вообще невоспроизводим в рамках процесса труда. В последнем воспроизводятся либо личные, либо вещественные факторы труда; поэтому должна существовать система конкретных видов труда (работ), связанная обменом; Маркс потому и писал, что общественный характер производства дан обменом (формами деятельности и ее продуктами).

Таким образом, человек (в том числе и крестьянин) воспроизводится на уровне совокупного процесса общественного производства в целом (т.е. системы, элементами которой выступают распределение факторов труда, действительный процесс производства, распределение продуктов труда, обмен и потребление).

Что касается отношения «живой труд – земля», то на его уровне и в его рамках концептуализация индивида как конкретного стадиально-системно определенного социального существа в принципе невозможна, ибо это всеобщие факторы труда – факторы, общие для всех способов производства и не имеющие отношение к общественной форме последних. В лучшем случае, в рамках этого отношения можно концептуализировать крестьянина как земледельца, «земледельческий скелет» крестьянственности.

На первый взгляд кажется странным, что крестьянин – житель деревни – как социальное существо воспроизводится в значительной степени за рамками земледельческого труда и деревни; что именно за этими рамками он получает свое завершенное сущностное определение на социально-антагонистическом уровне, т.е. как «классово» определенный индивид. Но историческая практика подтверждает это.

Например, если взять ситуацию, когда представитель господствующего класса находится вне общины (феодализм), то здесь совершенно ясно, что воспроизводство крестьянина как элемента социальной системы (и как целостного социального существа) в значительной степени вынесено за рамки деревни (не говоря уж о комплексе отношений «деревня – город», участии крестьян в торговле и т. д.).

В процессе социального воспроизводства крестьянина различные исторические слои его как типа, различные измерения крестьянственности могут приходить в противоречие. В то же время все вместе они образуют некое единство и развиваются по законам высшего («верхнего») и доминирующего слоя - социально-антагонистического, который и придает этому единству системный и в значительной степени целостный характер. Однако каждая из подсистем-слоев развивается и в соответствии со своими законами и особенностями, имеет собственный, не совпадающий с другими элементами темп изменений (внешне это можно представить в виде трех разноцветных дисков различного диаметра, каждый меньший из которых находится в центре большего и вращается с разной скоростью). Целостность докапиталистических обществ и докапиталистического крестьянства в этом смысле носит незавершенный характер.

Полностью интегрированных, целостных обществ и социальных групп, по-видимому, вообще нет, но также очевидно, что степень внутренней интеграции групп может быть различной. В том плане, в каком здесь идет речь, целостность докапиталистических обществ (за специфическим исключением – «азиатского») и докапиталистического крестьянства представляется меньшей, а с логико-исторической точки зрения менее завершенной по сравнению с капиталистическим обществом и его основными классами. Крестьянство того или иного общества – целостное образование: доминирующий в общественной системе уклад посредством характерной для него формы отчуждения воли (личности) и экономического продукта подчиняет себе жизнь крестьянства.

Однако в докапиталистическом обществе всегда существуют группы, в меньшей степени, чем другие, подчиненные законам господствующего уклада и менее «перемолотые» последним ввиду специфики своего положения (например, йомены в феодальной Англии) или особенностей развития данного уклада, базирующегося – по крайней мере в определенные периоды своего развития – на эксплуатации главным образом некрестьянских групп (антично-рабовладельческое общество).

Бульшая выраженность в той или иной группе крестьянства черт одного из его исторических слоев, различ-

ная выраженность той или иной исторической структуры в различных слоях крестьянства (не говоря уж об особенностях землевладения, имущественных отношений и т. д.) не могут не вызывать трений между этими слоями (подсистемами) в крестьянстве, его отдельных группах и в отдельном крестьянине, не говоря уж о социальном напряжении между различными слоями и группами внутри крестьянства.

Следует особо подчеркнуть, что внутренняя многослойность («полисистемность») – внутренняя черта крестьянства и крестьянина, является не столько фоном его развития, сколько его внутренним содержанием, в определенной степени стержнем, обусловливающим значительную часть тех противоречий, которые фиксировались исследователями в поведении крестьянина. Эта многослойность крестьянина объясняет, почему он в чем-то фигура, подобная горожанину. Генетически крестьянин и деревня возникают вместе с горожанином и городом; функционально же благодаря сохранению земледельческой догородской основы, на которую «наслаиваются» социопространственный и «классовый» пласты крестьянственности, он предшествует ему. В соотношении жизни крестьянина с жизнью «большого», городского общества имеется еще одно противоречие синхронно-диахронного порядка, и это еще более усложняет крестьянина как исторический тип посредством изменения удельного веса, значения и активности каждого из слоев в зависимости от стадиального типа общества и исторических обстоятельств.

В «нормальные» периоды функционирования общественной системы эта «полисистемность» крестьянина (и крестьянства) как социально-исторической группы почти не проявляется, тогда как в период кризисов, восстаний, революций она может стать очевидной, и тогда структурноисторическое разноголосие будет явным.

Очень многое в экономическом, политическом и культурно-религиозном поведении крестьянства объясняется именно несовпадением, несоответствием, конфликтом этих систем.

К сожалению, большинство исследователей не учитывают этот источник различных изменений в «крестьянском обществе», а если учитывают, то неполно, как правило, либо на уровне эмпирической констатации (например, Дж.Скотт), либо на уровне отдельных социальных сфер – культуры, религии (например, «большая традиция» и «малая традиция» Р.Редфилда).

Здесь еще раз надо сказать о «классовой принадлежности крестьянства», об определении «крестьянства как класса». Во многих исследованиях, как западных, так и отечественных, распространена точка зрения на крестьянство как «сквозной» универсальный класс всех докапиталистических обществ, одинако-

вый в «азиатских», античных и феодальных обществах. Думается, такой подход ошибочен. Речь о крестьянстве должна идти прежде всего применительно к данному конкретному обществу (типу общества), в его рамках (например, «феодальное крестьянство»).

Что касается крестьянства вообще как основной массы населения всех исторических типов социальноантагонистических докапиталистических обществ, то сама логика определения термина исключает возможность говорить о крестьянстве как о классе в строгом смысле слова. Крестьянство как «универсальная» социальная группа определяется не по отношению к предметным факторам труда, а по отношению к городу в его качественных социально-исторических характеристиках. Деление «город – деревня» и понятия «город», «деревня» сами по себе логически (но не исторически!) не обладают конкретными социосистемными характеристиками (в отличие, например, от понятия «феодализм»), так же как не несет их в себе профессиональное или пространственное разделение труда. Говорить о крестьянстве вообще, о крестьянстве как «универсальном классе» - значит, смешивать различные формы разделения труда, а следовательно, и различные шкалы социального измерения.

В заключении, скажу: разработка теории крестьянства и крестьяноведения как научно-исследовательской программы (или эпистемологического поля в том смысле, который вкладывал в этот термин Фуко), но не как дисциплины – таковой оно, на мой взгляд, быть не может – предполагает решение следующих задач:

 концептуализация крестьянина как социального типа с точки зрения форм разделения труда;

- анализ проблемы социальной природы крестьянства с точки зрения соотношения в ней социосистемного и хозяйственного (отношения «человек природа», т.е. труд);
 - анализ отношения «человек человек» в процессе производства;
- осмысление проблемы соотношения исторического субъекта и социальной системы, а также основных форм социальности, которые обусловлены ими и их взаимодействием;
- разработка вопроса типологии докапиталистических социальных систем (способов производства);
- анализ специфики положения крестьянства в различных социальных системах, специфики самореализации крестьянства как субъекта в той или иной общественной системе; короче, специфики проявления крестьянственности в исторических системах (прежде всего докапиталистических).

А что же с этой точки зрения можно сказать о русском крестьянстве?

Система русской истории не похожа ни на один из докапиталистических типов, а социосистемная специфика русского докапиталистического общества до сих пор не определена. Цель настоящей статьи не определение исторической специфики русского общества вообще и XVI – начала XX в. в частности*.

Однако необходимо отметить характеристики, указывающие на то, чем русское общество не являлось; для целей настоящей статьи подобного рода «констатации от противного» достаточно.

1. Те, кого в русском обществе можно квалифицировать в качестве эксплуататоров, были функциональными органами центральной власти; последнюю, в свою очередь, нельзя определить как state, т.е. такой орган насилия, который вынесен за рамки производственных отношений. В докапиталистических обществах социальное насилие – отчуждение воли и личности как необходимое условие отчуждения экономического продукта – встроено в производственные отношения, а потому в особом, внеположенным этим отношениям органе нужды нет.

Другое дело, что в периоды ослабления центральной власти «функциональные органы» приобретали свободу в эксплуатации низов, что не меняло, однако, общих принципов социума.

Когда мужеубийца и самозванка на троне Екатерина II, чтобы компенсировать свою очевидную нелегитимность, сделала целый ряд шагов в направлении дворянства, превратив русских крепостных юридически в «белых рабов», в полускотину, и ее правление стало кошмаром для огромного количества людей, это воспринималось как нарушение социальной справедливости.

Отсюда – восстание Пугачева, а начиная с Павла I – курс на юридическое «очеловечивание» положения крепостных и облегчение их участи.

^{*} Авторскую версию ответа на этот вопрос см.: *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. № 1–4. С. 15–114; *Он же.* Феномен русской власти // Научный эксперт. 2008. № 3. С. 10–57.

В любом случае русские крепостные всегда считали свою службу дворянам производной от службы дворян самодержавию, а Указ о вольности дворянской 18 февраля 1762 г. восприняли как обещание освобождения, которое пришло на следующий день с 99-летним запозданием.

- 2. Даже в период «полурабского» состояния крепостных русское общество не было рабовладельческим, поскольку, во-первых, господа выступали как индивиды, а не как коллективный рабовладелец-полис, тогда как крестьяне эксплуатировались не индивидуально, как рабы, а коллективно как общинники.
- 3. Не было русское общество и разновидностью «азиатского». И дело не только в различиях общины, а прежде всего в специфике организации господствующего слоя, который выступал не как мегаобщина или каста, а как совокупность индивидов, причем с XVIII в. индивидов европейского культурно-исторического типа.
- 4. Нефеодальность русского общества есть факт очевидный сразу по нескольким линиям: община, институты, специфика господствующего слоя. Несмотря на все старания либеральных и вульгарно-марксистских историков доказать наличие феодализма в России, эти попытки успехом не увенчались.
- 5. Наконец, не было русское общество и капиталистическим. Строго говоря, оно не стало таким даже в начале XX в. капиталистический уклад не подчинил себе совокупный процесс общественного производства в целом; стоимость земли превышала стоимость акционерного капитала; показательно и то, что не было ни одной буржуазной партии.

Прав был А.С.Пушкин: русская история нуждается в особой формуле. Формула эта не укладывается ни в вульгарно-марксистские, ни в либеральные схемы. И крестьянство в России принципиально иное, чем в трех стадиальных докапиталистических типах. Разумеется, оно – не класс. Но и как слой русское крестьянство принципиально отличается от иных «крестьянств», вступая в качестве общинно-организованного в индивидуальные отношения со своими владельцами-эксплуататорами, которые с 1762 г. получили право не служить. При этом, однако, крестьяне все равно ориентированы не столько на своих господ, сколько на власть.

И если в Западной Европе XVI–XVIII вв. господствующие слои, а затем классы смогли навязать сельскому населению свои ценности в качестве общих, национальных, то русской вестернизированной верхушке этого сделать не удалось – сельский люд продолжал жить своей организацией, своим укладом, своими ценностями, которые он ассоциировал не с господствующим классом (английский мужик уважает барина, а русский мужик – нет, писал Пушкин), а с «трансклассовой» властью, с которой и соотносил себя в реальности и в воображении.

Разрушение этого «соотношения» на рубеже XIX–XX вв. стало одним из факторов революции.

Примечания

 $^{^1}$ Марченя П.П., Разин С.Ю. Крестьянство и власть в России // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 140.

- 2 Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 162.
- ³ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель— Observer. 2011. № 9. С.20.
- ⁴ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 30–44.
- ⁵ Крестьянство и власть в истории России XX века. Сб. науч. статей / под ред. П.П.Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 63–69, 151, 335–346, 66, 77, 383, 80, 81, 32 // URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=2416
- ⁶ Berdichewsky B. Anthropology and the peasant mode of production // Anthropology and social change in rural areas. The Hague etc.: Mouton publishers, 1979. P. 6.
- ⁷ Фурсов А.И. Современный этап изучения крестьянства в немарксистских исследованиях азиатских обществ // Фурсов А.И. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. М., 1986. С. 5–40.
- ⁸ Shanin T. Introduction // Peasants and peasants societies. Harmondsworth, 1971. P. 11.
- ⁹ Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 2-я часть // Власть. 2011. №9. С. 180.
- ¹⁰ Семин А. Тайные олигархи. М., 2008. С. 88-89.
- ¹¹ Rudolf L., Rudolf S. The Modernity of tradition. Political development in India. Chi., 1967.
- ¹² Mollat M., Wolff P. Les revolutions populaire en Europe aux XIV-e et XV-e siиcles. P., 1970, 465, 467.
- ¹³ Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине ХХ в. М., 1995. С. 63.
- ¹⁴ Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 56–112.
- ¹⁵ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 103; Фурсов А.И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. М., 1991. С. 25–38; Он же. Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. М., 1992. Ч. І. С. 48–60.

Межпарламентские институты: критерии и классификация

Анастасия Виноградова

В современных условиях все более очевидной становится возрастающая роль так называемых международных парламентских институтов (МПИ). Налицо все более широкое и постепенно укореняющееся использование принципов, институтов и практик парламентаризма.

Подобные процессы можно охарактеризовать как парламентаризацию политической жизни. Они являют собой неотъемлемый атрибут демократических преобразований не только в рамках государств, но и на меж- и надгосударственном уровнях.

В условиях демократизации мировой политики все большее число международных организаций создают парламентские ассамблеи, а уже существующие трансформируются, обретая новые функции, прерогативы и возможности, связанные с институциональным наследием и практикой парламентаризма.

ольшинство государств, в частности, их законодательные органы, широко представлены в различных международных парламент-

ских структурах. Они активно лоббируют и продвигают государственные интересы на международной арене, а также обеспечивают обратную

ВИНОГРАДОВА Анастасия Александровна – кандидат политических наук, сотрудник (третий секретарь) Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России. *E-mail*: a_vinogradova@inbox.ru

Ключевые слова: межпарламентский институт (МПИ), парламентская ассамблея, международная организация, волны демократизации, парламентаризация.

связь – транслирование и реализацию международной повестки дня в рамках внутренней политики. Данный феномен предоставляет новые возможности и форматы межгосударственного сотрудничества, обладает нестандартным механизмом работы, который при правильном подходе может приносить государствам значительные политические дивиденды.

В дипломатической практике, международном политическом дискурсе, а также в языке международных и политических исследований широко используется выражение международные парламентские институты (international parliamentary institutions). Хотя было бы точнее и корректнее говорить о международных структурах парламентаризма, но сохраним устоявшееся словосочетание.

Куда важнее терминологической четкости адекватное понимание содержания соответствующей категории.

Приходится, однако, признать, что в мировой политической науке не существует универсально принятого, детально разработанного и всеобъемлющего определения, раскрывающего сущность категории МПИ. То же самое относится и к двум ключевым его разновидностям (генотипам) – межпарламентским организациям и парламентским ассамблеям международных организаций.

Учитывая их наиболее общие признаки и критерии, с юридической точки зрения можно определить международный парламентский институт как международную орга-

низацию или особую часть (структуру) международной организации, создаваемую в абсолютном большинстве случаев по меньшей мере двумя государствами-участниками или другими субъектами международного права, имеющую согласованные входящими в ее состав парламентариями цели, компетенцию и свои постоянные органы.

МПИ имеют и другие специфические политико-правовые и организационные институционные нормы, в том числе устав, правила процедуры, членство, порядок принятия решений и т.д. Цели и деятельность любого МПИ должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, прежде всего принципам, закрепленным в Уставе ООН.

К основным признакам межпарламентских институтов можно отнести:

- многостороннюю договорную основу (международно-правовую или межпарламентскую);
- широкий представительный характер; постоянный характер деятельности;
- весьма развитый внутриорганизационный механизм;
- обладание качеством международной правосубъектности.

К настоящему моменту не много исследовательских работ посвящено данной проблематике. Тем не менее среди имеющегося массива литературы можно выделить ряд интересных подходов и классификаций парламентских институтов.

Впервые о существовании такой категории организаций, как МПИ, было заявлено в двух отчетах, опубликованных Ассоциацией генераль-

ных секретарей парламентов в 1980 и 1989 г.*

В первом отчете, составленном **Дж.Пристманом**², главное внимание сосредоточено в основном на взаимодействии национальных парламентов и МПИ, к которым он относит «международные парламентские ассамблеи».

Во втором докладе (автор **Г.Клебс**³) международные парламентские институты покрывают «все категории межпарламентских органов (ассоциации, ассамблеи и интегрированные ассамблеи)»**.

Одна из классификаций международных парламентских институтов приведена в исследовании **3.Сабича**⁴, который рассматривает МПИ сквозь призму истории их возникновения, а также с функциональной точки зрения. Он разделяет МПИ на «международные парламентские органы» (или «органы международных правительственных организаций, состоящие из парламентариев») и «международные парламентские ассоциации» (независимо от того, по какому принципу они формируются и насколько отражается расстанов-

ка сил в национальных парламентах).

Наиболее детальный анализ исследуемого объекта представлен в работах **Р.Катлера**⁵, который понимает межпарламентский институт как:

- форум многостороннего сотрудничества, выполняющий роль либо законодательного, либо консультативного органа;
- структуру, либо входящую в состав международной организации, либо являющуюся таковой;
- структуру, представленную как минимум тремя государствами или трансгосударственными единицами и состоящую из парламентариев, назначенных национальными законодательными органами либо избранными гражданами ее государств-членов.

Р.Катлер прослеживает эволюцию развития межпарламентских институтов как с исторической точки зрения, так и со структурно-функциональной, выделяя при этом четыре разновидности исследуемого объекта: конгресс, ассамблею, парламент и легислатуру. Они являют собой раз-

^{*} Ассоциация генеральных секретарей парламентов (АГСП) была учреждена в рамках Межпарламентского союза (МПС) 16 августа 1939 г. в Осло. Под генеральными секретарями подразумеваются руководители аппаратов парламентов. В настоящее время в Ассоциации состоят около 150 стран и шесть международных парламентских ассамблей. Согласно Уставу АГСП, генеральные секретари представляют информацию о правовой базе, практике, процедуре, методах работы и организации своего парламента для исследований, проводимых Ассоциацией или по запросу кого-либо из ее членов.

Начиная с 1984 г. ассоциацией выпущено порядка 116 докладов по таким вопросам, как формы голосования, парламентские комитеты, привилегии и иммунитеты членов парламента, процедура принятия законодательных актов и финансовое обеспечение членов парламента¹.

^{**} С точки зрения Г.Клебса, сложно выявить различия между ассамблеями и ассоциациями, члены которых могут быть назначены своими национальными парламентами (не обязательно в соответствии с внутренним распределением политических сил). Парламентские ассоциации могут также формироваться по принципу индивидуального членства.

личные стадии институционального развития. Существуют также и три транзитные фазы: инициация (initiation), развитие (takeoff), переход на новую стадию (spillover). В основе классификации МПИ Р.Катлера лежат не только внешние признаки, но и институциональные изменения и динамика их развития, что говорит о комплексности его подхода к изучению предмета.

Попытку классификации МПИ предпринял **С.Ставридис**⁶. Он предложил разделить их на парламентские структуры, призванные осуществлять международную деятельность и отличающиеся по характеру членства, сфере интересов, целям, и парламентские структуры, развивающие определенные измерения в международной деятельности с целью либо осуществления контроля над исполнительной ветвью власти, либо по причине того, что внешнее измерение внутренней политики носит международный характер.

Информативными показались работы еще одного западного исследователя, **Б.Хабеггера**⁷. Сделав акцент на проблематике подотчетности и осуществления парламентскими ассамблеями контроля за деятельностью международных организаций, в состав которых они входят, ученый пришел к выводу о необходимости поддержания устойчивых связей между исполнительным и законодательным крылом в структуре межправительственных организаций.

Интересное сравнительное исследование парламентских ассамблей провел **С.Маршалл**⁸, описавший эволюционный путь их развития от парламентских «собраний» до непосредственного компонента межправи-

тельственных организаций. По итогам исследования ученый предложил следующую классификацию межпарламентских ассамблей:

- ассамблеи, не имеющие автономного статуса и (не)формальных отношений с международной организацией (например, Центрально-Американский парламент) – 26%;
- ассамблеи, формально независимые, но имеющие неформальные взаимоотношения с межправительственной организацией (например, Межпарламентский союз) 32%;
- ассамблеи, являющиеся институциональной частью международной организации. Их существование, как правило, юридически прописано в различных договорах и протоколах (например, ПАСЕ) 42%.

Как видно из ссылок на указанные выше работы, большинство из них были написаны в 2000-е годы, что отражает явно возросший интерес к объекту исследования, обусловленого процессами демократизации и определенной «парламентаризации» как политической, так и общественной жизни на пространстве Евро-Атлантики и других континентах.

Пожалуй, наиболее структурированный подход к классифицированию разновидностей межпарламентских институтов предложен исследователем **К.Кисслинг** в недавно опубликованной ею работе «Правовой и политический статус международных парламентских институтов»⁹. В исследовании выделены такие разновидности МПИ, как межпарламентские неправительственные организации, находящиеся под контролем/влиянием правительств государств-участников [inter-parlia-

mentary government run/inspired NGOs (GRINGOs), делящиеся в свою очередь по географическим* и субстантивным, содержательным критериям**; международные/региональные парламентские организации (international/regional parliamentary organizations)***; международные/региональные парламентские специализированные агентства (international/regional parliamentary specialized agencies)****; парламентские органы международных/региональных (межправительственных) организаций (parliamentary organs of international/regional (governmental) organizations)*****.

а основе изученных материалов по проблематике парламентских институтов международных организаций предлагается обобщающая система критериев для классификации межпарламентских институтов.

1. Географический охват МПИ (это особенно актуально в случаях, когда парламентская структура является автономно действующей; в другом случае ассамблеи, как правило, включают в себя представителей тех же государств, которые входят в состав «материнской» организации);

- 2. Способ формирования МПИ, включающий метод рекрутирования и характер членства (происходит ли формирование парламентских делегаций в ассамблеях на выборной основе либо же они назначаются в национальных парламентах);
- 3. Функциональная нагрузка МПИ. В первую очередь, это касается характера принимаемых решений, что, соответственно, определяет и статус парламентского органа в общей институциональной структуре международной организации. Во-вторых, речь идет о покрываемой ассамблеей проблематике носит ли повестка дня сессий ассамблей глобальный характер или же сосредоточена на узкоспециализированной тематике?

На основе выше изложенного предлагается следующая обобщающая классификация межпарламентских институтов.

1. Международные/региональные парламентские организации (Межпарламентский союз, Арабский межпарламентский союз, Латиноамериканский парламент, МПА АСЕАН, Парламентская ассамблея Средиземноморья и др.).

Их основными чертами являются:

независимость/автономность
 (даже при наличии рабочих контак-

^{*} Примерами служат Парламентская ассоциация Содружества (ПАС), Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, Европейская конференция председателей парламентов.

 $^{^{**}}$ «Парламентарии за всемирное действие», Межпарламентская коалиция по борьбе с антисемитизмом, Парламентский форум по проблематике ЛСО.

^{***} Арабский межпарламентский союз, МПС, Латиноамериканский парламент, МПА ACEAH, Парламентская ассамблея Средиземноморья и др.

^{****} ПА НАТО, ПА ЧЭС, Центрально-Американский парламент, Балтийская ассамблея и др.

^{*****} ПА ГУАМ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, МПА ЕврАзЭС, ПА ОБСЕ, ПА Союзного государства России и Белоруссии, Андский парламент, Европейский парламент, Ассамблея ЗЕС, ПАСЕ, Северный совет и др.

тов с межправительственными организациями);

- обладание международной правосубъектностью;
- высокая институционализированность;
- самостоятельность в вопросах членства и бюджета;
- наличие устава и правил процедуры, разветвленная система органов.

Критерии классификации:

- 1. По методу учреждения:
- на основе межправительственного договора (ЛАП);
- на основе добровольного принятия международной правосубъектности организацией путем законодательного акта/устава (ПА Средиземноморья);
- на основе заключения международного парламентского договора или принятия совместного решения парламентов (Евролат).
- 2. По взаимодействию с межправительственными организациями (МПО):
- полностью автономные (без привязки к какой-либо МПО) (Азиатская ПА);
- имеющие рабочие связи с МПО:
- а) те, которые учреждены межправительственными договорами и, соответственно, признаны государствами-участниками МПО (ЛАП);
- б) те, которые имеют соглашения о сотрудничестве (Арабский МПС);
- в) те, которые имеют статус наблюдателя (МПС);
- г) те, которые являются «ассоциированными членами» (МПА АСЕАН).
- 3. По направленности деятельности (повестка дня):

- исключительно парламентское сотрудничество;
- продвижение межправительственного сотрудничества (МПА АСЕАН).
- 2. Международные парламентские ассоциации – подконтрольные правительствам собрания парламентариев национальных государств (Парламентская ассоциация Содружества, Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, Конференция спикеров парламентов ЕС, Конференция спикеров «Большой восьмерки», «Парламентарии за всемирное действие», ГОПАК, Межпарламентская конференция по борьбе с антисемитизмом и др.).

Основные черты:

- слабая институционализированность;
- инициированные парламентариями форумы, ориентированные на тесное взаимодействие с государственными органами власти;
- учреждение в соответствии с национальным законодательством;
- отсутствие полной международной правосубъектности.

Выделяется и отдельная подкатегория – специализированные парламентские ассоциации («Парламентарии за всемирное действие», ГО-ПАК, Межпарламентская конференция по борьбе с антисемитизмом, Парламентский форум по проблематике ЛСО и др.).

Это образования из парламентариев от различных партий, собравшихся с целью лоббирования инициатив правительств, общества и бизнеса. Как правило, они имеют национальные и региональные представи-

тельства. Имеют и формальную структуру, но их решения не носят обязательного характера, финансируются за счет парламентов, международных правительственных организаций и НПО.

3. Парламентские органы/ассамблеи международных организаций (ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, МПА ЕврАзЭС, Европейский парламент, Северный совет, ПА Союзного государства России и Белоруссии, Андский парламент и др.).

Основные черты:

- являются органами международных, региональных и наднациональных организаций;
- имеют устав, правила процедуры, бюджет, разветвленную структуру;
- их правосубъектность часть общей правосубъектности международной организации;
- подчиненность головной организации;
- членство в соответствии с составом государств-участников международной организации;
- постоянное взаимодействие с другими органами международной организации;
- статус парламентской ассамблеи в международной организации далеко не соответствует статусу национального парламента в государстве.

Критерии классификации:

- 1. По методу учреждения:
- в соответствии с решениями парламентариев государств-участников, деклараций собственно ассамблей и по признанию международной организации;

- заключение международного договора (Андский парламент, МПА СНГ):
- включение раздела в международный договор международной организации (Ассамблея ЗЕС, МПА ЕврАзЭС, Северный совет, ПАСЕ);
 - 2. По типу принятия решения:
- большинством голосов (ПА OBCE).
- на основе консенсуса (в основном азиатские и африканские ассамблеи).
 - 3. По методу финансирования:
- из бюджета международной организации – за счет взносов государств-участников (большинство ассамблей);
- за счет национальных парламентов государств-участников (ПА ОБСЕ).
- 4. По функции законотворчества и контроля:
- полная (Восточно-Африканская законодательная ассамблея Восточно-Африканского содружества);
- частичная (Европарламент, ПА Союзного государства России и Белоруссии, в плане осуществления контрольной функции ПАСЕ, Северный совет);
- отсутствует (большинство ассамблей).

Дополнительные возможности:

- парламентская неприкосновенность (Европарламент, ПАСЕ);
- возможность создания политических групп в рамках ассамблей (Европарламент, ПАСЕ, Северный совет):
- участие в составе миссий по наблюдению за выборами (Европарламент, ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ);

 возможность заключения соглашений о сотрудничестве (ПА Союзного государства России и Белоруссии).

Отдельная подкатегория – парламентские организации при международных организациях (ПА НАТО, ПА ЧЭС, Центрально-Американский парламент, Балтийская ассамблея и др.).

Основные черты:

- схожи с международными парламентскими организациями, но так или иначе входят в состав международных межправительственных организаций;
- обладают частичной международной правосубъектностью;
- имеют определенную автономию и независимость от головных международных организаций;
- имеют устав и правила процедуры, разветвленную структуру, бюджет;
- самостоятельно формируют состав ассамблеи;
- имеют возможность со временем приобретать функции законотворчества и контроля.

Критерии классификации:

- 1. Метод интеграции в институциональную структуру международной организации:
- заключение международного договора об институциональном сотрудничестве с международной организацией, что редко практикуется (Балтийская ассамблея);
- признание международной организацией:
- а) простое решение (Парламентский форум Содружества южноафриканского развития);

- б) упоминание в правительственных резолюциях (Евро-Средиземноморская ПА);
- в) закрепление в уставе (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе).
- наделение специальным статусом (Центрально-Американский парламент, ПА ЧЭС, ПА НАТО);
- включение в международный договор (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе).
 - 2. Метод учреждения:
- международный правительственный договор (ЦАП, Парламент стран Бенилюкса);
- решение/резолюция участвующих парламентов (Парламентский форум Содружества южноафриканского развития) или декларация спикеров парламентов (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе);
- международный парламентский договор (Парламентское сотрудничество в Юго-Восточной Европе).
 - 3. Метод рекрутирования:
- делегирование национальными/региональными парламентами или их группами (в основном);
 - прямые выборы (ЦАП).
 - 4. Статус принимаемых решений:
 - необязательный (в основном);
 - обязательный (COSAP).
- 5. Взаимодействие с международной организацией:
- статус наблюдателя (Парламентский форум Содружества южноафриканского развития);
- специализированный статус (ПА НАТО);
- возможность посещения мероприятий по линии разных институтов международной организации (ПА НАТО, ПА ЧЭС, Парламент стран Бенилюкса);

97

- возможность выступлений на мероприятиях по линии различных институтов международной организации (Балтийская ассамблея, ПА ЧЭС, Парламент стран Бенилюкса);
- отдельные встречи представителей ассамблей и других институтов международной организации (ПА НАТО, Балтийская ассамблея);
- обязательство исполнительных органов международной организации отчитываться по вопросам своей деятельности перед парламентской ассамблеей (Балтийская ассамблея, ПА НАТО, ПА ЧЭС).
 - 6. Метод финансирования:
 - взносы государств-участников;
- взносы парламентов государств-участников;
- дополнительные взносы (международные организации, отдельные страны).

В некоторых ПА (ПА НАТО) делегации сами оплачивают свое участие в ассамблеях.

Обобщающая классификация межпарламентских институтов представлена в табл. 1.

Согласно предложенной классификацией и в зависимости от способов организации, целей, задач и возложенных на МПИ функций можно выделить три основные их разновидности:

международные/региональные парламентские организации;

- международные парламентские ассоциации (отдельная подкатегория – специализированные парламентские ассоциации);
- парламентские органы/ассамблеи международных организаций (отдельная подкатегория – парламентские организации при международных организациях).

о итогам проведенного статистического исследования на сегодняшний день удалось выявить 19 международных парламентских организаций, 54 международные парламентские ассоциации (включая специализированные) и 48 парламентских органов международных организаций (включая парламентские ассамблеи при международных организациях). Общее количество МПИ – 121.

При этом следует отметить, что при всем многообразии имеющихся на сегодняшний день примеров МПИ можно выделить два их основных генотипа – самостоятельные межпарламентские организации (включая международные парламентские ассоциации) и парламентские структуры международных организаций.

В завершение хотелось бы представить обобщающую таблицу, построенную на основе сравнения различных МПИ (табл. 2, 3 и 4):

Сокращения, используемые в тексте и таблицах 1-4

МПИ – межпарламентский институт; МО – международная организация; ПА – парламентская ассамблея; МПА – межпарламентская ассамблея; МП – международное право; ЛАП – Латиноамериканский парламент; МПО – межпарламентская организация; МПС – межпарламентский союз; ГОПАК – глобальная организация парламентариев против коррупции; ПА ЧЭС – Парламентская Ассамблея Черноморского Экономического Сотрудничества; ЦАП – Центральноамериканский парламент; ПА ГУАМ – Парламентская ассамблея ГУАМ (Организации а демократию и экономическое развитие, в состав которой входят Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия; COSAP – Conference of the Parliamentary Committees on European Integration / Affairs of the States participating in the Stabilization and Association Process in South East Europe.

Таблица 1

			таолица 1
Разновидности МПИ	Примеры	Основные черты	Критерии классификаци
Международные/ региональные пар- ламентские орга- низации	МПС, Арабский МПС, Латиноамериканский парламент, МПА АСЕАН и др.	автономность, обладание международной правосубъектностью высокая институционализированность, самостоятельность в вопросах членства и бюджета, наличие устава и правил процедуры, разветвленная система органов.	метод учреждения, взаимодействие с межпра- вительственными организа- циями, направления деятельности (повестка дня).
Международные парламентские ассоциации (подконтрольные правительствам собрания парламентариев национальных государств)	Парламентская ассоциация Содружества, Конференция спикеров парламентов ЕС, Конференция спикеров <i>GS</i> , «Парламентарии за всемирное действие», ГОПА и др.	слабая институционализированность; инициированные парламентариями форумы, ориентированные на тесное взаимодействие с государственными органами власти; учреждение в соответствии с национальным законодательством; отсутствие полной международной правосубъектности	выделяется отдельная подкате- гория – специализированные парламентские ассоциации (Межпарламентская конферен- ция по борьбе с антисемитизмом, Парламентский форум по проб- лематике ЛСО и др.).
Парламентские органы/ ассамблеи международных организаций	ПАСЕ, ПА, ОБСЕ, МПА, СНГ, ПА, ОД Б, МПА, ЕврАзЭС, Европейский парламент (ЕП), Северный совет, ПА Союзного государства Росии и Белоруссии, Андский парламент и др.	ности являются органами международных, региональных и наднациональных организаций: имеют устав, правила процедуры, бюджет, разветвленную структуру; их правосубъектности МО; подчинены головной организации; имеют членство в соответствии с составом государств-членов МО; постоянно взаимодействуют с другими органами МО; имеют статус парламентской ассамблеи в МО, который далеко не соответствует статусу национального парламента в государстве	метод учреждения; тип принятия решения; метод финансирования; функция законотворчества и контроля Дополнительные возможности: — парламентская неприкосновенность (ЕП, ПАСЕ) — возможность создания политических групп в рамках ассамблей (ЕП, ПАСЕ, СС); — участие в составе миссий по наблюдению за выборами (ЕП, ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ); — возможность заключения соглашений о сотрудничестве (ПА Союзного государства России и Белоруссии).
Отдельная подкатегория – парламентские организации при международных организациях	ПА НАТО, ПА, ЧЭС, Центрально-Американский парламент, Балтийская ассамблея и др.	Схожи с международными парламентскими организациями, но так или иначе входят в состав МПО; обладают частичной международной правосубъектностью; имеют определенную автономию от головных МО; имеют устав и правила процедуры, разветвленную структуру, бюджет; самостоятельно формируют состав ассамблеи; имеют возможность со временем приобретать функции законотворчества и контроля	метод интеграции в институцио- нальную структуру МО; метод учреждения; метод рекрутирования; статус принимаемых решений; взаимодействие с МО; метод финансирования

Трансконтинентальные МПИ

Критерии	МПС	Парламентская Ассоциация Содружества	ПА НАТО	ПА ОБСЕ	ГА ООН
Правовой статус: – на основе международного права, – вне рамок МП (национальное право)	1	2	2	2	1
Статус наблюдателя (внешние связи)	+	+	+	+	+
Количество представленных государств (членство)	152	66	28	56	192
Наличие разветвленной структуры	+	+	+	+	+
Географическая сфера деятельности: – трансконтинентальная, – региональная, – субрегиональная	1	1	1	1	1
Характер принимаемых решений (кроме ЕП, Парл. собрания союза России и Беларуссии и МПА ЕврАзЭС – рекомендательный)					необязатель- ный
Характер институционализации: – интегрированные ПА, – отдельные ПА	2	2	1	1	1
Характер формирования депутатского корпуса: – прямые выборы, делегирование национальными парламентами	2	2	2	2	2
Норма представительства: – равенство, – пропорциональность численности насе-ления	2	2	2	2	1

Критерии	МПС	Парламентская Ассоциация Содружества	ПА НАТО	ПА ОБСЕ	ГА ООН
Характер формирования депутатского корпуса: – прямые выборы, делегирование национальными парламентами	2	2	2	2	2
Норма представительства: – равенство, – пропорциональность численности на- селения	2	2	2	2	1
Характер доступа государств в члены организации: – открытый, – ограниченный, – ПА как часть МПО (те же члены)	1	2	3	3	3
Характер представительства политических сил: – учет национальной расстановки политических сил, – без учета, – индивидуальное членство	1	2	1	1	1
Предмет деятельности: - организации общей компетенции, - специализированные, - исключительно парламентское развитие	1	3	1	1	1

Региональные МПИ

Критерии	Европар- ламент	ПАСЕ	Латино- американ- ский парла- мент	МПА АСЕАН	Араб- сий МПС	Афри- канский парламент- ский союз	МПА ЕврАзЭС
Правовой статус: – на основе МП, – вне рамок МП (национальное право)	1	1	1	2	1	1	1
Статус наблюдателя (внешние связи)	+	+	_	_	+	+	-
Количество представленных государств (членство)	27	47	21	10	22	40	6
Наличие разветвленной структуры	+	+	+	+	+	+	+
Характер принимаемых решений кроме ЕП, Парл. собрания союза России и Беларуси и МПА ЕврАзЭС – рекомендательный)							
Характер институционализации: – интегрированные ПА, – отдельные ПА	1	1	2	1	2	2	1
Характер формирования депутатского корпуса: – прямые выборы, – делегирование национальными парламентами	1	2	2	2	2	2	

Критерии	Европар- ламент	ПАСЕ	Латино- америка- нский парла- мент	МПА АСЕАН	Арабс- кий МПС	Африкан- ский пар- ламент- ский союз	МПА ЕврАзЭС
Норма представительства: – равенство, – пропорциональность численности населения	2	2	1	1	2	1	2
Характер доступа государств в члены организации: – открытый, – ограниченный, – ПА как часть МПО (те же члены)	3	3	2	3	2	2	3
Характер представительства политических сил: – учет национальной расстановки полит. сил, – без учета, – индивидуальное членство	1	1	1	2	3	2	1
Предмет деятельности:	1	1	2	2	3	1	3

Субрегиональные МПИ

Критерии	Балтийская Ассамблея	МПА СНГ	ПА ЧЭС	Парламентское собрание Союза России и Беларуси	Северный Совет
Правовой статус: - на основе МП, - вне рамок МП (национальное право)	2	1	2(1)	1	1
Статус наблюдателя (внешние связи)	_	_	_	_	+
оличество представленных государств (членство)	3	10	12	2	5
Наличие разветвленной структуры	+	+	+	_	+
Характер принимаемых решений (кроме ЕП, Парл. собрания союза России и Беларуси и МПА ЕврАзЭС – рекомендательный)					
Характер институционализации: - интегрированные ПА, - отдельные ПА	1	1	1	1	2
Характер формирования депутатского корпуса: – прямые выборы, – делегирование национальными парламентами	2	2	2	2	2
Норма представительства: – равенство, – пропорциональность численности населения	1	1	2	1	2

Продолжение таблицы 4

Критерии	Балтийская Ассамблея	МПА СНГ	ПА ЧЭС	Парламентское собрание Союза России и Беларуси	Северный Совет
Характер доступа государств в члены организации: – открытый, – ограниченный, – ПА как часть МПО (те же члены)	2	3	3	2	2
Характер представительства политических сил: – учет национальной расстановки политических сил, – без учета, – индивидуальное членство.	2	2	2	2	1
Предмет деятельности: – организации общей компетенции, – специализированные, – исключительно парламентское развитие.	2	1	1	1	1

Примечания

- ¹ Свинарев В. Приятно, что коллегам интересен опыт работы российского парламента / / Парламент. газета. 2009. З нояб.
- ² Priestman J. D. Relations between National Parliaments and International Parliamentary Assemblies // Constitutional and Parliamentary Information ASGP. Geneva. 3rd Series. № 124/4th Quarter 1980.
- ³ Klebes H. The Development of International Parliamentary Institutions // Constitutional and Parliamentary Information ASGP. Geneva. 1st Series. № 159/1st half-year 1990.
- ⁴ Sabic Z. Building democratic and responsible global governance: the role of international parliamentary institutions // Parliamentary Affairs. 2008. Vol. 61, № 2. P. 255–271.
- ⁵ Cutler R. The Emergence of International Parliamentary Institutions: New Networks of Influence in World Society // URL: http://www.robertcutler.org/download/html/ch01gs.html; Cutler R. The OSCE's Parliamentary Diplomacy in Central Asia and the South Caucasus in Comparative Perspective: paper presented to the Plenary Session on the OSCE in Central Asia and the Caucasus. International Conference Multilateral Organisations in the Caucasus and Central Asia. Norwegian Institute of International Affairs, Oslo, 10-11 June, 2004 // URL: http://www.robertcutler.org/download/html/CutlerRM.academic-cv.html
- 6 Stavridis S. Parliamentary diplomacy: any lessons for regional parliaments? // URL: http://www.agora-parl.org/node/1288
- ⁷ *Habegger B.* Democratic control of the OSCE: the role of the Parliamentary Assembly // Helsinki Monitor. 2006. № 2. P. 133–143.
- ⁸ Marschall S. European parliaments in transnational organizations: parliamentary cooperation beyond the European Union: paper prepared for the Conference «Fifty Years of the Interparliamentary Cooperation», 13 June 2007. Bundesrat, Berlin // URL:http://www.swp-berlin.org/index.php?id=555&tx_ttnews%5Bbinary_id%5D=4299&no_cache=1
- ⁹ *Kissling C.* The legal and political status of international parliamentary institutions. Committee for a Democratic U.N. Berlin, Germany, 2011.

Подписка на 2012 г.

на журнал "Обозреватель – Observer" в каталоге «Газеты и журналы» агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Европейский путь инновационной политики

Опыт Германии

Павел Селезнев

Европейский инновационный проект при всех национальных особенностях его реализации в разных странах имеет одну общую составляющую. Инновации здесь служат прежде всего для сглаживания политических и социальных противоречий, а также для обеспечения эффективного контроля над обществом со стороны власти через косвенные механизмы (в частности, через реализацию социально ориентированного курса).

Инновационное развитие является в настоящий момент главным гарантом процветания «общества потребления», сложившегося в ведущих государствах ЕС. Лишь оно позволяет рассчитывать на то, что постоянно растущие потребности и запросы граждан получат необходимую подпитку и адекватное выражение.

Таким образом, без инновационного рывка оказалась бы под вопросом политическая стабильность в европейских странах, общество оказалось бы в ситуации раскола и постоянных конфликтов, а власть потеряла бы рычаги воздействия на политическую и экономическую ситуацию. Отсюда происходит повышенное внимание к реализации инновационной стратегии в «базовых» странах ЕС.

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, директор по международному сотрудничеству Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: georgi_rudov@mail.ry

Ключевые слова: политика инноваций и технологий, научно-технологическое развитие, «общество потребления», конкурентоспособность, передовые технологии, НИР, НИОКР, высокотехнологичные товары.

странах Западной Европы и других развитых государствах, несмотря на существующие проблемы, научно-технический прогресс, учитывающий множество факторов, привел к возникновению постиндустриального общества, характерными чертами которого являются:

- соблюдение законов;
- открытость экономики;
- соблюдение экологических норм;
- высокий уровень информатизации общества;
- перманентное повышение качества жизни и стремление к здоровому образу жизни;
- защита интересов каждого человека;
- гражданская солидарность личности.

При этом развитие науки также ставится в ряд основных ценностей в масштабе всей страны¹.

Сфера экономики обладает технологической структурой – взаимосвязанной упорядоченной совокупностью всех технологий, образующей полный технологический цикл (от добычи ресурсов до утилизации отходов). Н.И.Комков приводит распределение 27 отраслей, на которые делится экономика, по стадиям технологического цикла:

- добыча первичных ресурсов и энергоносителей;
- переработка первичных ресурсов и их компонент;
 - обрабатывающая промышленность;
- производство конечной продукции, товаров и услуг¹.

Что представляет из себя инновационный сектор экономики? К наукоемким, высокотехнологичным отраслям И.Э.Фролов относит отрасли, в которых соотношение затрат на НИОКР и объемов выпуска продукции в 1,2–1,5 раза превышает среднемировой уровень для обрабатыва-

ющей промышленности, т.е. составляет $3.5-4.5\%^2$.

В отличие от США и других стран (Великобритании, Японии), территориально обособленных от прочих государств, страны Европейского союза примыкают друг к другу и изначально вынуждены были тесно сотрудничать. Кроме того, они отличаются небольшими территориями, незначительными запасами сырьевых ресурсов и ограниченными бюджетами, не позволяющими осуществлять крупномасштабные проекты за государственный счет. Все это заставило правительства двигаться по пути максимальной оптимизации научно-технического потенциала и укрепления взаимовыгодного сотрудничества с соседями.

И несмотря на то что страны ставят перед собой различные цели (например, для Франции приоритетным является создание дополнительных рабочих мест, а в Германии – развитие прогрессивных технологий), методы инновационной политики весьма схожи, а эффективность их применения, по оценкам европейских экспертов, примерно одинакова.

Согласно постановлениям Совета Европы (Барселона, 15—16 марта 2000 г.), Евросоюз обязался к 2010 г. вложить 3% ВВП в НИОКР (в 2001 г. на эти цели направлялось 1,9% ВВП), причем предполагалось, что две трети этих средств поступят от частных инвесторов.

В начале XXI в. Евросоюз выделял значительно меньше средств на HИОКР, чем его основные торговые партнеры.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Комиссия европейских сообществ

(КЕС) оценили отставание от США в 2000 г. примерно в 120 млрд евро, из которых более 80% представляли собой капиталовложения, не осуществленные предприятиями. Повышенное внимание именно к НИОКР связано с тем, что две трети инновационных предприятий постоянно прибегают к результатам НИОКР, а фундаментальные исследования являются основополагающим условием успешных инноваций.

Евросоюз ставит перед собой две основные задачи:

- 1. Поддержать научные исследования в государственном и частном секторах;
- 2. Создать благоприятные условия для внедрения (трансфера) результатов научных исследований в промышленное производство.

едущие страны Европейского союза около 90% продукции производят для своего внутреннего рынка. Национальные инвестиции, осуществляемые национальными компаниями, намного превышают сумму прямых зарубежных инвестиций и инвестиций, осуществляемых национальными компаниями за рубежом.

С учетом технологического развития принципиально различают два уровня³:

- 1. Получение новых научных знаний часто происходит в специализированных (государственных или общественных) исследовательских институтах и служит потенциальной основой для второй плоскости;
- 2. Введение в экономику технологических инноваций в форме новых продуктов, услуг и производственных процессов.

Второй уровень подходит прежде всего частному предпринимательскому сектору (малым и средним предприятиям – МСП) народного хозяйства. Также европейская экономическая политика установила, что высокотехнологичные и инновационные МСП являются мотором роста и занятости в Европе.

Различные исследования указывают на то, что хотя Европа в области научных исследований (первый уровень) в сравнении со своими главными конкурентами имеет отличные результаты, но в отношении инноваций и разработок, проводимых предприятиями (второй уровень), имеет отставание.

Внедрение новых научных знаний в коммерческие продукты и процессы, а также получение экономических результатов вызывает определенные затруднения. Этот феномен известен также под названием «европейский парадокс». Дополнительно к этому лишь немногие высокотехнологичные и инновационные МСП показывают очень быстрый рост, что оказывает соответствующее воздействие на общее производство. Эти слабости и неясность, конечно же, считаются в европейской экономической политике весьма важными и возбуждают особое внимание к общим условиям и препятствиям на пути развития высокотехнологичных МСП.

Основой государственной инновационной политики в странах – распространителях знаний является упор на регионы: после всестороннего анализа были выявлены сравнительные преимущества каждого региона, определена их специализация, а затем, в условиях активного

участия местных органов власти, на региональных уровнях стали налаживаться связи между наукой, системой образования и производителями.

начала 90-х годов в государственной инновационной политике европейских стран превалирует кластерный подход: правительства концентрируют усилия на поддержке существующих кластеров и создании новых сетей компаний, ранее не контактировавших между собой. Государство при этом не только способствует формированию кластеров, но и само становится участником сетей. Кластерные стратегии широко используются в Германии, Дании, Нидерландах, Финляндии и ряде других стран. Например, в Германии с 1995 г. действует программа создания биотехнологических кластеров *Bio Regio*⁴.

Благодаря сетевой форме может быть обеспечен систематический доступ к другим предприятиям и организациям той же отрасли, комплементарной и родственной, пре- и последующей отраслям или общественной области³. На основании возрастающей комплексности технологических решений и разнообразия необходимых ресурсов инновационные проекты все больше развиваются, управляются и выводятся на рынок в сети предприятий, нежели выполняются отдельными людьми или предприятиями. Сети дают возможность разделения риска и высоких расходов на проведение НИОКР.

Исследования по высокотехнологичным и инновационным МСП в Дании и Швейцарии показывают, что внешние связи и распределение знаний позитивно коррелируют с успехом инновации и облегчают доступ к финансированию. Конечный эффект построения сетей может привести к возникновению такого феномена, как, например, Силиконовая долина.

Вообще, кооперация и сетевая активность среди высокотехнологичных инновационных МСП, как указывает в своем исследовании один из ведущих немецких экспертов в области инновационного и проектного финансирования М.Хайт, проявляются уже относительно часто.

Ниже представлены соответствующие результаты исследований.

- В одном общеевропейском обследовании среди 351 технологического предприятия 75% опрошенных указали, что участвуют минимум в одном стратегическом альянсе. Такие альянсы дают возможность разделять расходы на НИОКР, позволяют использовать дополнительные мощности и успешно осваивать новые рынки.
- В другом исследовании среди 3000 предприятий в ЕС, которые не концентрировались исключительно на высокотехнологичных и инновационных МСП, сетевая деятельность между инноваторами классифицировалась 63% МСП (20–249 занятых) как «важная» или «очень важная» для собственного предприятия.
- В Австрии важнейшими кооперационными партнерами в инновационной деятельности являются поставщики материалов, компонентов и технических услуг, а также клиенты, хотя заметно налаживается сотрудничество с исследовательскими организациями.
- Также и в Италии поставщики оборудования и материалов для МСП во всех секторах представляют собой важнейшие каналы доступа к знаниям и технологиям.
- Сравнительное исследование для Италии и Португалии показывает, что семья и друзья, а также неформальные отношения с клиентами для молодых технологических предприятий особенно важны.

- В Люксембурге почти половина всех предприятий, проводивших работы в области НИОКР, заключили с этой целью соглашения о кооперации с другими предприятиями. Предприятия той же отрасли, а также поставщики и клиенты при этом находились на переднем плане.
- Согласно данным из Нидерландов, почти половина молодых, малых и инновационных *IT*-предприятий кооперируются в рамках своей инновационной деятельности, и прежде всего с предприятиями своего сектора. Многие высокотехнологичные предприятия опираются на вертикальные сети, и контакты вне этих сетей возникают в большинстве случаев случайно и незапланированно.
- В Испании почти половина МСП указывает, что свои инновационные результаты они достигли через кооперацию с поставщиками и клиентами. Разумеется, только 15% МСП работают исключительно таким методом. Интенсивность кооперации со специализированными институтами является очень низкой.

Возвращаясь к инновационному развитию регионального потенциала, можно утверждать, что распространение новых технологий между национальными фирмами, производящими одинаковую продукцию, происходит во много раз быстрее, чем в условиях диверсифицированного национального (регионального) производства.

При региональной специализации есть определенное направление образовательных услуг, ориентированное на подготовку профильных для данного региона кадров и почти полностью отсекающее подготовку непрофильных кадров. Профиль региона при этом определяется специализацией фирм и предприятий, ведущих в нем свою деятельность. Естественно, затраты на освоение новых технологий региональными фирмами сокращаются. Следствие – значительное увеличение коммер-

ческого и экономического эффекта. Поэтому одним из приоритетных направлений национальной инновационной политики является создание условий для максимально быстрой диффузии технологий в рамках определенной специализации (кластера).

вачительный упор делается на поддержку организованных в промышленности совместных научно-исследовательских институтов, хотя предпочтение отдается технологиям «общего пользования», которые с малой вероятностью могут дать конкурентные преимущества отдельной фирме.

Основными направлениями государственной поддержки инновационной сферы в странах Евросоюза являются:

- поддержание высокого уровня науки;
- поддержка исследований, направленных на обеспечение устойчивого развития государства в условиях ограничений по энергетике, воздействию на окружающую среду и рациональное использование на территории страны;
- приоритетная поддержка малых и средних организационных форм;
- стимулирование сотрудничества университетской науки и организаций-производителей путем создания центров технологий на базе университетов, которые призваны активизировать совместные исследования с промышленными предприятиями и решать проблемы мобильности кадров;
- прямое финансирование организаций, занимающихся инновациями в области новейших технологий³.

Приоритет имеют работы, направленные на заполнение пробелов в технологическом развитии страны. Принцип поддержки предконкурентных исследований и разработок заключается в том, что государство

субсидирует только создание общедоступного научно-технического продукта, не нарушая сложившегося на рынке соотношения между фирмами.

Уже в марте 2000 г. начался процесс объединения стран Европейского союза в единую гиперсеть. На заседании Европейского совета была предложена программа создания инфраструктуры знаний, активизации инноваций и экономических реформ, модернизации систем социальной поддержки и реформы образования. Целью данной программы являлось построение наиболее компетентной и динамичной экономики, основанной на знаниях, которая должна обеспечить Евросоюзу мировое лидерство. Была провозглашена концепция создания единого исследовательского пространства в Европе, в связи с чем особо подчеркивалась необходимость решения двух основных задач:

- 1. Получение максимума инновационных преимуществ за счет национальных и общеевропейских усилий в поддержке исследований;
- 2. Создание благожелательной окружающей среды для начала и развития инновационного бизнеса.

О тдельно хотелось бы проанализировать роль университетов в европейских странах.

Университеты и исследовательские институты располагают значительным резервом знаний и постоянно увеличивают его.

Эмпирические исследования показывают, что кооперация и обмен знаниями между ними и высокотехнологичными МСП, в особенности малыми, развиты весьма слабо и значение первых как источника знаний для вторых весьма ограничено.

- Согласно результатам исследований 2. Community Innovation Survey, в 1996 г. в ЕС только около 10% инновационных предприятий имели соглашения о кооперации с университетами или государственными исследовательскими институтами.
- Немецкие предприятия, получившие собственный капитал из ориентированных на технологию поддерживающих программ, оценивают трансфер технологий от государственных исследовательских институтов только как умеренно эффективный.
- Практически отсутствуют итальянские высокотехнологичные МСП, которые считают университеты важным источником знаний. Это можно интерпретировать таким образом, что итальянские предприятия недооценивают потенциал исследований, предлагаемых университетами или государственными институтами.
- В Швейцарии систематическая кооперация между университетами или государственными исследовательскими институтами и высокотехнологичными МСП в рамках НИОКР осуществляется весьма редко.

Слаборазвитые отношения между университетами и экономикой выражаются также в малом числе университетских спин-офф (малых инновационных предприятий).

В общем число учреждений спин-офф в 90-е годы в Северной Америке было в 3–4 раза выше, чем в большинстве европейских стран ОЭСР.

В Австрии только 14% опрошенных университетов назвали учреждение новых предприятий через спин-офф подходящей формой взаимодействия с бизнесом.

В Дании установлены недостаточность университетских спин-офф и низкая готовность исследователей к учреждению предприятий. Причиной этого, во-первых, является предпринимательский климат в стране, что означает отсутствие предпринимательского духа и традиций, а во-вторых, отсутствие возможностей долгосрочного финансирования.

В Исландии получение спин-офф в университетах является редким яв-

лением, что рассматривается менеджерами инновационных предприятий как «убыток» для инновационной деятельности на собственных предприятиях и экономики в целом.

лавные причины для слабовыраженного сотрудничества между университетами и экономикой можно видеть в том, что малые высокотехнологичные предприятия недооценивают потенциал университетов, не понимают спектр их конкретной деятельности и поэтому не воспринимают возможную пользу для предприятия или не ценят качество знаний. Это, возможно, происходит из-за следующих причин:

- разные цели: университеты и исследовательские институты преследуют научные, а не практические результаты исследований, в то время как высокотехнологичные предприятия стремятся к обратному;
- различные организационные структуры: эти структуры существенно различны на предприятиях и университетах. Университеты считаются неспособными мыслить попредпринимательски, а предприятия по-научному. Далее, существуют различия в «языке», оценке фактора времени, а также в отношении требуемых финансовых средств;
- непрозрачность структур университетских и исследовательских систем: с точки зрения предприятий, большое число высокоспециализированных малых единиц и отделов, из которых состоит университетская система, ведет к запутыванию. Это также свойственно многочисленным государственным, полугосударственным и частным исследовательским организациям.

- недостаточность ресурсов МСП: некоторые исследования указывают на то, что в рамках кооперации с университетами для предприятий потребовались бы значительные ресурсы (научный персонал, деньги, техническое оснащение), которыми часто малые предприятия не обладают.

Сравнение с системой в США, где «обменные» отношения между бизнесом и университетами развиты более сильно, показывает следующие:

- организация университетов в США сильнее децентрализована и позволяет большую гибкость в исследованиях;
- университетская система в США отмечена более высокой «внутренней» дисциплиной;
- в США сильнее развита конкуренция между исследовательскими организациями;
- институционные рамочные условия создают возможности для повышенной личной мобильности между наукой и экономикой;
- в целом эти факторы приводят к лучшей способности университетской системы кооперировать с экономикой.

В общем, становится понятным, что для более полного использования такого богатого источника знаний и новых технологий, как университеты и исследовательские институты, необходимы мероприятия для усиления связей между ними и МСП. Среди прочего существует потребность обновления традиционного восприятия роли университетов последними.

О дним из лидеров европейского инновационного развития является Германия, которая претендует на ведущую роль в объединенной Европе

и стремится задавать характер и темп подобным преобразованиям в том числе. Однако у страны имеются и свои уязвимые места с точки зрения реализации инновационной политики.

Так, по итогам 2007 г., в рейтинге совокупной конкурентоспособности, по версии Мирового экономического форума⁵ (WEF), Германия даже накануне глобального кризиса, опустилась на две ступеньки вниз – с 6-го на 8-е место (табл. 1).

Отмечая достоинства правовой системы Германии, наличие в стра-

не развитой инфраструктуры и квалифицированной рабочей силы, эксперты WEF вместе с тем указали на «болевые точки» в устройстве экономической системы:

- негибкий и чрезмерно зарегулированный рынок труда;
- крайне затратная социальная система, провоцирующая рост трудовых издержек и госрасходов;
- обилие бюрократических барьеров при ведении бизнеса;
- усложненная и непрозрачная налоговая система.

Таблица 1 Рейтинг совокупной конкурентоспособности⁶

Страна	Место		Изменения	Конкурентоспособность стран по версии <i>WEF</i>	
	2007 г.	2006 г.	2007 г. к 2006 г.	2010 г.	на 2011 г.
Швейцария	1	4	+3	1	1
Финляндия	2	2	0	7	4
Швеция	3	7	+4	2	3
Дания	4	3	-1	9	8
Сингапур	5	5	0	2	3
США	6	1	-5	4	5
Япония	7	10	+3	6	9
Германия	8	6	-2	5	6
Нидерланды	9	11	+2	8	7
Великобритания	10	9	-1	12	10

Кстати, такой рейтинг серьезно не изменился и после глобального финансово-экономического кризиса. Германия колебалась между 5 и 8 местами.

Можно, конечно, спорить о том, насколько адекватно подобные рейтинги отражают экономические реалии в той или иной стране.

В случае с Германией противоречия между оценками рейтинговых агентств и реальным положением страны в мировой экономике, на первый взгляд, достаточно очевидны. С одной стороны, по объему ВВП (2,3 трлн евро) она все еще занимает 3-е место в мире и 1-е в Европе. К тому же в 2007 г. Германия, в третий раз подряд обогнав США, вновь стала мировым лидером по товарному экспорту

(888 млрд евро). Казалось бы, уже этих фактов вполне достаточно, чтобы отнести экономику Германии к числу одной из самых конкурентоспособных в мире.

Однако в различных международных рейтингах Германия за последние годы редко поднималась выше 12–16-го места.

Так, например, тот же WEF весьма сдержанно оценил потенциал экономического роста в ФРГ – 15-е место. Немецкий журнал «Bertelsmann Stiftung» позиционировал Германию на 16-м месте по индексу деловой активности. В рейтинге американского стратегического исследовательского института Heritage Foundatin страна заняла 19-е место по уровню экономической свободы, а по качеству предпринимательского климата в рейтинге Мирового банка – 20-е место. Наконец, швейцарский International Institute for Management Develop- ment на основе анализа 240 индикаторов в противовес WEF присвоил Германии 26-е место в международном рейтинге совокупной конкурентоспособности⁷.

При этом ведущие немецкие компании практически во всех рейтингах входят в первую тройку по качеству ведения бизнеса, стратегии, планированию, глобальному развитию и многим другим параметрам.

Чем объяснить столь значительные расхождения в оценке конкурентоспособности немецких компаний и германской экономики в целом? Дело в том, что в первом случае речь идет, как правило, о крупнейших транснациональных корпорациях, львиная доля оборота которых приходится на зарубежные операции. Превратившись в «глобальных игроков», они обладают достаточной свободой маневра, чтобы минимизировать риски, которые связаны с теми или иными неблагоприятными, по их мнению, условиями ведения бизнеса в Германии.

Общеизвестно, например, что Siemens, BASF, DaimlerChrysler AG и другие немецкие ТНК основную массу налогов уплачивают не на территории своей страны, а в странах с более благоприятным режимом налогообложения, чем в Германии. Массированный перенос производства, а в последнее время и НИОКР за рубеж позволяет им заметно снижать трудовые затраты и поддерживать на соответствующем уровне рентабельность бизнеса. За пределами ФРГ немецкие компании контролируют сегодня 22 700 предприятий, на которых занято около 4.5 млн чел.

Совокупный объем накопленных германских прямых инвестиций за рубежом оценивается в 677 млрд евро⁸.

Однако было бы опрометчиво судить об экономике Германии только по эффективности бизнеса немецких ТНК.

Общепринятой сегодня является точка зрения, согласно которой главными разработчиками инновационных технологий будущего являются не крупные концерны индустриального типа, а МСП.

В Германии вклад МСП в финансирование НИОКР составляет менее 19% всех расходов частного сектора на эти цели. При этом, как свидетельствуют проводившиеся исследования, только 10,5% МСП ведут систематическую работу в области НИОКР, еще 9,6% занимаются этим от случая к случаю, 79,6% МСП не занимаются НИОКР вообще.

Причин такого положения дел, в целом нетипичного для большинства развитых стран, много. Но главных, как считают эксперты, две: контрпродуктивная налоговая политика государства и острая нехватка венчурного капитала, объемы которого оцениваются в Германии ничтожно малой величиной – 0,034% ВВП. Но без развитого рынка венчурного капитала сегодня в любой стране серь-

езный разговор о перспективной инновационной стратегии вообще становится невозможным.

тоговая картина такова, что по удельному весу расходов на НИОКР в ВВП Германия занимает 9-е место среди стран ОЭСР и по-прежнему далека от достижения главной цели Лиссабонской стратегии ЕС довести этот показатель как минимум до 3% ВВП. Она является абсолютным мировым лидером по вывозу наукоемкой продукции «среднего этажа» (с удельным весом НИОКР в стоимости от 3,5 до 8,5%), но доля высокотехнологичных товаров «верхнего этажа» (с удельным весом НИ-ОКР в стоимости свыше 8,5%) составляет в ее экспорте 18,5%. А это уже в мировой табели о рангах только 11-е место.

Германия традиционно была и остается сегодня нетто-импортером в торговле услугами (включая международный обмен патентами и лицензиями) и по объему их экспорта серьезно уступает не только США, но и Великобритании. К этому надо добавить еще одну подробность: 42% добавленной стоимости в экспортной продукции Германии создано вообще за рубежом. Этот факт дал повод известному немецкому экономисту Хансу-Вернеру Зинну назвать германскую экономику «базарной», неспособной генерировать ни устойчивый рост, ни создание новых рабочих мест.

Для игрока «первой лиги» Германия, помимо уже сказанного выше, имеет далеко не лучшие показатели по обеспеченности высококвалифицированными специалистами в ряде отраслей так называемой «новой эко-

номики», прежде всего в сфере информационных технологий (38-е место).

Не хватает математиков, программистов, биологов, а в последнее время даже инженеров.

Слабая школьная подготовка по математике и физике, отмечалось в аналитическом докладе Ассоциации германских ученых за 2007 г., является одной из главных причин того, что за последние 10 лет число студентов, избравших естественно-научные и технические специальности в вузах, сократилось почти на 15% по сравнению с началом 80-х годов⁹.

При наличии 4-миллионной армии безработных Германия является сегодня абсолютным чемпионом в ЕС по количеству свободных вакансий в высокотехнологичных секторах экономики.

О необходимости радикальных структурных реформ в Германии говорят не первый год. Под лозунгом «обновления» в 1998 г. пришла к власти «красно-зеленая» коалиция во главе с Герхардом Шредером. За семь лет ее пребывания у власти реформаторская программа «Повестка дня 2010», к сожалению, во многом так и осталась декларацией о намерениях.

егодня правительство Ангелы Меркель стоит перед необходимостью решать, по сути, те же проблемы, с которыми столкнулось еще правительство Гельмута Коля в начале 80-х годов. Оздоровление государственных финансов, перестройка социальной системы, дерегулирование на рынке труда, оптимизация налоговой политики, создание стимулов для повышения инвестиционной и инновационной активности частного сектора – эти и многие другие реформы снова находятся в центре внутриполитических баталий.

Однако «правые» политики, опасаясь падения своей популярности в ходе проведения достаточно болезненных, но необходимых реформ, вместо радикальной терапии чаще всего предполагают «болеутоляющие таблетки», которые не лечат болезнь, а лишь загоняют ее внутрь. Кстати, это не спасает от падения популярности, свидетельством чему является ряд поражений ХДС на региональных выборах весной-осенью 2011 г. 10

Следует отметить, что ведущие научно-исследовательские институты ФРГ по заданию Федерального министерства образования и научных исследований провели анализ состояния и перспектив развития НИОКР в стране. Как отмечается в исследовании, Германия располагает значительным научным потенциалом, большими возможностями в области НИОКР и в настоящее время входит в число передовых в этом отношении государств, однако динамика капиталовложений в новые технологии недостаточно высока, и если не будут предприняты стимулирующие меры, то в среднесрочной и долгосрочной перспективе Германия может отстать по этому показателю от многих других промышленно развитых стран.

В Германии структура сектора исследований и опытно-конструкторских работ относительно проста. Финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ осуществляется в основном из трех источников:

- за счет средств частных предпринимателей;
- федерального правительства (главным образом, Федеральных министерств образования и исследова-

ний, экономики и технологий, обороны);

правительств федеральных земель.

В целом в Германии существует более 800 исследовательских учреждений, финансируемых из государственного бюджета.

Наряду с университетами, содействие которым оказывает специализированная организация Исследовательское общество Германии (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG), НИОКР занимаются институты и центры:

- общество Макса Планка (Max Planck-Gesellschaft);
- общество Фраунгофера (Fraunhofer-Gesellschaft);
- общество Гельмгольца (Helmholtz-Gemeinschaft, HGF);
- общество Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz-Gemeinschaft)¹¹.

В дополнение к этому НИОКР поддерживают Фонд германской науки в Эссене, объединяющий более 300 фондов и спонсоров, целый ряд крупных частных фондов, например «Volkswagen», «Robert Bosch», «Bertelsmann», «Karber», а также другие организации.

В целом, однако, уровень активности частных фондов существенно ниже, чем в США.

Двумя основными государственными источниками – федеральным и земельными правительствами, выделяющими порядка 1/3 средств на цели исследований и развития из расчета от ВВП Германии, заключено рамочное соглашение о содействии НИОКР. Исполнительным органом является Комиссия, которая может предлагать тематику исследований и принимать решения по предложениям научных организаций.

Ст. 2 этого соглашения установлено, какие исследовательские структуры финансируются ими совместно и в каких пропорциях (федерация/земля), а именно:

- 1. DFG, 58:42.
- 2. Max Planck-Gesellschaft, 50:50.
- 3. Fraunhofer-Gesellschaft, 90:10.
- 4. Helmholtz-Gemeinschaft, 90:10.
- 5. Gottfried Wilhelm Leibniz-Wissenschaftsgemeinschaft, 50: 50.
- 6. Объединение академий наук Германии, 50 : 50.
- 7. Академия естественных наук Германии (Leopoldina), 80 : 20.

Институты всех видов, по конституции, являются учреждениями федеральных земель. Если речь идет о частном институте, то он должен быть признан властями соответствующей федеральной земли. Финансирование их деятельности, включая оплату труда сотрудников, осуществляется из бюджета федеральных земель.

О дним из важнейших критериев способности страны к инновационной деятельности является число патентов, отвечающих требованиям мирового рынка. По этому показателю ФРГ опережает многие развитые страны.

Количество патентов, зарегистрированных Германией в Европейском патентном ведомстве в 2007 г., составило 449 на 1 млн экономически активных граждан.

Это существенно больше, чем у ее главных конкурентов — Японии (213 патентов), США (191) и Великобритании (165), но меньше, чем у Швеции (483) и лидирующей по этому показателю Швейцарии (596).

В целом же Германия занимает 2-е место в мире после Японии по количеству патентов, зарегистрированных в патентных бюро ЕС, США и Японии, с показателем 76 патентов на 1 млн жителей.

С точки зрения инновационной активности, которая определяется соотношением между инновационными расходами (на НИОКР, лицен-

зии и повышение квалификации) и оборотом промышленности, Германия занимает 2-е место в Европе после Швеции (5% и около 7% соответственно). Однако, хотя инновационные расходы германской промышленности в последние годы вновь начали расти, их уровень и в 2007 г. был ниже, чем в 2000 г.: около 100 млрд евро против примерно 118 млрд евро.

Доля расходов на НИОКР в ВВП Германии сократилась по сравнению с началом 90-х годов и на 2008 г. составляла примерно 2,3%, что лишь немногим выше, чем в среднем по странам ОЭСР (2,2%). Примечательно, что даже в кризисном 2009 г. общие расходы на НИОКР увеличились до показателя 2,82% ВВП, что является лучшим результатом Германии за период после объединения страны 12.

Лидирует по этому показателю Швеция (3,9%), далее идут Финляндия, Япония и Республика Корея (2,9%), США (2,8%) и Швейцария (2,7%).

Тем не менее в период 2003—2006 гг. расходы германской промышленности на НИОКР увеличились с 58,6 млрд до 70,7 млрд евро, а в 2007 г. составили 75,7 млрд евро.

С учетом государственных расходов германские инвестиции в НИОКР в целом в 2007 г. достигли 86,8 млрд евро.

Доля частного сектора составила 68% (в $2004 \, \text{г.} - 66,4\%$), государства и высших школ – около 32% (в $2004 \, \text{г.} - 33,6\%$).

Одной из причин роста расходов ФРГ на НИОКР является активизация научных исследований за рубежом.

Так, в 2006 г. германские компании инвестировали почти 13 млрд евро в проекты, связанные с НИОКР, за границей, в то время как зарубежные концерны вложили 11 млрд евро в подобные проекты в ФРГ¹³.

Реализуемая с 2006 г. в ФРГ «Стратегия развития высокотехнологич-

ного сектора экономики» представляет собой общенациональную стратегию, которая объединяет всех наиболее важных игроков инновационной системы. Стратегия направлена на продолжение структурных реформ в научно-исследовательском секторе и инновационной системе по приоритетным направлениям.

В первую очередь, необходимо развитие тех инновационных сфер, которые обладают значительным потенциалом и могут оказать комплексное воздействие на народное хозяйство. Выбрано 5 таких направлений:

- защита климата/энергетика;
- здравоохранение;
- электромобили;
- технологии и услуги в сфере безопасности;
- информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)¹⁴.

Программа «Конкуренция высокотехнологичных кластеров» была запущена в 2007 г. в рамках «Стратегии развития высокотехнологичного сектора экономики»¹⁵. Цель программы-консолидировать региональные потенциалы инновационного развития. Независимое экспертное бюро ежегодно выбирает пять региональных кластеров, обладающих самыми передовыми технологиями и наиболее внушительным инновационным потенциалом в области ключевых технологий будущего. Участники программы получают до 200 млн евро на 5 лет для реализации своего проекта. Из трех запланированных раундов два отборочных тура уже были завершены в 2010 г. ¹²

Доля ФРГ на мировом рынке высокотехнологичных товаров в 2007 г. составляла 14,4%, она занимала по

этому показателю 3-е место, уступая лишь США (18,8%) и Японии (15,8%).

К категории высокотехнологичных относятся товары, в стоимости которых доля НИОКР составляет не менее 3,5%. Если этот показатель равен 3,5–8,5%, то данные товары считаются «техникой высокого качества», если он превышает 8,5%, то это «техника высшего качества».

По объему продаж товаров, являющихся техникой «высокого качества», ФРГ лидирует на мировом рынке (ее доля составляет 16,8%), прежде всего за счет таких отраслей, как машиностроение, электротехника, автомобильная и химическая промышленность. В области «технологии высшего качества» Германия занимает 3-е место после Японии и США.

Число занятых в отраслях с высокой долей НИОКР в 2007 г. увеличилось на 1% и составило в западных землях ФРГ 2,7 млн, т. е. 45% занятых в промышленности этих земель.

По уровню образования и профессиональной квалификации кадров, занятых в сфере НИОКР, ФРГ можно отнести к лидирующей группе стран. Однако в последние годы затраты на эти цели снижались.

В 2003 г. объем средств, вложенных в сферу образования, составил 6,5% ВВП, а в 2006 г. этот показатель уменьшился до 6,2%.

В 2007 г. в Германии на нужды образования было израсходовано менее 10% всех государственных расходов, в то время как соответствующий средний показатель по странам ОЭСР равен 12,5%. Правда, в Германии выше частные расходы на образование¹⁶.

Немецкие эксперты, которые провели данный анализ, рекомендуют правительству ФРГ принять пакет мер, направленных на стимулирование НИОКР. К числу рекомендаций относятся следующие:

- повысить финансирование и совершенствовать структуру образования, профессионального обучения и повышения квалификации;
- сделать более привлекательными для частных компаний условия проведения НИОКР и инновационной деятельности.

Важный шаг в этом направлении – планируемая налоговая реформа: снижение налоговой нагрузки и налоговые льготы могут стимулировать эту деятельность, особенно в сфере малого и среднего бизнеса.

Особенностью национальной политики инноваций и технологий в Германии является ее ориентация на уровень регионов.

В последние годы так называемая «локальная» политика инноваций и технологий стала составной частью децентрализации политико-экономической стратегии, дополняющей другие стратегии и инструменты – политику стимулирования исследовательской и инновационной деятельности в Германии, ЕС, а также традиционные рычаги поддержки коммунальной экономики. Ее цель

состоит в поддержке инноваций и развитии субъектов хозяйствования на местах посредством целенаправленной перестройки в направлении создания перспективных продуктов, способов производства, услуг, организационных форм и моделей занятости. Это достигается за счет активизации имеющегося в регионе или городе потенциала и инновационных возможностей, а также за счет создания благоприятных рамочных условий.

Весомую роль в политике инноваций и технологий в Германии играют коммуны - в первую очередь это городские органы (ведомства и службы), отвечающие за развитие экономики и инноваций и представляющие собой движущую силу в осуществлении политики технологий и инноваций. Однако опыт показывает, что политика инноваций и технологий на местах эффективна лишь тогда, когда наряду с коммунами работают и местные субъекты хозяйствования – палаты, округа, предприятия, финансовые учреждения, вузы, исследовательские учреждения.

Таким образом, политика ведущих стран Европы (Германии, в частности) направлена на интенсивный поиск вариантов оптимизации функционирования собственных экономических и политических систем в соответствии с вызовами XXI в., при этом основной акцент делается на инновационной повестке дня.

И хотя в настоящий момент из-за финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. ситуация в этих государствах осложнилась, тем не менее они по-прежнему пытаются (в том числе за счет активной инвестиционной деятельности и развития НИОКР) найти «эликсир прогресса», чтобы обеспечить для своих граждан комфортное социальное существование.

Примечания

¹ *Гранберг А.Г. и др.* Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики: коллективная монография / отв. ред. В.В.Ивантер, Н.И.Комков. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 59.

- ² Бендиков М.А., Фролов И.Э. Тенденции и прогноз развития высокотехнологичного сектора промышленности РФ. М.: ЦЭМИ РАН, 2007. С. 149.
- ³ Xaum M. High-tech малые и средние предприятия: проблемы и решения на опыте Европы // URL: http://www.finance-dms.com/high-tech.pdf
- ⁴ URL: http://www.fin-monitoring.ru/2010-03-12-09-18-04/95-2010-03-07-15-12-54
- ⁵ Сайт Мирового экономического форума // URL: http://www.weforum.org/en/index.htm
- ⁶ Global Competitiveness Index 2006-2007 // World Economic Forum // URL: http://www.weforum.org/en/index.htm
- 7 Informations dienst des Instituts der deutschen Wirtschaft. Köln (IWD). 2007. № 2. Januar. P. 6–7.
- 8 Григорьев А.Д. Экономическая эффективность послевоенных технических средств производства: на примере США, Японии и Германии. М.: Экономика, 2006. С. 94-96.
- ⁹ Горбунова Л.И. Инновации в образовательной деятельности: российский и зарубежный опыт: материалы международ, науч.-метод, конф. 2 марта 2007 г. / ред. кол. Л.И.Горбунова [и др.]. Хабаровск: Дальневосточная акад, гос. службы, 2007. С. 12–13.
- ¹⁰ URL: http://www.politvektor.ru/analitika/5740
- ¹¹ URL: http://germany.allbusiness.ru/content/document_r_14C4767B-3C01-4D72-BA25-00A290BB0468.html
- ¹² Романова Е.В. Германский путь к мировому лидерству в области инноваций // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.; Смоленск, 2011. С. 192. 197.
- ¹³ Союз германских торгово-промышленных палат // URL: http://www.dihk.de
- ¹⁴ Gutachten zu Forschung, Innovation und technologischer Leistungsfähigkeit 2010. Deutscher Bundestag 17. Wahlperiode. 09.03.2010.
- ¹⁵ Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF). Division for New Innovation Support Instruments and Programmes. Berlin, 2010.
- ¹⁶ Доклад немецких экспертов // URL: http://subscribe.ru/archive/business.globalec/ 200004/27195108.html

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель-Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Россия, Италия и Ватикан в Европе XXI века

Валентин Богомазов

В начале февраля 2012 г. под патронажем Института Европы РАН, фонда «Русский мир», посольства

Италии в России и Института исследований мировой политики (ISPI, Милан) состоялась международная конференция, название которой вынесено в заголовок наших размышлений. В ходе этой конференции прошла презентация коллективной монографии «На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века».

Полагаем, что и монография, и выступления

на конференции оказались исключительно содержательными и способ-

ными вызвать интерес как у отечественных специалистов-международников, так и в широких кругах

нашей общественности.

Остановимся подробнее на книжной новинке.

Считаем, что подобного уровня всеобъемлющих работ по проблемам Италии у нас давно не издавалось. Ведь трехтомник «История Италии» под редакцией академика С.Д.Сказкина, периодический сборник «Проблемы итальянской истории», том «Италия» относятся к далеким советским вре-

менам. Изданные в последнее двадцатилетие монографии О.Н.Бараба-

БОГОМАЗОВ Валентин Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат политических наук, доцент кафедры внешней политики России и актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. E-mail: bogomi@list.ru

Ключевые слова: перекресток Средиземноморья, вызовы XXI века, отношения новой России с новой Италией. Ватикан.

нова, Т.В.Зоновой посвящены итальянской внешней политике и дипломатии.

Появлялись, конечно же, журнальные статьи по тем или иным аспектам жизни Италии, но исследований современной Италии, посвященных переменам последнего двадцатилетия, не было. Пожалуй, за исключением монографии Т.В.Зоновой по дипломатии Ватикана, невелико и число исследований по проблемам Святого престола.

Увидевшая свет в издательстве «Весь мир» рецензируемая монография, предисловие к которой написал академик Н.П.Шмелев, в полной мере восполняет этот пробел. Авторы – Т.В.Зонова, В.П.Любин, О.Н.Барабанов, Е.А.Маслова, А.Г.Нестеров, С.Е.Князева – исследовали проблемы кризиса Первой республики и становление новых институтов, рассмотрели процессы деволюции и квазифедерализации государственного устройства, эволюцию современной внешнеполитической идеологии и дипломатии.

Обзор многопланового развития Италии дан в тесной увязке с теми сложными финансово-экономическими трудностями, которые ныне переживает Европейский союз. Собственно отдельная глава посвящена итальянской реакции на мировой финансово-экономический кризис. При этом убедительно демонстрируются достижения Италии, ее вхождение в состав мировых «протагонистов» при сохранении приверженности евроинтеграционным процессам, экономический потенциал страны.

Аргументированным и ярким представляется анализ отношений новой России с новой Италией. В

данной связи рассматриваются особенности современных российскоитальянских торговых, экономических, научно-технических и культурных связей.

И у нас, и на Западе в 90-е годы XX в. бытовали мнения, что в результате масштабных изменений в обеих странах их интерес друг к другу мог, дескать, уменьшиться. Но, как известно, ничего подобного не только не произошло, напротив, такой взаимный интерес возрос и усилился. И в книге это наглядно показано.

Отдельный раздел посвящен даже такой теме, как «Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии», и выполнен он, как и весь сборник, без какой-либо предвзятости и ангажированности, взвешенно и доброжелательно, с взглядом, обращенным в будущее нашего взаимодействия.

В монографии присутствует и «взгляд с Апеннин». Итальянские ученые всесторонне анализируют проблемы коррупции (М.Риччери), европейский выбор Италии (М.Г.Мелькионни), сравнивают российскую и итальянскую модели промышленных округов (М.Филипацци).

Глава «Ватикан – государство и церковь» (А.А.Красиков) содержит последнюю новейшую информацию не только о центре Римско-Католической церкви, деятельности ряда пап римских – Пия XI, Пия XII, Иоанна XXIII, Павла VI, Иоанна Павла II и Бенедикта XVI, но и касается такой важнейшей темы, как «Восток – Запад: диалог Церквей».

В условиях, когда Российское государство рассматривает укрепление нравственного основания международных отношений в качестве части своей политики, а межконфессио-

нальный и в более широком плане межцивилизационный диалог рассматривается как эффективное средство и в сфере противодействия новым вызовам и угрозам, очевидна особая актуальность и востребованность работы, сконцентрированной на этих вопросах.

Потребность в такой монографии явно ощущалась, к примеру, при работе со слушателями Дипломатической академии МИД России, посещающими курсы по европейскому региону, дипломатической службе стран Европы, изучающими роль религиозного фактора в международных отношениях и дипломатической работе.

Опубликованная монография заслуживает, по нашему мнению, самой высокой оценки. К ее подготовке были привлечены лучшие специалисты соответствующих направлений как России, так и Италии. Редакти-

ровала том заслуженный деятель науки России, доктор политических наук, профессор МГИМО(У) МИД России Т.В.Зонова, опубликовавшая за последние десятилетия серию фундаментальных исследований по Италии и Ватикану.

Новая книга по Италии и Ватикану безусловно будет хорошо встречена у нас в стране. Хотелось бы надеяться, что отныне выпуск в свет свежих материалов по рассмотренным в томе темам станет регулярным, т.е. без больших временных перерывов, тем самым целиком отвечая пожеланиям отечественной читающей аудитории.

На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоновой. М.: Весь мир, 2011. – 456 с. – (Старый свет – новые времена).

Подписка на 2012 г.

на журнал "Обозреватель – Observer" в каталоге «Газеты и журналы» агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Героическая страница истории внутренних войск МВД России

Александр Соловов

В рецензируемой работе «Грозный. Особый район» дана широкая панорама событий самой активной фазы контртеррористической опера-

ции в Чечне, получившей название второй чеченской войны. Она продолжалась с 1999 по 2000 г.

Центральное событие, описываемое авторами книги, – это освобождение российскими военнослужащими столицы Чеченской Республики города Грозного, от бандформирований.

Книга состоит из трех глав и заключения.

В первой главе «Брать или не брать?» рассказывается, как на полити-

ческом и военном уровнях принималось решение о проведении операции.

Вторая глава «Смерти вопреки» посвящена первому, наиболее трудному этапу операции – с 26 декабря 1999 г. по 17 января 2000 г.

Третья – «Мы пришли сюда навсегда» повествует о заключительном этапе спецоперации с 17 января по 7 февраля 2000 г.

В разделе «Сердце не отболит» помещен список из 269 фамилий военнослужащих внутренних войск, погибших при выполнении задач в период проведения операции в Грозном и в близлежащих с чеченской столицей населенных пунктах. Большин-

ство из них награждены орденом Мужества, некоторые удостоены звания Героя России (посмертно).

СОЛОВОВ Александр Иванович – профессор Пограничной академии ФСБ России, полковник запаса. *E-mail:* zhvalery@mail.ru

Ключевые слова: федеральные войска, внутренние войска МВД России, Северный Кавказ, второй штурм Грозного, терроризм, список погибших военнослужащих.

Поднятая авторами тема борьбы с терроризмом, в каком бы виде он ни проявлялся, и по сей день очень актуальна.

В книге проанализирован обширный документальный материал, публикации средств массовой информации, как отечественных, так и зарубежных, взгляды политиков и военных на подготовку и проведение контртеррористической операции. Как пишут сами авторы, цель книги – «максимально подробно и на документальной основе воссоздать хронику проведения специальной операции по освобождению чеченской столицы от незаконных вооруженных формирований. Провести своего рода документальную реконструкцию событий». И это им в полной мере удалось.

Перед глазами читателя встают образы политиков, военных руководителей, а самое главное – образы военнослужащих, которые мужественно выполняли свой конституционный долг в тяжелейших боях за освобождение Грозного от бандитов. Особое внимание в книге уделено деятельности внутренних войск МВД России, их взаимодействию в ходе операции с армейскими частями.

Воспоминания участников боев за Грозный дают полную драматизма, героизма и самоотверженности картину боевых действий военнослужащих внутренних войск. Представленный материал показывает, какие неимоверные трудности, полные трагизма ситуации приходилось преодолевать солдатам, сержантам, офицерам на пути к победе.

Огромное мужество и самоотверженность по спасению раненых военнослужащих проявили медики. За

весь период спецоперации по освобождению чеченской столицы медицинская помощь была оказана почти 600 военнослужащим внутренних войск.

Давно известно, что на войне моральный дух войск является важнейшим фактором победы. Так было и в боевых действиях за Грозный. Командование внутренних войск прилагало серьезные усилия для формирования и поддержания высокого морально-психологического состояния личного состава. И эти усилия оказались не напрасными. Сотни фактов проявления героизма со стороны солдат, сержантов, офицеров являются ярчайшим подтверждением этой военной аксиомы. О них подробно говорится в книге.

Авторы раскрывают и проблемы, которые осложняли боевые действия внутренних войск. Это – острая нехватка подготовленного личного состава, вызванная, в частности, заменой уже имеющих боевой опыт солдат и сержантов, не всегда действенное морально-психологическое обеспечение, неудовлетворительное состояние автомобильной и броневой техники, средств связи, действующая с большим опозданием система награждения.

Из книги видно, какую серьезную школу боевого управления прошли высшие офицеры нашей группировки. Подтверждением этому является разгром бандитов и освобождение Грозного.

Документальные свидетельства, воспоминания очевидцев показывают, как быстро мужало, набиралось боевого опыта молодое пополнение, как крепли войсковое товарищество, взаимопомощь и взаимовыручка. И

это не громкие слова, а реальность, позволившая, в конечном счете, одержать победу над бандитами.

Читатель может не только шаг за шагом проследить весь ход контртеррористической операции по освобождению Грозного, но и сформировать глубочайшее уважение к подвигу солдат, сержантов, офицеров, генералов внутренних войск. Книга, несомненно, послужит мощным средством государственно-патриотического воспитания личного состава и молодежи, которая будет приходить на службу во внутренние войска.

В книге представлено большое количество фотографий, которые дают документальное представление о ходе контртеррористической операции с момента ее начала и до окончания. Завершает книгу список военнослужащих внутренних войск, погибших в период проведения контртеррористической операции по освобождению Грозного от незаконных вооруженных формирований с 26 декабря 1999 г. по 7 февраля 2000 г.

Хотелось бы верить, что отмена в апреле 2009 г. режима контртеррористических операций на территории Чеченской Республики ознаменует необратимые процессы по восстановлению мира и спокойствия.

Однако, как показывают сегодняшние события, так называемый переход к избирательным правоохранительным действиям не означает безоговорочного завершения конфликта, ибо многие процессы, происходящие в настоящее время как в самой республике, так и вокруг нее, и прежде всего в прилегающих к ней Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, не позволяют почивать на лаврах и ожидать быстрой и окончательной нормализации обстановки в регионе.

Особенность данной книги состоит в высказанном авторами мнении о том, что разрешение внутреннего вооруженного конфликта на Кавказе никогда не удавалось осуществить исключительно военными или мирными средствами. Все это необходимо рассматривать и осуществлять в комплексе.

Авторами проделана огромная работа по исследованию еще одной важной боевой страницы в истории внутренних войск МВД России. Полагаю, что книга будет востребована широким кругом читателей, всеми, кому не безразлична судьба России, ее целостность и будущее.

Журавель В.П., Лебедев А.В. Грозный. Особый район. Хроника действий воинских частей и подразделений федеральных войск в ходе контртеррористической операции по освобождению столицы Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований. Декабрь 1999 — февраль 2000 г. М.: Новости, 2011. – 416 с. илл.

BO3PEBATEJI BSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Political process in Russia: modern reality and development perspectives (the analysis of election campaign of the March 4th 2012) 5

J. Usova

Political process in Russia: modern reality and development perspectives (the analysis of election campaign of the March 4th 2012) shows us the results and characteristics of federal election campaign of the March 4th 2012. The novelty of the elections is in the emergence of new ideas and impulses that result in the framework of a national consensus concluded. The author pays special attention to the analysis of Mr. Putin's key statements in press media, which contain the concept of long-term development program for Russia.

Key words: political process, democratic values, the results of presidential election, development program for Russia.

About the author: USOVA Julia – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Vladikavkaz Institute of Management.

Sources of military law and their modern legal interpretation 14

A. Stroitelev

The article is based on the analysis of major international and national sources of military law – the Hague and Geneva Conventions and its Protocols and describes the choice of means and methods of war used in case of necessity; legal status of war prisoners, the wounded and sick; protection of civilians and premises; distinguishes the notions "treachery" and "guile"; defines such categories of combatants as "a spy" and "a recruit". The article considers additional terms of implementing the above mentioned Conventions envisaged by the former Soviet Union while ratifying the Conventions and Protocols that are still valid.

Key words: law; military conflicts; legal interpretation; Hague and Geneva Conventions; combatants; war prisoners; means and methods of war.

About the author: STROITELEV Alexei Nikolaevich - PhD in Law, rector of a Law College/School.

Capital Punishment: is it necessary to put it in force? 24

E. Pozdnyakov

In connection with some recent cruel murders in our country (especially murders of children) our public opinion once again has begun actively discuss the question of capital punishment. The author expounds his view on the problem. He argues that in the today's situation it is quite necessary to put capital punishment again in force.

Key words: law, delinquency, social function of punishment, capital punishment, sense of justice, weapon.

About the author: POZDNYAKOV Elgiz – professor, PhD in History, a chief staff member of the Institute of the World Economy and International Relations (the Russian Academy of Sciences).

"Ecological niche" for Russia

33

A. **G**usev

The interpretation of the current state of relations between the society and nature in the conditions of globalization defines substantive contours and heuristic potential of the new academic sub-discipline – environmental policy, the creation of which reflects the specifics and peculiarities of the modern political sciences knowledge, which is in a stage of foundation and search of its epistemological status and theoretical grounds. At the present time there is an accumulation of proper conceptual Arsenal of the given direction of political sciences and its structuring. It is about the study of political and environmental results and achievements, the study of exchange processes between heuristically-ideological potential and motivations of the main actors of the relations in policy and ecology.

Key words: Russian Federation, ecology, environmental policy, environmental protection, ecological safety, the concept of sustainable development.

About the author: GUSEV Alexander Anatolyevich – PhD in Political Sciences of the Russian Academy of National Economy and state service under the President of the Russian Federation.

The mission of the Russian education in the context of the Bologna process

48

N. Guseva

The implementation of the provisions of the Bologna Declaration is, in fact, a mechanism to ensure the comparability of the quality of training of the graduates of different levels, different educational institutions, skills, depth of training and readiness for mobility in different countries, including in Russia.

The solution of these tasks is connected with the redistribution of social roles, which universities, state authorities and society should play in the future in determining the development of higher education.

Key words: Russian Federation, the Bologna process, the Russian education, the European educational space.

About the author: GUSEVA Nadezhda Alekseevna – PhD in Political Sciences, Dean of the Krasnogorsk state College.

Integration Projects in Post-Soviet space: perspectives and limits

62

J. Korejba

The paper analyzes possibilities of creation and realization of political and economic integration projects of post-Soviet countries in Europe. The paper stresses on the structure and dynamics of international cooperation of post-Soviet states as well as genesis, practics and perspectives of their policy towards existing integration entities in Europe. It also contains prognosis of development of regional balance of power and its influence on global and european stability.

Key words: Post-Soviet Space, Eastern Europe, European Union, NATO, Russia's foreign policy, Russia – EU relations, CIS, EurAsEC, Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia, Eurasian Union.

About the author: Korejba Jakub W. – graduated from Institute of International Relations of Warsaw University, Ph.D student at Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO – University.

Peasantry: problems of social philosophy and social theory. Peasantry in social systems

69

A. Fursov

Starting from the "round table" discussion devoted to peasantry – power relationship, the author analyzes the problems of social nature of the peasant, definition of "peasant" in accordance with his place in the system of division of labour, the specificity of peasant's position in social systems.

Key words: peasantry, social theory, social system, peasant studies, Gemeinwesen, community.

About the author: FURSOV Andrey I. – Director of the Centre of Russian Studies of Moscow University for the Humanities, Active Member of the International Social Science Academy (Innsbruck, Austria).

Interparliamentary institutions: criteria and classifications 90

A. Vinogradova

The article is devoted to the overall performance of the category «Interparliamentary institution» (IPI) and its types (subcategories). On the basic of own IPI criteria system author develops IPI classification, marking out following IPI types: international/regional parliamentary organizations, international parliamentary associations (subcategory – issue-related parliamentary associations), parliamentary bodies/assemblies of international organizations (subcategory – parliamentary organizations acting under the auspices of international organizations).

Key words: interparliamentary institution (IPI), parliamentary assembly, international organization, waves of parliamentarization, parliamentarization.

About the author: VINOGRADOVA Anastasia Aleksandrovna – Ph.D. (political sciences), third secretary of the European cooperation Department, MFA of Russia.

European path of innovation policy

107

P. Seleznev

This article focuses on the analysis of the European experience of innovation policy realization. The Author emphasizes that the interest of EU-countries to innovations is due to the growing needs of the consumption society formed in those countries and which at the beginning of the XXIst century became more "demanding" and "capricious". Therefore strength of political power, political stability, as well as effectiveness of political and socio-economic course depend on how that power succeeds in modernization. At the same time the author analyses innovation situation in Germany – informal EU-leader and marks its strengths and weaknesses.

Key words: Innovation and technology policy, scientific and technological development, consumption society, competitiveness, cutting-edge technologies, R&D, high-tech products.

About the author: SELEZNEV Pavel S. – Director for International Cooperation at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Science (Political Science).

Reviews

Russia, Italy and Vatican in the Europe of XXI century

122

V. Bogomazov

In the beginning of February 2012 was presented a new book of Russian and Italian authors about Russia, Italy and Vatican in the Europe of the XXI century.

Key words: Mediterranean cross-roads, challenges of the XXI century, relationship of new Russia with new Italy, Vatican.

About the author: BOGOMAZOV Valentin Mihailovich – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia.

The Heroic Chapter of History of the Interior Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia 125

A. Solovov

The review gives an overall in-depth analysis of the book by Zhuravel V.P. and Lebedev A.V. "Grozny. Special district" which follows the conduct of the antiterrorist operation in Grozny in 1999-2000. It is noted that the book analyzes a voluminous documentary material, publications of Russian and foreign media, views of political and military figures on the planning and the conduct of the operation. The value of the reminiscences of actual participants of the fights in Grozny is particularly stressed. The reviewer expresses the opinion that the notable feature of the book is the view of the authors that the solution of an internal armed conflict in the Caucasus was never successful by military or peaceful means alone. All this must be regarded in one system.

Key words: federal troops, interior troops of the Ministry of internal affairs of Russia, North Caucasus, second storming of Grozny, terrorism, list of killed military servicemen.

About the author: SOLOVOV Alexandr Ilyich – professor, Border Guard academy of the Federal security service of Russia, colonel (ret.)

Дизайн и верстка Юданова Н.И.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200. Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год) в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2. OOO «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: http://www.rau.su Подписано в печать 14.06.2012. Формат $70x100^{-1}/_{16}$. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО "Джей Ти Принт". Заказ № 205.